

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

ТИПОЛОГИЯ МОРФОСИНТАКСИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ

ТОМ 5
ВЫПУСК 1

2022

ISSN 2686-7419

**Типология морфосинтаксических параметров
том 5, выпуск 1**

Издаётся с 2018 года

Периодичность издания: 2 выпуска в год

Учредитель:

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

Адрес редакции:

Россия, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, 6

Сайт журнала:

<https://tmp.sc/>

Электронная почта:

tmp.2018.moscow@gmail.com

Свидетельство о регистрации:

ЭЛ № ФС 77-76307 от 19.07.2019

© Авторы, 2022

© Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2022

Pushkin State Russian Language Institute

T Y P O L O G Y O F M O R P H O S Y N T A C T I C P A R A M E T E R S

VOLUME 5
ISSUE 1

2022

ISSN 2686-7419

Typology of Morphosyntactic Parameters
volume 5, issue 1

First published in 2018

Two issues per year

The founder:

Pushkin State Institute for the Russian Language

Editorial office:

Ac. Volgin Str., 6 (ulitsa Akademika Volgina, 6), Moscow, 117485, Russia

Website:

<https://tmp.sc/index.php/eng>

E-mail:

tmp.2018.moscow@gmail.com

Mass media registration certificate:

ЭЛ № ФС 77-76307 as of 19.07.2019

© The authors, 2022

© Pushkin State Institute for the Russian Language, 2022

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Екатерина Анатольевна Лютикова —

доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

[ORCID: 0000-0003-4439-0613](https://orcid.org/0000-0003-4439-0613)

[Личная страница в системе ИСТИНА МГУ](#)

[Личная страница на Academia.edu](#)

Заместитель главного редактора

Антон Владимирович Циммерлинг —

доктор филологических наук; главный научный сотрудник Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина; профессор кафедры общего языкознания и русского языка Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина; ведущий научный сотрудник сектора типологии Института языкознания РАН, Москва, Россия

[ORCID: 0000-0002-5996-2648](https://orcid.org/0000-0002-5996-2648)

[Личная страница на сайте ИЯ РАН](#)

[Личная страница на Academia.edu](#)

[Личная страница на Researchgate.net](#)

Ответственный секретарь

Ксения Павловна Семёнова —

специалист, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия

[Личная страница в системе ИСТИНА МГУ](#)

[Личная страница на Academia.edu](#)

Редколлегия

Джон Фредерик Бейлин —

Ph.D.; профессор университета Стоуни Брук, Нью-Йорк, США

<https://linguistics.stonybrook.edu/faculty/john.bailyn/>

Олег Игоревич Беляев —

кандидат филологических наук; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

<https://istina.msu.ru/profile/belyaev/>

Яцек Виткощ —

Ph.D.; профессор университета г. Познань, Польша

http://wa.amu.edu.pl/wa/Witkos_Jacek

Анастасия Алексеевна Герасимова —

ведущий специалист Лаборатории автоматизированных лексикографических систем Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

<https://istina.msu.ru/profile/Gerasimova/>

Павел Валерьевич Гращенко —

доктор филологических наук; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; старший научный сотрудник отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН, Москва, Россия

<https://istina.msu.ru/profile/gra-paul/>

Атле Грённ —

Ph.D.; профессор университета г. Осло, Норвегия

<https://www.hf.uio.no/ilos/english/people/aca/atleg/index.html>

Нерея Мадарьяга —

Ph.D.; доцент университета Страны Басков, Витория, Испания

<https://ehu.academia.edu/NereaMadariaga>

Владимир Александрович Плунгян —

доктор филологических наук, профессор, академик РАН; заместитель директора Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН; заведующий сектором типологии Института языкознания РАН; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

<https://www.ruslang.ru/publica/plungyan>

Мария Полинская —

Ph.D.; профессор университета Мэриленда и Гарвардского университета, США

<http://www.mariapolinsky.com/>

Андрей Владимирович Сидельцев —

доктор филологических наук; заместитель директора Института языкознания РАН

<http://iling-ran.ru/main/scholars/sidelcev>

Яков Георгиевич Тестелец —

доктор филологических наук, доцент; профессор учебно-научного центра лингвистической типологии Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета; ведущий научный сотрудник Отдела кавказских языков Института языкознания РАН, Москва, Россия

<https://istina.msu.ru/profile/Testelets/>

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief

Ekaterina A. Lyutikova —

Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

[ORCID: 0000-0003-4439-0613](https://orcid.org/0000-0003-4439-0613)

[Personal page on Istina.msu.ru](https://istina.msu.ru)

[Personal page on Academia.edu](https://www.academia.edu)

Deputy chief editor

Anton V. Zimmerling —

Dr. Phil. Hab.; principal research fellow at Pushkin State Russian Language Institute; professor at the Department of General Linguistics and Russian Language, Pushkin State Russian Language Institute; principal research fellow at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

[ORCID: 0000-0002-5996-2648](https://orcid.org/0000-0002-5996-2648)

[Personal page on The Institute of Linguistics RAS Website](https://www.ling.ras.ru)

[Personal page on Academia.edu](https://www.academia.edu)

[Personal page on Researchgate.net](https://www.researchgate.net)

Executive secretary

Xenia P. Semionova —

specialist at the Vinogradov Russian Language Institute RAS, Moscow, Russia

[Personal page on Istina.msu.ru](https://istina.msu.ru)

[Personal page on Academia.edu](https://www.academia.edu)

Editorial staff

John Frederick Bailyn —

Ph.D.; professor at the Stony Brook University, New York, USA

<https://linguistics.stonybrook.edu/faculty/john.bailyn/>

Oleg I. Belyaev —

Ph.D.; associate professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

<https://istina.msu.ru/profile/belyaev/>

Jacek Witkoś —

Ph.D.; professor at the Poznań University, Poland

<http://wa.amu.edu.pl/wa/Witkos Jacek>

Anastasia A. Gerasimova —

leading specialist at the Laboratory for Computational Lexicography, Research Computing Center, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

<https://istina.msu.ru/profile/Gerasimova/>

Pavel V. Grashchenkov —

Dr. Phil. Hab.; associate professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University; research fellow at the Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia

<https://istina.msu.ru/profile/gra-paul/>

Atle Grønn —

Ph.D.; professor at the Oslo University, Norway

<https://www.hf.uio.no/ilos/english/people/aca/atleg/index.html>

Nerea Madariaga —

Ph.D.; professor at the University of the Basque Country, Vitoria, Spain

<https://ehu.academia.edu/NereaMadariaga>

Vladimir A. Plungian —

Dr. Phil. Hab., Professor, RAS full member; deputy director of the Vinogradov Russian Language Institute RAS; Head of Section of Linguistic Typology of the Institute of Linguistics RAS; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

<https://www.ruslang.ru/publica/plungyan>

Maria Polinsky —

Ph.D.; professor at the University of Maryland, professor at the Harvard University, USA

<http://www.mariapolinsky.com/>

Andrei V. Sideltsev —

Dr. Phil. Hab.; deputy director of the Institute of Linguistics RAS) Moscow, Russia

<http://iling-ran.ru/main/scholars/sidelcev>

Yakov G. Testeleets —

Dr. Phil. Hab.; professor at the Center for Linguistic Typology of the Institute of Linguistics of the Russian State University for the Humanities; leading researcher at the Department of Caucasian Languages of the Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russia

<https://istina.msu.ru/profile/Testeleets/>

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Д. Д. Белова, Т. И. Давидюк</i> Предикативное согласование с сочиненным подлежащим в русском языке	13
<i>М. Ю. Князев</i> Фактивность и информационный статус как условия употребления номинализованных клауз.....	35
<i>Е. А. Лютикова</i> Пространственные формы хваршинского языка в контексте внутригенетической типологии.....	56
<i>Д. Ю. Писаренко</i> Местоимения серии <i>-нибудь</i> и подъём отрицания в русском языке	72
<i>П. В. Руднев, А. С. Шкунова</i> Идиомы, контроль и позиция аргумента в свете русских данных	91
<i>К. А. Студеникина</i> Структура именных групп с сочиненными модификаторами в русском языке: экспериментальное исследование.....	107

CONTENTS

<i>Daria Belova, Tatiana Davidyuk</i>	
Predicate agreement with coordinated subjects in Russian.....	13
<i>Mikhail Knyazev</i>	
Factivity and information status as determinants of the distribution of nominalized clauses	35
<i>Ekaterina Lyutikova</i>	
Khwarshi spatial forms in the context of intragenetic typology.....	56
<i>Denis Pisarenko</i>	
Russian <i>nibud'</i> -indefinites and Neg-Raising	72
<i>Pavel Rudnev, Alexandra Shikunova</i>	
Idioms, NP position, and control: Evidence from Russian.....	91
<i>Kseniia Studenikina</i>	
Syntactic structure of noun phrases with coordinated modifiers in Russian: Experimental study	107

ПРЕДИКАТИВНОЕ СОГЛАСОВАНИЕ С СОЧИНЕННЫМ ПОДЛЕЖАЩИМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

Д. Д. Белова¹, Т. И. Давидюк²

^{1,2}МГУ имени М. В. Ломоносова /

¹Междисциплинарная научно-образовательная школа

Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

«Мозг, когнитивные системы, искусственный интеллект» /

²Институт языкознания РАН

Аннотация: Статья посвящена экспериментальному исследованию предикативного согласования с сочиненным подлежащим, содержащим личные местоимения, в русском языке. Мы сравнили приемлемость различных вариантов согласования в зависимости от порядка слов, порядка конъюнктов и временных характеристик глагола. Результаты экспериментов показали, что в русском языке с сочиненными подлежащими, содержащими личные местоимения, возможны три стратегии согласования — резолюционное согласование в соответствии с личной иерархией, согласование с ближайшим конъюнктом и дефолтное согласование.

Ключевые слова: предикативное согласование, сочиненное подлежащее, иерархия лица, русский язык

Для цитирования: Белова Д.Д., Давидюк Т.И. Предикативное согласование с сочиненным подлежащим в русском языке // Типология морфосинтаксических параметров. 2022. Том 5, вып. 1. С. 13–34.

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, [проект №22-18-00037](#), реализуемого в МГУ имени М.В. Ломоносова.

PREDICATE AGREEMENT WITH COORDINATED SUBJECTS IN RUSSIAN*

Daria Belova¹, Tatiana Davidyuk²

^{1,2}*Lomonosov Moscow State University / ¹Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Brain, Cognitive Systems, Artificial Intelligence” /*

²*Institute of Linguistics RAS*

Abstract: The article presents an experimental study of predicative agreement with a coordinate subject containing personal pronouns in Russian. We compared the acceptability of different agreement strategies depending on word order, conjunct order, and tense of the verb. The results of the experiments showed that in the constructions with coordinate subjects containing personal pronouns, three strategies are possible — resolution agreement, closest conjunct agreement, and default agreement.

Keywords: predicate agreement, coordinate subject, person hierarchy, the Russian language

For citation: Belova D., Davidyuk T. Predicate agreement with coordinated subjects in Russian. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2022. Vol. 5, iss. 1. Pp. 13–34. (In Rus.)

---

* This research is supported by Russian Science Foundation, RSF [project #22-18-00037](#) realized at Lomonosov Moscow State University.

1. Введение

1.1. Стратегии согласования с сочиненным подлежащим

Предложения, в которых в качестве подлежащего выступает сочиненная группа, представляют интерес для исследования предикативного согласования. Если конъюнкты в такой группе различаются по ϕ -признакам, то возникает необходимость в выборе того, какое из значений каждого признака примет предикат. Наиболее распространенной на данный момент точкой зрения относительно того, как устроено взаимодействие признаков между собой, является идея, что согласование по разным признакам, в частности лицу, числу и роду, происходит отдельно друг от друга (см., в частности, о таком механизме [Béjar, Rezac 2003]). В языках мира зафиксировано три стратегии согласования. Первая, при которой значение признака мишени согласования некоторым образом выбирается исходя из того, какими значениями обладают конъюнкты, называется **разрешением**, или **резольюционным** согласованием (*resolution*). Для признака лица примером стратегии разрешения является соблюдение иерархии лиц (*personal hierarchy*, [Zwicky 1977]): предикат принимает то из наличествующих значений лица, которое находится выше на иерархии $1 > 2 > 3$. В примере (1) из венгерского предикат принимает значение второго лица, если в подлежащем сочинены местоимения второго и третьего, но первого, если сочинены первое и второе. Резольюционное согласование по роду или именному классу в языках мира распространено не так широко, см. примеры таких языков в [Dalrymple, Kaplan 2000: 787–792]. Согласование по числу в бинарных системах обычно не требует разрешения, поскольку сочиненная группа, как предполагается в большинстве синтаксических работ, имеет собственный признак числа — множественное. Тем не менее, в более сложно устроенных системах признак числа также может инициировать резольюционное согласование [Corbett 1983a].

(1) венгерский

a. *Te és ő mindig el késtek.*

ты и он всегда PRT опаздывать-2PL

‘Ты и он всегда опаздываете.’

- b. *Te és én számíthatunk rá, hogy meg várnakrpt minket.*
 ты и я мочь.рассчитывать-1PL на.то что PRT они.ждут мы-ACC
 ‘Ты и я можем рассчитывать на то, что они нас ждут.’ [Kiss 2012: 1048, 1050]

Вторая возможная стратегия — **частичное** согласование, при котором предикат принимает все необходимые признаки одного из конъюнктов, включая число, а признаки другого конъюнкта игнорируются. Наиболее распространенным подвидом частичного согласования является **согласование с ближайшим конъюнктом** (*closest conjunct agreement*), в частности **согласование с первым конъюнктом** (*first conjunct agreement*) при порядке слов VS, которое широко зафиксировано в языках с базовым постглагольным положением субъекта, таких как уэльский (2). **Согласование с последним конъюнктом** (*last conjunct agreement*) при порядке слов SV зафиксировано в небольшом количестве языков — в частности, таким языком является словенский (3). Среди разновидностей частичного согласования также можно выделить **согласование с самым высоким конъюнктом** (*highest conjunct agreement*), при котором согласование происходит с конъюнктом, который, как предполагается, занимает более высокую позицию в структуре сочиненной именной группы (см. [Munn 1993] о структуре сочиненных групп) вне зависимости от порядка слов (4).

(2) валлийский

- Fe fyddi di a fi yn mynd i'r parti.*
 AFF FUT.2SG ты и я PRT идти на вечеринка
 ‘Ты и я пойдем на вечеринку.’ [Harbert, Bahloul 2002: 12]

(3) словенский

- Radirke in peresa so se prodajala najboljše.*
 ластик.FEM.PL и ручка.NEUT.PL AUX.PL продавался.NEUT.PL лучше_всего
 ‘Ластики и ручки продавались лучше всего.’ [Marušič et al. 2007: 2]

(4) словенский

- Knjige in peresa so se podražile.*
 книги.FEM.PL и ручка.NEUT.PL AUX.PL подорожал.FEM.PL
 ‘Книги и ручки подорожали.’ [Willer-Gold et al. 2016: 3]

Наконец, при невозможности применить одну из перечисленных выше стратегий может возникать **дефолтное** согласование, то есть некоторое значение признака применяется по умолчанию [Nevins, Weisser 2019].

В конкретном языке могут быть возможными две и более стратегии согласования. Например, широко распространен такой паттерн совмещения стратегий, когда при SV-порядке слов в предложении предпочитается разoluционная стратегия, а в VS становится опционально доступно согласование с первым конъюнктом (5).

(5) чешский

a. *Já a ty zůstaneme doma.*

я и ты остаться.FUT.1PL дома

‘Ты и я останемся дома.’ [Driemel 2018: 217]

b. *Půjdu tam já i ty.*

пойти.FUT.1SG там я и ты

‘Ты и я пойдем туда.’ [Johannessen 1996: 663]

Вариативность предикативного согласования с сочиненным подлежащим неоднократно становилась предметом исследований с применением экспериментальных методик. В работе [Harrison 2009] был проведен ряд экспериментов на материале словенского языка. В стимулах использовались конъюнкты с союзами *in* ‘и’ и *ali* ‘или’, рассогласованные по роду или числу. Результаты показали заметную вариативность в порождаемых носителями конструкциях. Позже вариативность согласования по роду в словенском — как между разными носителями, так и внутри одного идиолекта — была обнаружена в исследовании [Marušič et al. 2015] в нескольких экспериментах, где испытуемых просили заполнить пропуски в глагольных или причастных окончаниях.

В работе [Haskell, MacDonald 2005] предметом исследования являются английские именные группы, сочиненные при помощи союза *or* ‘или’. Эксперименты на порождение показали возможность согласования с ближайшим конъюнктом: если сочиненная группа располагается после глагола, то глагол чаще согласуется по числу с первым конъюнктом, а если до, то с последним. Модификация этого эксперимента, сравнивающая сочиненные группы с союзами *or* ‘или’ и *and* ‘и’, представлена в работе [Keung, Staub 2018]. Испытуемому предъявлялось два предложения с различным согласованием и предлагалось выбрать один, как ему кажется, правильный вариант (методика *two-alternative forced choice*). Результаты эксперимента показали, что в обоих типах ИГ можно наблюдать эффекты согласования с ближайшим конъюнктом, при этом существенной разницы между частотностью того или иного паттерна согласования в зависимости от союза не обнаружилось.

В качестве еще одного экспериментального исследования, в результате которого была найдена как внутридиалектная, так и междиалектная вариативность относительно приемлемости различных стратегий согласования, можно отметить [Timmermans et al. 2004], проведенное на материале немецкого и нидерландского языков. В экспериментах на порождение изучалось согласование по лицу с сочиненной группой, в которую входили местоимения второго и третьего лица либо местоимение второго лица и существительное. В результате форма предиката (или рефлексивного местоимения в случае нидерландского) конструкции с согласованием по 3 лицу множественному числу в обоих языках порождалась даже чаще, чем конструкция с согласованием по 2 лицу множественному числу, ожидаемая по резолюционной стратегии. Эффекта согласования с ближайшим конъюнктом обнаружено не было — наоборот, расположение конъюкта третьего лица дальше от мишени согласования увеличивало частоту глагольной (или местоименной) формы третьего лица, соответственно.

1.2. Согласование с сочиненным подлежащим в русском языке

Существующие данные русского языка говорят о потенциальной вариативности предикативного согласования по ф-признакам. Обратимся к личному согласованию. С одной стороны, нормативные грамматики в качестве допустимой стратегии личного согласования при согласовании с местоименными конъюнктами предполагают только разрешение [РГ 1980: 243–244] (6а–с). С другой стороны, в русском языке при препозиции глагола может возникать частичное согласование, вызывающее нарушение иерархии согласования по лицу (7). В [Пекелис 2013; Санников 2008: 161] в качестве других факторов, способных вызывать нарушение иерархии согласования по лицу, указываются наличие некоторых двойных сочинительных союзов (8) и семантическая разнородность конъюнктов (9).

- (6) а. *Я и он придём.*
б. *Ты и твои родные не едете.*
с. *Ни я, ни ты не едем.* [РГ 1980: 244]
- (7) *Остаются учителя старших классов и ты.* [Пекелис 2013]
- (8) *Но гораздо лучше, когда не столько ты, сколько другие считают/
считаете тебя красивой. [Пекелис 2013]
- (9) *Его погубит/*погубите любовь к выпивке и ты.*
[Санников 2008: 161]

Для числового согласования с сочиненными именными группами обнаруживается несколько больше факторов, влияющих на вариативность. В корпусном исследовании, представленном в работе [Corbett 1983b], было показано, что при порядке слов SV частичное согласование возникает крайне редко, в отличие от конструкций с порядком слов VS. В упомянутой работе также делается наблюдение, что немаловажным фактором является одушевленность конъюнктов: так, согласование по единственному числу существенно чаще возникает при неодушевленных конъюнктах-подлежащих. Влияние одушевленности обсуждается также в [Санников 2008]: исследователь приводит иерархию (10), в которой чем более высокое место занимает существительное, тем выше становится вероятность согласования по единственному числу, ср. (11а–с):

- (10) имена собственные < одушевлённые нарицательные существительные < неодушевлённые конкретные существительные < неодушевлённые абстрактные существительные
- (11) а. *Во всём был виден/?? видны точный расчёт и удивительная целеустремлённость.*
 б. *Отсюда мне виден/? видны дом и опушка леса.*
 с. *Отсюда мне видны/?? виден Коля и Маша.* [Санников 2008: 157–158]

В [Пекелис 2013] иерархия в (10) дополняется параметром референтности, который оказывается важным для одушевлённых нарицательных существительных. Так, единственное число сказуемого оказывается более допустимым, если конъюнкты представляют собой нереперентные именные группы:

- (12) а. *?? Сам постыдный плотский грех никак не назывался — и прокурор, и адвокат, и свидетель вынужден был говорить обиняками.*
 б. *Бывает, что и вор, и преступник постучится в нашу дверь.*
 [Пекелис 2013: 59]

Числовое согласование оказывается чувствительным к морфологическим характеристикам конъюнктов: так, совпадение рода и числа у конъюнктов «облегчает» согласование с ближайшим конъюнктом:

- (13) а. *Белена и крапива росла прямо под окнами.*
 б. *? Бурьян и крапива росла прямо под окнами.* [Санников 2008: 158]

Наконец, значимыми для паттернов числового согласования могут быть свойства предиката: отсутствие у сказуемого охарактеризованности по роду способствует его согласованию с ближайшим конъюнктом:

(14) а. *Прямо у крыльца растёт большая сосна и дуб.*

б. *²Прямо у крыльца росла большая сосна и дуб.* [Санников 2008: 160]

В данной ситуации экспериментальные методы кажутся наилучшим способом изучить распространенность различных стратегий согласования и границы, в которых они варьируются. Это особенно важно для согласования по лицу: в корпусах крайне мало данных о сочинении, например, местоимений первого и второго лица. Помимо интереса для русистики, эксперимент на материале русского языка важен для построения универсальных моделей согласования в целом, поскольку возможности порядка слов позволяют узнать, действительно ли согласование с первым конъюнктом и резолюционное согласование в каких-то контекстах полностью взаимозаменяемы и воспринимаются носителями как приемлемые в одинаковой степени.

2. Экспериментальное исследование

Наше исследование состоит из двух групп экспериментов, содержащих четыре и два эксперимента соответственно. Все эксперименты были реализованы нами на платформе PCIBex [Zehr, Schwarz 2018]. Первая группа экспериментов была направлена на изучение согласования по лицу, числу и роду с подлежащим, содержащим личное местоимение 1 лица и имя собственное, а вторая группа — на изучение лично-числового согласования с местоименными конъюнктами 1 и 2 лица. Респонденты — носители русского языка — привлекались в социальных сетях и на краудсорсинговой платформе «Яндекс.Толока». Во всех шести экспериментах использовалась методика извлечения суждений при помощи шкалы Ликерта 1 (плохо) — 7 (хорошо). Полученные оценки были нормализованы по формуле (15) для нивелирования индивидуальных особенностей использования шкалы и статистически обработаны и визуализированы с помощью языка R [R Core Team 2017].

$$(15) \quad Z_{ij} = \frac{(X_{ij} - \bar{X}_i)}{\sigma_i}$$

где: Z_{ij} — нормализованная j -ая оценка i -ого респондента, X_{ij} — j -ая оценка i -ого респондента, $\bar{X}_i$ — среднее значение оценок i -ого респондента по всем экспериментальным условиям, σ_i — стандартное отклонение оценок i -ого респондента по всем экспериментальным условиям.

Статистическому анализу предшествовал также отсев респондентов с отклоняющимися ответами и невнимательных респондентов. Отсев респондентов первой группы базировался на подсчете двух метрик: а) сумма квадратов отклонений от «эталонных» оценок в 6 и 2 для грамматичных и неграмматичных филлеров соответственно: если это значение у респондента отличается более чем на 2 стандартных отклонения, то оценки данного респондента не учитываются при анализе; б) стандартное отклонение от средних оценок для филлеров: если несколько оценок некоторого респондента не попадают в заданный интервал, то оценки данного респондента не учитываются при анализе. Также отсев проводился по временному критерию: если у респондента было несколько «быстрых» ответов длительностью меньше, чем 300 миллисекунд, то его ответы не рассматривались при анализе. В экспериментах первой группы были дополнительно предусмотрены контрольные вопросы к стимульным предложениям, целью которых являлось выявление невнимательных респондентов.

Для статистического анализа результатов эксперимента применялся регрессионный анализ с использованием линейных смешанных моделей. Суть данного метода состоит в том, что факторы, которые оказывают влияние на зависимую переменную (т.е. оценку), можно разделить на два типа: фиксированные и случайные. Фиксированные факторы — это независимые переменные, уровень которых устанавливается и контролируется исследователем. В качестве случайных факторов при анализе проведенных нами экспериментов были взяты особенности конкретной лексикализации или конкретного испытуемого. Подбор линейных смешанных моделей осуществлялся вручную. После нахождения модели, наиболее эффективно и точно описывающей данные, проводились множественные попарные сравнения между условиями при помощи теста Тьюки.

2.1. Первая группа экспериментов: согласование с сочиненной именной группой, содержащей личное местоимение я

2.1.1. Дизайн экспериментов первой группы

Первая группа экспериментов направлена на изучение согласования с сочиненной именной группой, содержащей личное местоимение я, как в непрошедшем, так и в прошедшем времени и состоит из четырех экспериментов.

В первой паре экспериментов этой группы мы фиксировали порядок конъюнктов: сочиненное подлежащее имело вид *я и X*, где *X* — имя собственное мужского рода (например, *я и Вася*). Так как с подобными именными группами теоретически возможно 6 вариантов предикативного согласования (4 варианта в непрошедшем времени и 2 варианта в прошедшем времени), то было решено рассматривать согласование в различных глагольных временах в двух отдельных экспериментах. Таким образом, оба эксперимента характеризуются следующими факторами: форма глагола (4 уровня в эксперименте с непрошедшим временем: 1sg, 1pl, 3sg, 3pl; 2 уровня в эксперименте с прошедшим временем: sg, pl), порядок слов (SV или VS). Для экспериментов были отобраны непереходные предикаты. Предикаты были сбалансированы по виду. 32 экспериментальных блока первого эксперимента были разделены по восьми экспериментальным листам, 16 блоков второго эксперимента — по четырем листам. Каждый экспериментальный лист содержал филлеры, соотношение которых к экспериментальным предложениям составляло 1:1. Филлеры делились на грамматичные и неграмматичные. В грамматичных филлерах содержалось сочиненное подлежащее без рассогласования по лицам (например, *Петя и Вася*) с грамматичным согласованием: согласованием по 3 лицу множественному числу в эксперименте с непрошедшим временем и с согласованием по множественному числу — в эксперименте с прошедшим временем. Неграмматичные филлеры в эксперименте с непрошедшим временем содержали ошибку в согласовании: два конъюкта — имена собственные мужского рода «сосуществовали» с глаголом, согласующимся по 1 лицу множественному лицу (*Дима и Витя убираем на кухне*). В эксперименте с прошедшим временем были задействованы неграмматичные филлеры, содержащие ошибку в предложном управлении (*Кирилл и Федя ушли по киоску*). В (16) представлен пример одной и той же лексикализации для обоих экспериментов: (16a–b) — для первого эксперимента, (16c–d) — для второго.

- (16) а. *Я и Вася приду/придём/придёт/придут на вечеринку.*
б. *На вечеринку приду/придём/придёт/придут я и Вася.*
с. *Я и Вася пришёл/пришли на вечеринку.*
д. *На вечеринку пришёл/пришли я и Вася.*

Во второй паре экспериментов мы фиксировали порядок слов, взяв порядок VS. При этом порядок самих конъюнктов варьировался. Оба эксперимента второй пары характеризуются следующими факторами: форма

глагола (4 уровня в эксперименте с непрошедшим временем: 1sg, 1pl, 3sg, 3pl; 2 уровня в эксперименте с прошедшим временем: sg, pl), порядок конъюнктов (*я и Вася* или *Вася или я*). В экспериментах этой пары были также задействованы непереходные предикаты, при этом мы фиксировали вид (взяв несовершенный) и соблюдали баланс по количеству неэргативных и неаккузативных предикатов. Соотношение экспериментальных и филлерных предложений составляло 1:1. Филлеры делились на грамматичные и неграмматичные. Грамматичные филлеры содержали сочиненное подлежащее без рассогласования по лицам с грамматичным согласованием. Неграмматичные филлеры содержали либо ошибку в предикативном согласовании (*придём / приду Петя и Вася*), либо ошибку в согласовании прилагательного и существительного в предложной группе (например, *в больничном коридорах, в правом углах*). В (17) приведен пример одной и той же лексикализации для обоих экспериментов: (17a–b) — для первого эксперимента, (17c–d) — для второго.

- (17) а. *В районном центре живу/живём/живёт/живут я и Петя.*
б. *В районном центре живу/живём/живёт/живут Петя и я.*
с. *В районном центре жил/жили я и Петя.*
д. *В районном центре жил/жили Петя и я.*

2.1.2. Результаты экспериментов первой группы

Рассмотрим результаты первой пары экспериментов, в которых мы фиксировали вид конъюнкта (*я и Вася*), но при этом меняли порядок слов. В эксперименте с непрошедшим временем приняло участие 84 респондента (49 мужчин, 35 женщин). Средний возраст испытуемых составил 36 лет. На рисунке 1 представлен график взаимодействия факторов эксперимента с непрошедшим временем.

Значимыми оказываются оба фактора (форма и позиция глагола) и их взаимодействие. Наиболее высокие оценки получает согласование по 1 лицу множественному числу вне зависимости от линейного расположения конъюнктов и предиката. Оценки для резолюционного согласования оказываются не такими высокими, как оценки грамматичных филлеров вероятно, потому, что для выражения значения ‘я и Вася’ наиболее предпочтительной и частотной является комитативная конструкция с поглощением референта — *мы с Васей* (см. корпусное исследование в [Подлеская 2012]); некоторые респонденты в комментариях к эксперименту отмечали, что конструкция *я и Вася* выглядит неестественно.

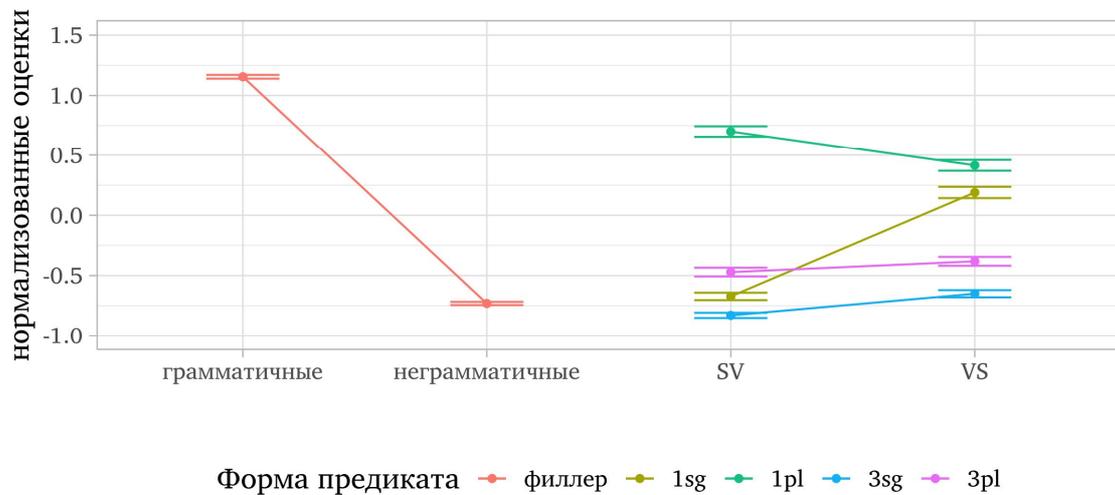

Рисунок 1. График взаимодействия факторов эксперимента с непрошедшим временем с фиксированным порядком конъюнктов

При порядке VS достаточно высоко оценивается согласование с ближайшим конъюнктом, но при этом значимо ниже, чем резолюционное согласование ($p=0,01$). При порядке SV согласование с первым конъюнктом оценивается на уровне неграмматичных филлеров (двусторонний t-тест Стьюдента: $p=0,06$). Также на уровне неграмматичных филлеров оценивается согласование по 3 лицу единственному числу (т.е. согласование с последним конъюнктом) при обоих порядках слов (двусторонний t-тест Стьюдента: $p=0,71$). Интересно согласование по 3 лицу множественному числу (мы будем называть его «дефолтное согласование»): оценки для него значимо отличаются от оценок для согласования по 3 лицу единственному числу при порядке SV ($p<0,05$). При порядке VS статистически значимой разницы между оценками для согласования по 3 лицу единственному числу и 3 лицу множественному числу не обнаруживается ($p=0,08$).

В эксперименте с прошедшим временем приняло участие 40 человек (17 мужчин и 23 женщины), средний возраст которых составляет 30 лет. На рисунке 2 представлен график взаимодействия факторов этого эксперимента.

В этом эксперименте также значимыми оказались и оба фактора (форма и позиция глагола), и их взаимодействие. Самые высокие оценки при обоих порядках слов получило согласование по множественному числу. Что касается согласования по единственному числу, то при порядке слов SV предложения с таким согласованием получают оценки на уровне неграмматичных филлеров (и даже ниже, двусторонний t-тест Стьюдента: $p=0,15$). Согласование по единственному числу при порядке слов VS оценивается значимо ($p<0,05$) выше, чем согласование по единственному числу при порядке слов SV.

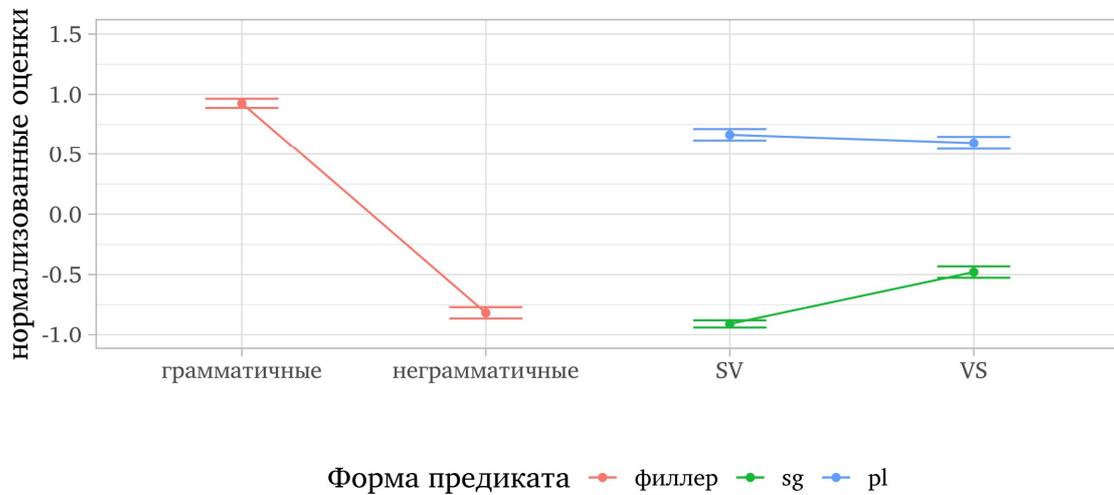

Рисунок 2. График взаимодействия факторов эксперимента с прошедшим временем с фиксированным порядком конъюнктов

Перейдем к описанию результатов второй пары экспериментов, в которых был представлен только порядок слов VS, но при этом мы варьировали порядок конъюнктов (*я и Вася* и *Вася и я*). В эксперименте с непрошедшим временем поучаствовало 85 человек (48 мужчин, 34 женщины). Средний возраст участников составляет 38 лет. График взаимодействия факторов данного эксперимента представлен на рисунке 3.

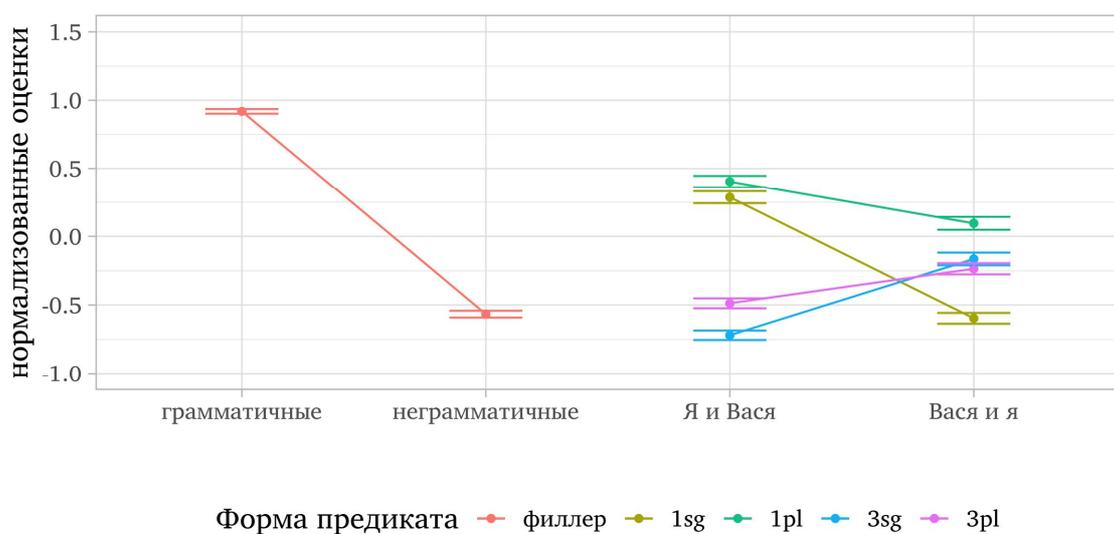

Рисунок 3. График взаимодействия факторов эксперимента с непрошедшим временем с фиксированным VS-порядком

Значимыми являются фактор порядка конъюнктов, формы глагола и их взаимодействие. При порядке *Вася и я* наиболее высокие оценки получило согласование по 1 лицу множественному числу, при порядке *я и Вася* — формы 1 лица множественного и единственного числа, между которыми нет значимых различий ($p=0,98$). При этом оказывается значимым изменение оценок для резолюционного согласования при смене порядка конъюнктов ($p=0,003$). Следующим в «рейтинге» оценок находится согласование с ближайшим конъюнктом при порядке *VS*, однако для порядка *я и Вася* оно оценивается значимо выше, чем для порядка *Вася и я* ($p<0,05$). Согласование со вторым конъюнктом оценивается крайне низко. Однако согласование по 3 лицу множественному числу оценивается значимо выше, чем согласование со вторым конъюнктом ($p<0,05$). Примечательно, что при порядке конъюнктов *Вася и я* оценки для дефолтного согласования по 3 лицу множественному числу значимо не отличаются от оценок для согласования с первым конъюнктом (т.е. согласования по 3 лицу единственному числу).

В эксперименте с прошедшим временем поучаствовало 43 человека (28 мужчин, 15 женщин), средний возраст которых составляет 37 лет. На рисунке 4 представлен график взаимодействия факторов данного эксперимента.

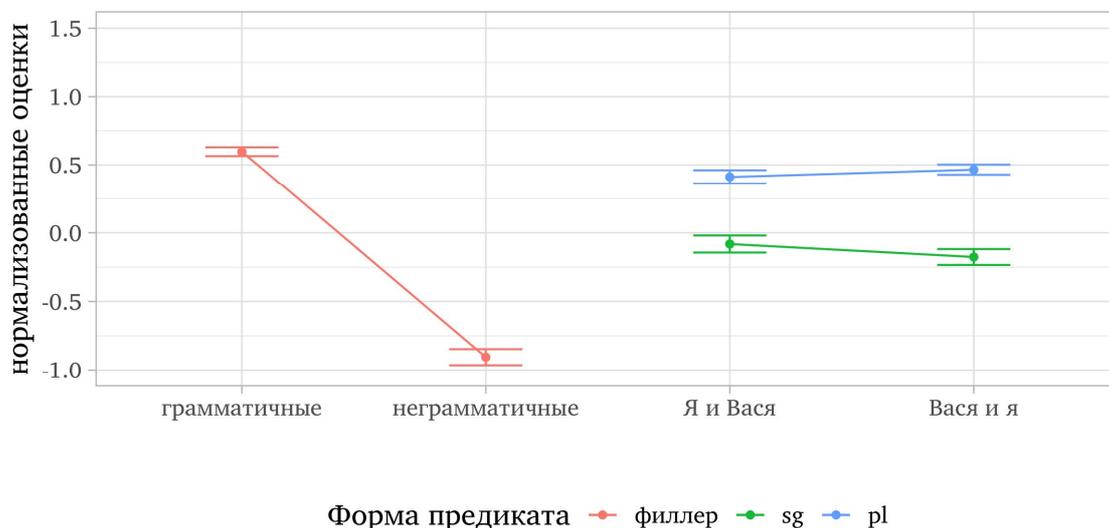

Рисунок 4. График взаимодействия факторов эксперимента с прошедшим временем с фиксированным VS-порядком

Для этого эксперимента фактор порядка конъюнктов оказывается незначим. Наиболее высоко оценивается согласование по множественному числу. Согласование по единственному числу оценивается значительно ниже.

2.2. Вторая группа экспериментов: согласование по лицу с местоименными конъюнктами

2.2.1. Дизайн экспериментов второй группы

Вторая группа экспериментов, в отличие от первой, направлена исключительно на изучение лично-числового согласования. Предложения с подлежащим, содержащим два местоименных конъюнкта (1 и 2 лица), позволяют уточнить, в каких границах варьируются резолюционное, частичное и дефолтное согласование в зависимости от порядка конъюнктов и расположения подлежащего относительно сказуемого. Для того, чтобы эксперимент не получился слишком перегруженным, мы разделили исследование на два эксперимента с идентичным дизайном и лексикализациями, которые различались только порядком слов: SVO и OVS. Факторный дизайн экспериментов содержал две зависимые переменные: форма глагола (1pl — стратегия разрешения / 1sg и 2sg — частичное согласование / 3pl — дефолтное согласование) и порядок конъюнктов (*я и ты* / *ты и я*). 32 экспериментальных блока в каждом эксперименте были разделены по восьми экспериментальным листам. Помимо тестовых стимулов, каждый экспериментальный лист содержал 16 грамматичных и 16 неграмматичных филлеров. Грамматичные филлеры представляли из себя предложения с сочиненной группой из двух существительных в позиции субъекта или объекта. В качестве неграмматичных филлеров использовались предложения с очевидными нарушениями лично-числового согласования и падежного управления. Ниже представлен пример одной и той же лексикализации в конструкции SVO-эксперимента (18a–b) и OVS-эксперимента (18c–d):

- (18) а. *Я и ты строим/строю/строишь/строят крепость из снега.*
б. *Ты и я строим/строю/строишь/строят крепость из снега.*
с. *Крепость из снега строим/строю/строишь/строят я и ты.*
д. *Крепость из снега строим/строю/строишь/строят ты и я.*

2.2.2. Результаты экспериментов второй группы

В SVO-эксперименте приняли участие 107 респондентов (65 мужчин, 42 женщины). Средний возраст участников составляет 38 лет. График взаимодействия факторов для SVO-эксперимента представлен на рисунке 5.

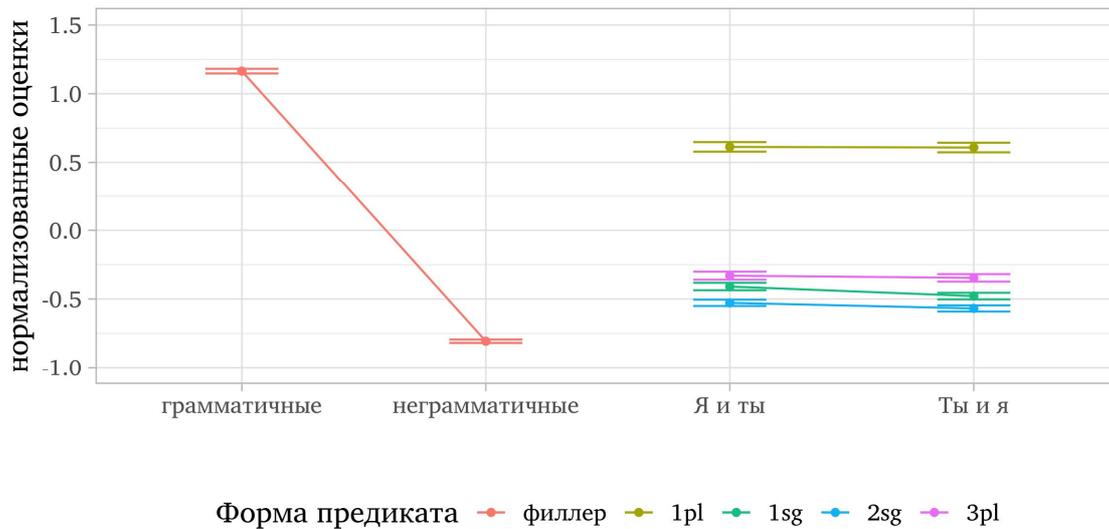

Рисунок 5. График взаимодействия факторов SVO-эксперимента с местоименными конъюнктами

Анализ с применением линейных смешанных моделей показал значимость только одного фиксированного фактора — формы глагола. Между всеми формами глагола есть статистически значимые различия ($p < 0,005$). Наиболее высоко оценивается согласование по 1 лицу множественному числу. Варианты согласования с последним конъюнктом оцениваются наиболее низко, при этом согласование по 1 лицу единственному числу оценивается значимо выше, чем согласование по 2 лицу единственному числу. Значимо выше согласования с последним конъюнктом оценивается дефолтное согласование — согласование по 3 лицу множественному числу. Отметим, что зависимость между оценкой для дефолтного согласования и порядком местоименных конъюнктов не была выявлена.

OVS-эксперимент прошли 126 респондентов (64 мужчины, 62 женщины), средний возраст которых составил 34 года. Результаты OVS-эксперимента в виде графика взаимодействия факторов представлены на рисунке 6.

Согласно анализу, выполненному при помощи линейных смешанных моделей, значимым оказывается не только фактор формы глаголы, но и порядок конъюнктов. Наиболее высокие оценки снова получило согласование по 1 лицу множественному числу; порядок конъюнктов для него оказывается незначимым ($p = 0,999$). Согласование с первым конъюнктом оценивается значительно ниже, но при этом значимо выше, чем согласование с последним конъюнктом. Для дефолтного согласования по 3 лицу множественному числу порядок конъюнктов оказывается не значим ($p = 1,0$). Незначимым является и отличие оценок для частичного согласования при порядке конъюнктов *ты и я* ($p = 0,049$ для пары 2sg–3pl и $p = 0,89$ для пары 1sg–3pl).

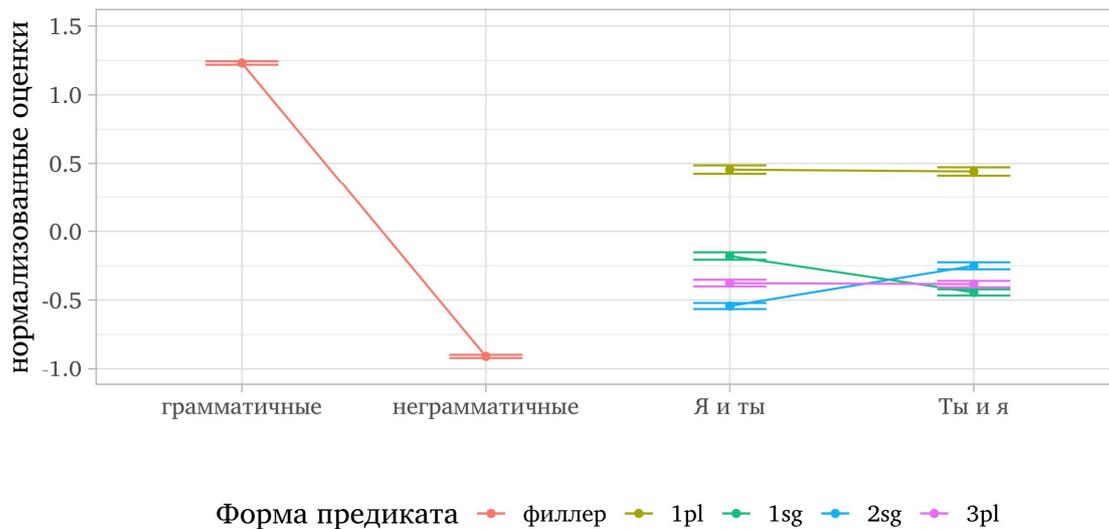

Рисунок 6. График взаимодействия факторов OVS-эксперимента с местоименными конъюнктами

Нужно отметить, что общий уровень оценок в обоих экспериментах по отношению к грамматичным филлерам довольно низкий. Это, как мы предполагаем, связано с прагматической необычностью сочетаний *я и ты* и *ты и я*, особенно при порядке OVS. Такие предложения подразумевают особую информационную структуру, поэтому при предъявлении без контекста могут требовать у респондентов больше ресурсов на обработку. Тем не менее, в обоих экспериментах все условия оцениваются значимо выше, чем неграмматичные филлеры.

3. Обсуждение

По результатам проведенных экспериментов можно заключить, что в русском языке потенциально возможны три стратегии согласования по лицу — резолюционное согласование, согласование с первым конъюнктом при порядке слов VS и дефолтное согласование. Согласование с последним конъюнктом можно признать неграмматичным. Крайне низко оценивается и согласование с наиболее высоким (первым) конъюнктом при порядке слов SV.

Во всех проведенных нами экспериментах наиболее высоко из трёх стратегий оценивается резолюционное согласование. Разрешение признаков лица является наиболее «надежным» среди резолюционных стратегий для других ф-признаков [Corbett 2006]. Тем не менее, как мы видели выше, в некоторых языках, например, в немецком и нидерландском [Timmermans et al. 2004], иерархия согласования по лицу может нарушаться. Так, во всех

проведенных нами экспериментах было обнаружено дефолтное согласование по 3 лицу множественному числу. Примеры дефолтного согласования в русском языке встречаются и в Национальном корпусе русского языка (19)–(20)), а также в работе [Lyskawa 2021: 246], которая посвящена поиску места механизма разрешения признаков в грамматике. В упомянутой диссертации делается вывод, что механизм разрешения признаков находится вне грамматики (*grammar-external*), и одним из аргументов данного вывода является нестрогость правил резолюции для ф-признаков, в том числе для лица.

(19) *Тут, в темном лесу фирм-однодневок, ты и твои люди прячут свой миллион.* [НКРЯ. Андрей Рубанов. Сажайте, и вырастет (2005)]

(20) *На второй день помнят ты и редакция.* [НКРЯ. Евгений Весник. Дарю, что помню (1997)]

Однако точный механизм появления дефолтного согласования при исследуемых конструкциях еще предстоит изучить. Предполагая дефолтный характер 3 лица (так, формы 3 лица употребляются в ряде безличных конструкций в русском языке [Летучий 2011]), в качестве одного из направлений будущих исследований можно предложить сравнение такого согласования с дефолтным согласованием по мужскому роду в словенском: в экспериментальном исследовании [Marušič et al. 2015] согласование по мужскому роду появлялось даже при таких сочиненных подлежащих, ни один из конъюнктов которых не являлся существительным мужского рода.

Интересно, что в экспериментах с порядком слов (O)VS значимые различия в оценках для резолюционного согласования при смене порядка конъюнктов были выявлены для сочиненного подлежащего вида *я и Вася*, но не для сочиненного подлежащего с местоименными конъюнктами (ср. результаты, представленные на рисунке 3 и рисунке 6). При порядке слов VS при конъюнктах *я и Вася / Вася и я* (но не при конъюнктах *я и ты / ты и я*) наблюдаются различия в оценках для согласования по 3 лицу множественному числу. Тот факт, что *Вася* является более «привлекательным» контролером, чем *ты*, может объясняться различным категориальным статусом данных единиц. Для проверки этой гипотезы необходимо провести экспериментальное исследование согласования при сочиненном подлежащем, в частности, вида *я и он(а) / он(а) и я*.

Еще одно отличие в поведении подлежащего вида *я и Вася / Вася и я* по сравнению с подлежащим вида *я и ты / ты и я* заключается в характере частичного согласования в непрошедшем времени. В экспериментах второй группы мы увидели, что согласование с ближайшим конъюнктом оценивается значительно ниже, чем резолюционное согласование по 1 лицу множественному числу. В экспериментах первой группы (особенно если говорить о подлежащем вида *я и Вася*, где местоимение *я* занимает первое место) такого значительного падения оценок для согласования с ближайшим конъюнктом не наблюдается. В работе [Nevins, Weisser 2019], рассматривающей случаи согласования с ближайшим конъюнктом в различных языках мира, делается вывод, что существует некоторая асимметрия между признаками в отношении того, насколько часто они вызывают частичное согласование. Предполагается, что признак лица с меньшей вероятностью вызывает согласование с ближайшим конъюнктом, чем, например, признак рода. Для результатов второй группы экспериментов это эмпирическое обобщение действительно верно (согласование с первым конъюнктом оценивается значительно ниже, чем резолюционное согласование), однако оно идет вразрез с результатами экспериментов первой группы с непрошедшим временем.

Существующие подходы к анализу частичного согласования можно условно разделить на две группы, обе из которых применялись для анализа материала русского языка. В первой группе подходов сочиненная именная группа, с которой происходит частичное согласование, мыслится как единая составляющая (см., например, [Babyonyshev 1996]). Во второй группе подходов предполагается, что на самом деле такая сочиненная группа не представляет собой единого целого — происходит сочинение двух более крупных структур, каждая из которых содержит соответствующий конъюнкт (в частности, см. [Krejci 2020]). Однако если принять предположение второй группы, становится крайне сложно учесть влияние конъюнктов и их порядка на стратегии согласования, обнаруженное в нашем экспериментальном исследовании. Во-первых, при таком подходе неясно, почему при подлежащих *я и Вася* и *я и ты* согласование с ближайшим конъюнктом оценивается на совершенно разных уровнях. Во-вторых, по-разному оценивается и согласование с подлежащими вида *я и Вася / Вася и я* в непрошедшем и прошедшем времени, что также создает некоторые проблемы для этого подхода.

4. Заключение

В настоящей статье описываются результаты экспериментов по изучению лично-числового согласования с сочиненным подлежащим в русском языке. Мы провели две группы экспериментов: в первой группе сочиненное подлежащее содержало только одно личное местоимение — я, а во второй группе экспериментов уже оба конъюнкта подлежащего представляли собой личные местоимения 1–2 лица.

Результаты экспериментов показали, что в русском языке возможны три стратегии согласования — резолюционное согласование, согласование с первым конъюнктом при порядке слов VS и дефолтное согласование по 3 лицу множественному числу. Распределение этих стратегий не демонстрирует свободного варьирования и зависит от факторов порядка слов, порядка конъюнктов и временных характеристик глагола.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; AFF — аффирамативная частица; AUX — вспомогательный глагол; FEM — женский род; FUT — будущее время; NEUT — средний род; PL — множественное число; PRT — прошедшее время; SG — единственное число.

Список источников / References

- Летучий 2011 — Летучий А.Б. Безличность. [Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики](#). На правах рукописи. 2011. [Letuchii A.B. Bezlichnost'. [Impersonality]. [Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki](#). Manuscript copyright. 2011.]
- Пекелис 2013 — Пекелис О.Е. Сочинение. [Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики](#). На правах рукописи. 2013. [Pekelis O.E. Sochinenie. [Coordination]. [Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki](#). Manuscript copyright. 2013.]
- Подлеская 2012 — Подлеская В.И. Структурная и линейно-просодическая целостность именных групп по данным корпусного исследования: сочиненные и комитативные группы с личным местоимением первого лица в русском языке // Вопросы языкознания. 2012. №1. С. 42–65. [Podlesskaya V.I. Strukturnaya i lineino-prosodicheskaya tselostnost' imennykh grupp po dannym korpusnogo issledovaniya: sochinennye i ko-mitativnye gruppy s lichnym mestoimeniem pervogo litsa v russkom yazyke. [Structural and linear-prosodic integrity of noun phrases according to corpus research: composed and comitative phrases with first person personal pronouns in Russian]. Voprosy yazykoznaneya. 2012. №1. Pp. 42–65.]
- РГ 1980 — Виноградов В.В., Истрина Е.С. (ред.). 1960. Грамматика русского языка. М.: Издательство АН СССР. [Vinogradov V.V., Istrina E.S. (eds.). 1960. Grammatika russkogo yazyka. [Grammar of the Russian language]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR. 1960.]

- Санников 2008 — Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008. [Sannikov V.Z. Russkii sintaksis v semantiko-pragmaticheskom prostranstve. [Russian Syntax in the Semantic-Pragmatic Dimension]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2008.]
- Babyonyshev 1996 — Babyonyshev M. *Structural connections in Syntax and Processing: Studies in Russian and Japanese*. Ph.D. dis. Massachusetts Institute of Technology, 1996.
- Béjar, Rezac 2003 — Béjar S., Rezac M. Person licensing and the derivation of PCC effects. *Romance linguistics: theory and acquisition*. Perez-Leroux A.T., Roberge Y. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2003 Pp. 49–62.
- Corbett 1983a — Corbett G. Resolution rules: agreement in person, number, and gender. *Order, Concord and Constituency*. Gazdar G., Klein E., Pullum G.K. (eds.). Dordrecht: Foris, 1983. Pp. 175–205.
- Corbett 1983b — Corbett G. *Hierarchies, targets and controllers: Agreement patterns in Slavic*. London: Croom Helm, 1983.
- Corbett 2006 — Corbett G. *Agreement*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Dalrymple, Kaplan 2000 — Dalrymple M., Kaplan R.M. Feature indeterminacy and feature resolution. *Language*. 2000. No. 76(4). Pp. 759–798.
- Driemel 2018 — Driemel I. Person mismatch agreement. Proceedings of the 48th North East Linguistic Society. Hucklebridge S., Nelson M. (eds.). UMass Amherst: GLSA Publications, 2018. Pp. 217–226.
- Harbert, Bahloul 2002 — Harbert W., Bahloul M. Postverbal subjects in Arabic and the theory of agreement. *Themes in Arabic and Hebrew syntax*. Ouhalla J., Shlonsky U. (eds.). Dordrecht: Kluwer Academic, 2002. Pp. 45–70.
- Harrison 2009 — Harrison A.J. *The production of subject–verb agreement in Slovene and English*. Ph.D. dis. University of Edinburgh, 2009.
- Haskell, MacDonald 2005 — Haskell T.R., MacDonald M.C. Constituent structure and linear order in language production: Evidence from subject-verb agreement. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 2005. No. 31. Pp. 891–904.
- Keung, Staub 2018 — Keung L., Staub A. Variable agreement with coordinate subject is not a form of agreement attraction. *Journal of Memory and Language*. 2018. No. 103. Pp. 1–18.
- Kiss 2012 — Kiss K.E. Patterns of agreement with coordinate noun phrases in Hungarian. *Natural Language & Linguistic Theory*. 2012. No. 30. Pp. 1027–1060.
- Krejci 2020 — Krejci B. *Syntactic and semantic perspectives on first conjunct agreement in Russian*. Ph.D. dis, Stanford University, 2020.
- Lyskawa 2021 — Lyskawa P. *Coordination without grammar-internal feature resolution*. Ph.D. dis. University of Maryland, 2021.
- Marušič et al. 2007 — Marušič F.L., Nevins A., Saksida A. Last-Conjunct Agreement in Slovenian. *Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics. The Toronto meeting, 2006*. Compton R., Goledzinowska M., Savchenko U (eds.). Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2007. Pp. 210–227.
- Marušič et al. 2015 — Marušič F.L., Nevins A., Badecker W. The grammars of conjunction agreement in Slovenian. *Syntax*. 2015. Vol. 18. No. 1. Pp. 39–77.
- Munn 1993 — Munn A. *Topics in the syntax and semantics of coordinate structures*. Ph.D. dis. University of Maryland, 1993.
- Nevins, Weisser 2019 — Nevins A., Weisser P. Closest conjunct agreement. *Annual Review of Linguistics*. 2019. No. 5. Pp. 219–241.
- R Core Team 2017 — R Core Team. R: A language and environment for statistical computing. R Foundation for Statistical Computing, Vienna, Austria, 2017.

- Timmermans et al. 2004 — Timmermans M., Schriefers H., Dijkstra T., Haverkort M. Disagreement on agreement: person agreement between coordinated subjects and verbs in Dutch and German. *Linguistics*. 2004. No. 42. Pp. 905–929.
- Willer-Gold et al. 2016 — Willer-Gold J., Arsenijević B., Batinić M., Čordalija N., Kresić M., Leko N., Marušić F.L., Milićev T., Milićević N., Mitić I., Nevins A., Peti-Stantić A., Stanković B., Šuligoj T., Tušek J. Conjunct agreement and gender in South Slavic: from theory to experiments to theory. *Journal of Slavic Linguistics*. 2016. No. 24. Pp. 187–224.
- Zehr, Schwarz 2018 — Zehr J., Schwarz F. PennController for Internet Based Experiments (IBEX). 2018.
- Zwicky 1977 — Zwicky A.M. Hierarchies of person. *Papers from the Thirteenth Annual Meeting of the Chicago Linguistic Society*. Chicago, 1977. Pp. 714–733.

Статья поступила в редакцию 01.10.2022

The article was received on 01.10.2022

Дарья Дмитриевна Белова

МГУ имени М.В. Ломоносова / Междисциплинарная научно-образовательная школа Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова «Мозг, когнитивные системы, искусственный интеллект»

Daria Belova

Lomonosov Moscow State University / Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Brain, Cognitive Systems, Artificial Intelligence”

dd.belova@yandex.ru

Татьяна Игоревна Давидюк

Институт языкознания РАН / МГУ имени М.В. Ломоносова

Tatiana Davidyuk

Institute of Linguistics RAS / Lomonosov Moscow State University

rachekit@yandex.ru

ФАКТИВНОСТЬ И ИНФОРМАЦИОННЫЙ СТАТУС КАК УСЛОВИЯ УПОТРЕБЛЕНИЯ НОМИНАЛИЗОВАННЫХ КЛАУЗ^{*}

М. Ю. Князев

*Институт лингвистических исследований РАН /
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» —
Санкт-Петербург / МГУ имени М. В. Ломоносова*

Аннотация: В некоторых теоретических подходах к сентенциальным актантам постулируется строгое соответствие между фактивностью/пресуппозициональностью и статусом именной группы / DP (клаузальной номинализацией). Такой подход предлагался и для русского языка. Он предполагает, что номинализованные клаузы могут возглавляться нулевым D в аккумулятивной позиции, но только выраженным (*то*) в косвенной. Рассматриваются исключения к этому обобщению. Показывается, что они носят систематический характер и коррелируют с информационным статусом сентенциального актанта. Предлагается считать, что отсутствие DP для фактивных клауз носит маркированный характер, но не полностью запрещено, и может лицензироваться в прагматических контекстах, где оно кодирует новую информацию. И, наоборот, наличие DP для нефактивных клауз маркированно и лицензируется статусом данного.

Ключевые слова: фактивные сентенциальные актанты, данное в дискурсе, номинализованные клаузы, маркированность, русский язык

Для цитирования: Князев М.Ю. Фактивность и информационный статус как условия употребления номинализованных клауз // Типология морфосинтаксических параметров. 2022. Том 5, вып. 1. С. 35–55.

---

^{*} Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, [проект №22-18-00037](#), реализуемого в МГУ имени М.В. Ломоносова.

FACTIVITY AND INFORMATION STATUS AS DETERMINANTS OF THE DISTRIBUTION OF NOMINALIZED CLAUSES^{*}

Mikhail Knyazev

*Institute for Linguistic Studies RAS / HSE University, St. Petersburg /
Lomonosov Moscow State University*

Abstract: Some popular theoretical approaches to complement clauses assume a strict correspondence between factivity/presuppositionality and a DP status (as reflected in syntactic nominalization). Such an approach has also been proposed for Russian. It assumes that nominalized clauses can be optionally headed by a silent D when the clause is in the accusative position but must be headed by an overt D (*to*) when the clause is in the oblique position. Exceptions to this generalizations are discussed. It is shown that they systematically correlate with the information status of the complement clause. It is proposed that the absence of DP for factive clauses is marked but not categorically prohibited and can be licensed in discourse contexts where it signals new information. And, vice versa, the presence of DP for nonfactive clauses is marked and is licensed by discourse-givenness.

Keywords: factive complements, discourse-givenness, nominalized clauses, markedness, Russian

For citation: Knyazev M. Factivity and information status as determinants of the distribution of nominalized clauses. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2022. Vol. 5, iss. 1. Pp. 35–55. (In Rus.)

---

^{*} This research is supported by Russian Science Foundation, RSF [project #22-18-00037](https://www.rsf.gov.ru/projects/22-18-00037) realized at Lomonosov Moscow State University.

1. Введение

Один из распространенных теоретических подходов к сентенциальным актантам (СА) предполагает, что такие актанты (по крайней мере, выраженные невопросительными индикативными клаузами, как, например, клаузы со *что* в русском языке) бывают двух основных типов — «пресуппозиционные» и «непресуппозиционные» [Kastner 2015; Vochnak, Nanink 2022]. Эти два типа характеризуются кластером синтаксических, семантических и прагматических (дискурсивных) свойств, приведенных в таблице 1.

Таблица 1. Свойства пресуппозиционных и непресуппозиционных клауз

	непресуппозиционные	пресуппозиционные
синтаксическая категория	CP	DP
семантический статус	модификатор/предикат	аргумент (факт)
дискурсивный (информационный) статус	новое	данное/известное

Непресуппозиционные клаузы, примером которых могут служить *что*-клаузы при нефактивных глаголах речи и мнения типа *думать* и *говорить*, выражают содержание некоторого ментального состояния или речевого события. С точки зрения композиционной семантики, они трактуются как модификаторы события/состояния и имеют семантический тип предиката (e,t) [Moulton 2009, Elliott 2017]. На уровне прагматики (информационной структуры) такие клаузы выражают новую информацию, которая не упоминалась (не обсуждалась) в предшествующем дискурсе и знакомства с которой говорящий не предполагает у слушающего. На уровне синтаксиса непресуппозиционные клаузы имеют традиционную для СА категорию CP (проекцию комплементаризера).

В противоположность непресуппозиционным, пресуппозиционные клаузы, примером которых могут служить *то, что*-клаузы в позиции подлежащего при эмотивных фактивных предикатах типа *удивлять* и *радовать*, являются именными группами (имеют категорию DP), возглавляемыми артиклетоподобной указательной вершиной или ее абстрактным

(нулевым) вариантом (в отдельных подходах в сочетании с нулевой вершиной N)¹. (Далее мы будем называть такие клаузы номинализованными.) Прагматически пресуппозициональные клаузы выражают информацию со статусом данного, т.е. такую, которая упоминалась или обсуждалась в предшествующем дискурсе и которая является известной слушающему, с точки зрения говорящего. На уровне семантики пресуппозициональные клаузы являются аргументами матричного предиката или по крайней мере соотнесены с такими аргументами, например, как в подходе [Bondarenko 2021], где они модифицирует нулевое существительное ФАКТ.

Выделение двух типов СА с приведенными кластерами свойств основано на том, что значения соответствующих параметров у СА в разных языках в значительной, хотя и не полной, степени коррелируют. Так, например, в русском, иврите и новогреческом номинализованные клаузы обязательны для (предглагольных) сентенциальных подлежащих, которые в норме являются данной информацией [Hartman 2012, Kastner 2015]. В языке ваше номинализованные клаузы выбираются при фактивных глаголах и при глаголах «ответной реакции» (response-stance) *сомневаться*, *отрицать* и других, имеющих пресуппозицию известности [Bochnak, Hanink 2022].

Хотя в прототипических случаях значения всех трех параметров согласуются между собой, в литературе также обсуждаются случаи расхождения между ними. Например, хотя СА при когнитивных фактивных глаголах типа *узнать*, *осознать* и других имеют пресуппозицию истинности и, таким образом, должны обозначать факты, принадлежащие к общему фонду знаний о мире, такие актаны тем не менее способны быть новой информацией ([Djäv 2019], см. также [Simons 2007]). Также в [Djäv 2019] отмечается, что требование DP-статуса соблюдается не для всех СА со статусом данного, а только при эмотивных фактивных предикатах².

Одним из решений проблемы таких расхождений является отказ от одного или двух параметров в таблице 1 при сохранении базового противопоставления пресуппозициональных и непресуппозициональных клауз. Например, в [Djäv 2019] предлагается отказ от семантического критерия

---

¹ В рамках этой статьи мы исходим из наличия в русского языка категории детерминатора (D) и ее проекции DP, по крайней мере для именных групп, вводимых прономинальными элементами *то*, *тот* (см. [Lyutikova, Tatevosov 2019]).

² О критике корреляции между DP-статусом и пресуппозициональностью см. также [Jarvis 2021].

в пользу прагматического (информационного статуса), а также от корреляции статуса данного с номинализованностью (вместо этого предлагается корреляция с «урезанной» левой периферией). В то же время цитируемые выше подходы [Kastner 2015] и [Bochnak, Hanink 2022], которые, на первый взгляд, опираются на информационный статус при разграничении пресуппозициональных и непресуппозициональных клауз, как правило, формулируются в терминах селективных свойств предикатных лексем [Djårv 2019] (но см. примечание 7). Иначе говоря, они касаются лексической предрасположенности предиката к тому или иному информационному статусу СА, но не к его статусу в конкретном употреблении, в результате чего семантические и прагматические свойства СА становится сложно разграничить. Наконец, в ряде случаев аргументы в пользу корреляции между номинализованностью и семантикой факта (аргументным статусом) формулируются безотносительно к информационному статусу СА (см. раздел 2.1).

Альтернативным решением проблемы выше, которое предлагается в настоящей статье, является отказ от прямых и строгих корреляций между синтаксисом, семантикой и прагматикой в пользу более опосредованного соотношения между ними. Ключевым образом, при таком подходе могут быть сохранены все три указанные параметра, что обеспечивает ему большее эмпирическое покрытие. Основной идеей является представление о **маркированности** некоторых соответствий между семантикой СА и его синтаксической категорией, а также допущение о том, что маркированные СА не являются категорически неприемлемыми, но при этом требуют особого прагматического контекста для их «лицензирования».

В качестве отправной точки (раздел 2) мы возьмем анализ неоднозначности СА при глаголе *объяснять* в [Bondarenko 2021], предполагающий строгое соответствие между аргументным статусом СА (семантикой факта) и DP-статусом. Мы покажем эмпирические проблемы этого анализа и рассмотрим альтернативный подход, опирающийся на прагматику (информационный статус) (раздел 3). Далее мы рассмотрим проблемы прагматического подхода и предложим собственный анализ (гипотезу маркированности), учитывающий как семантику, так и прагматику для объяснения дистрибуции номинализованных клауз (раздел 4). Раздел 5 содержит краткое заключение.

2. Семантический подход [Bondarenko 2021]

2.1. Два типа СА при *объяснять*

Глагол *explain* допускает две интерпретации пропозиционального аргумента: а) факт, который подлежит объяснению (экспланандум); и б) то, что выступает в качестве такого объяснения (эксплананс) [Kastner 2015, Elliott 2017]. При этом в литературе предполагается, что каждой интерпретации соответствует свой тип дополнения: экспланансу соответствует *that*-клауза, а экспланандуму — конструкция *the fact that*, являющаяся аналогом номинализованной клаузы в английском. Такое соответствие приводится в качестве аргумента в пользу корреляции между семантикой факта (пресуппозициональностью) и номинализованностью [Kastner 2015].

В [Bondarenko 2021], однако, отмечается, что *that*-клаузы также в принципе способны выражать значение экспланандума. Аналогичные факты имеются и для русского языка, как показано в примерах из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) в (1a–b).

- (1) а. *Чем объяснить, что у вас так много мозгов и так мало денег?* (НКРЯ)
(экспланандум)
- б. *Кто-то объяснил, что это артисты и будет концерт.* (НКРЯ)
(эксплананс)

Допустимость интерпретации экспланандума у *что*-клауз в (1a), на первый взгляд, противоречит корреляции между семантикой факта и DP-статусом. Однако можно предположить, что СА-экспланандум вводится **невыраженной** (нулевой) «DP-оболочкой» [Bondarenko 2021]. Конкретнее, для значения экспланандума постулируется структура в (2a), где СА (категории CP) является модификатором нулевого N со значением ‘факт’, в свою очередь, вложенного в DP с нулевой вершиной (выступающую в качестве аргумента глагола). Данную структуру можно считать непроизносимым аналогом конструкции *тот факт, что*³. Что касается значения

---

³ Согласно альтернативному анализу, CP непосредственно вкладывается в DP в качестве компонента D (см. аргументы в пользу такого анализа в [Knyazev 2016], см. также [Nankamer, Mikkelsen 2021]). Преимуществом анализа [Bondarenko 2021] является единообразная трактовка CP в качестве модификатора/предиката. Для целей данной статьи различие между анализами несущественно, важна в принципе вложенность CP в DP-оболочку.

эксплананса в (1b), то для него предлагается структура в (3a), где CP выступает в качестве модификатора самого глагола *объяснить* (точнее, его событийного аргумента). В очень упрощенном виде композиционный анализ семантики глагольной группы (без учета внешнего аргумента) для (2a) и (3a) дан в (2b) и (3b) (подробнее см. [Bondarenko 2021]).

(2) а. *Чем объяснить* [_{DP} ∅ [_{NP} ∅ CP]]? (экспланандум)

б. $\lambda e_e. \text{объяснять}(e_e, ix. \text{Факт}(x_e) \wedge \text{Содержание}(x_e) = \text{CP})$

(3) а. *Кто-то* [_{VP} [_V *объяснил*] CP]]. (эксплананс)

б. $\lambda e_e. \text{объяснять}(e_e) \wedge \text{Содержание}(e_e) = \text{CP}$

Если анализ в (2)–(3) верен, то он может служить свидетельством в пользу корреляции между номинализованностью СА и его аргументным статусом (семантикой факта), сформулированной в виде двунаправленной импликации в (4)⁴.

(4) СА с аргументным статусом (семантикой факта) номинализованны (вложены в DP-оболочку); СА, вложенные в DP оболочку, имеют аргументный статус.

В [Bondarenko 2021] предлагается несколько аргументов в пользу анализа в (2)–(3), из которых мы рассмотрим два. Первый аргумент касается возможности замены СА на бесспорную именную группу (в аккузативе), например, на местоимение *это, что-то* или *что*. Такая замена, очевидным образом, возможна только для значения экспланандума, что следует из анализа в (3a). Аналогичный аргумент, который приводится в [Bondarenko 2021], может быть предложен и для номинализованных клауз с выраженной DP-оболочкой (*то, что*), как показано в (5a–b) (ср. пример в (6), показывающий, что примеры с *то, что* в значении экспланандума встречаются в корпусе)⁵.

⁴ Импликация в (4) потенциально может нарушаться в тех случаях, когда номинализация (DP-статус) требуется по чисто синтаксическим или просодическим причинам, как, например, при наличии выраженного предлога или при узком фокусе на СА.

⁵ Примеры типа (5b) могут быть допустимы в нестандартных вариантах русского языка, в которых *то, что* также допускается с глаголами типа *считать, сказать* и др. (см. [Коротаев 2016]).

- (5) а. *Чем объяснить (то), что у вас так много мозгов и так мало денег?*
(экспланандум, ср. (1a))
- б. *Кто-то объяснил (*то), что это артисты и будет концерт.*
(эксплананс, ср. (1b))
- (6) *Возможно, только этим можно объяснить то, что мне не предложили роль в новой постановке.* (НКРЯ)

Второй аргумент касается поведения СА при событийных номинализациях (именах действия). Как показано в (7a–b), существует корреляция между значением экспланандума и наличием выраженной DP-оболочки (в генитиве), с одной стороны, и значением эксплананса и отсутствием DP-оболочки, с другой [Bondarenko 2021]⁶.

- (7) а. (Контекст: Цены оказались выше ожидаемого, что объясняет дороговизну покупок.)
Объяснение того, что покупки дорогие, расстроило нас.
i. ✓ экспланандум
ii. *эксплананс
- б. (Контекст: Мы думали, что денег хватит, но их не хватило, и это объясняется дороговизной покупкой.)
Объяснение, что покупки дорогие, расстроило нас.
i. ✓ эксплананс
ii. *экспланандум

Факты в (7a–b) также следуют из анализа в (2)–(3), но при дополнительном допущении в (8), согласно которому DP-оболочка должна быть морфологически выражена (с помощью *то*) в контексте косвенного падежа и при выраженном предлоге (ср. [Knyazev 2016]). Поскольку существительные не способны приписывать аккузатив, СА в (7b) должен быть выражен с помощью *то, что*-клаузы (в генитиве).

- (8) а. DP-оболочка, в которую вложен СА, должна быть выражена, если ей приписывается косвенный падеж или падеж, приписываемый предлогом.
- б. В аккузативной (а также постглагольной номинативной) позиции DP-оболочка может быть как выражена, так и не выражена.

⁶ Мы благодарны анонимному рецензенту за помощь в конструировании примеров.

Из соображений места мы опускаем другие аргументы в пользу анализа в (2)–(3), которые приводятся в [Bondarenko 2021], и вместо этого рассмотрим более общие дистрибутивные свидетельства в пользу гипотезы в (4).

2.2. СА при пресуппозициональных и веридикальных предикатах

Вопрос о том, при каких еще предикатах, кроме *объяснять*, СА могут иметь или требовать аргументного статуса (и выражать факты), в [Bondarenko 2021] специально не обсуждается. Однако по умолчанию можно ожидать, что в этот класс входят СА, обладающие пресуппозицией истинности (т. е. фактивные предикаты) и/или пресуппозицией известности, в том числе предикаты ответной реакции (а также эмотивные фактивные предикаты). Основанием для этого служит допущение, принимаемое в [Bondarenko 2021], согласно которому пресуппозициональность как **лексическое свойство** глагола может касаться только аргументов, но не модификаторов, поскольку последние не входят в (лексически заданную) аргументную структуру глагола. Хотя это допущение не бесспорно, мы предварительно примем его в дальнейшем анализе⁷.

Трактовка СА при пресуппозициональных предикатах как имеющих аргументный статус и, следовательно (в силу (4)), как вложенных в DP-оболочку, подкрепляется следующим фактом. СА при глаголах ответной реакции, таких, как *подтверждать* и *отрицать*, а также при когнитивных фактивных глаголах, таких, как *осознать*, *понимать* и других, способны присоединять СА с выраженной DP-оболочкой в аккумулятиве, как показано в (9), в отличие от непресуппозициональных глаголов, таких, как *утверждать* и *считать*, как в (10) (см. также примечание 5).

(9) а. *Сам актер отрицает то, что он играл спектакль пьяным.* (НКРЯ)

б. *Важно понимать то, что все люди разные и их нельзя подогнать под один шаблон.* (НКРЯ)

---

⁷ СА с семантикой модификаторов не совсем похожи на обычные адъюнкты, поскольку во многих случаях не могут опускаться, а также могут входить в отношения селекции комплементаризера (и наклонения) с предикатной вершиной. Поэтому не вполне ясно, в каком смысле они не входят в аргументную структуру глагола. Кроме того, по крайней мере для некоторых традиционных фактивных глаголов есть основания считать, что пресуппозициональность СА может зависеть от контекста и не строго лексически задана [Bochnak, Hanink 2022] (см. также [Анна А. Зализняк 1988]).

- (10) ??*Сам актер утверждает/считает то, что он не играл спектакль пьяным.*

Контраст в (9)–(10) следует из гипотезы в (4), согласно которой только СА пресуппозициональных глаголов вложены в DP-оболочку. Следует отметить, впрочем, что примеры типа (9) встречаются в корпусе существенно реже, чем примеры без выраженной DP-оболочки. Также надо отметить, что это ограничение не распространяется на непресуппозициональные клаузы в косвенной позиции, поскольку выраженная DP-оболочка (в составе предложной группы) при предикатах типа *надеяться* и *уверен* не запрещена (см. раздел 4 и примечание 17).

Согласно приведенному выше критерию аргументного статуса, к аргументным СА должны относиться не только СА при пресуппозициональных предикатах, но и при **веридикальных**, т.е. таких, которые имплицитно утверждают истинность СА только при утвердительном употреблении, но не при отрицании и других неутвердительных контекстах⁸. К таким предикатам в русском языке относятся *доказать* и *обнаружить* (ср. *Иван доказал, что он невиновен* → *Он невиновен*, но *Иван не доказал, что он невиновен* → *Он невиновен* [Анна А. Зализняк 1988: 113]) и, шире, целый семантический класс так называемых **предикатов демонстрации**, включая ‘демонстрировать’, ‘доказывать’, ‘значить’, ‘показывать’ и других [Anand, Nacquard 2014].

Хотя у веридикальных предикатов отсутствует пресуппозиция истинности или известности, «фактивная импликация» является их лексическим свойством, а поскольку такое свойство может распространяться только на аргументы (но не на модификаторы), следовательно, СА при веридикальных предикатах должны подпадать под статус аргументных, наравне с пресуппозициональными.

Объединение СА при пресуппозициональных и веридикальных предикатах в один класс для целей гипотезы в (4) подкрепляется допустимостью

---

⁸ Следует отметить, что наличие «фактивной импликации», как она называется в [Анна А. Зализняк 1988: 113], или entailment, не во всех подходах является необходимым условием фактивности (подробнее см. [Degen, Tonhauser 2022]). При этом в некоторых подходах, например, [Simons 2007], где пресуппозициональность является прагматическим свойством (см. примечание 7), фактивной импликации **достаточно** для фактивности глагола, иначе говоря, фактивные и веридикальные глаголы не противопоставляются.

при веридикальных предикатах выраженной DP-оболочки (в аккумулятиве), как в (11) (ср. (6) и (9)).

- (11) *Биологи смогли доказать то, что среди горбатых дельфинов есть представители ранее неизвестного вида.* (НКРЯ)

Еще один аргумент в пользу такого объединения касается селективных ограничений при деагентивных употреблениях глаголов речи. Как показано в [Князев 2016] (см. также [Князев 2018]), глаголы *говорить*, *намекать*, *указывать*, *напоминать*, *свидетельствовать* при неагентивных подлежащих могут иметь семантику близкую к 'означать', как в (12а). Ключевое наблюдение заключается в том, что в таких случаях СА без выраженной DP-оболочки не полностью приемлем, как показано в (12b) (ср. (12а)).

- (12) (Контекст: Жители района поддержали сохранение пешеходного перехода.)

а. *Это говорит о том, что люди им пользовались и переход им нужен.*
(#*Но, на самом деле, люди им не пользовались.*) (НКРЯ)

б. ^{?(?)}*Это говорит, что люди им пользовались и переход им нужен.*

Важно отметить, что в таких употреблениях СА обладает свойством веридикальности, как видно из продолжения (12а), что ожидается, поскольку такие употребления по семантике очень близки к предикатам демонстрации (см. выше). Любопытным образом, при всех глаголах, где наблюдается это ограничение, СА находится в **косвенной позиции**, при этом при глаголах демонстрации с прямым дополнением типа *доказывать*, *показывать*, *значить*, *означать* ограничение не наблюдается. Этот набор фактов непосредственно следует из гипотезы в (4) в сочетании с допущением в (8) об обязательной выраженности DP-оболочки в косвенных позициях и, таким образом, представляет собой независимый аргумент в пользу семантического подхода⁹.

---

⁹ В [Князев 2016, Князев 2018] предлагается другое, хотя и близкое, объяснение ограничения в (12b), которое сводится к тому, что придаточные без DP-оболочки в косвенной позиции требуют наличия у глагола аргумента, выражающего субъект пропозициональной установки. Такой субъект предположительно отсутствует в примерах типа (12b), что и объясняет данное ограничение.

2.3. Проблемы семантической гипотезы

2.3.1. Аргументные СА в косвенной позиции без выраженной DP-оболочки

Несмотря на убедительность аргументов в пользу семантической гипотезы, она представляется слишком сильной. Так, эта гипотеза предсказывает недопустимость СА без выраженной DP-оболочки, если он требует аргументного статуса (выражает факт) и при этом находится в косвенной позиции, однако такие СА встречаются¹⁰.

Как мы видели в (7), аргументный СА (экспланандум) при номинализации *объяснение* должен быть выражен *то, что*-клаузой (в генитиве), как в (13) (ср. (7а)).

(13) (Контекст: Цены оказались выше ожидаемого, что объясняет дороговизну покупок.)

Объяснение *(того), что покупки дорогие, расстроило нас.

Аналогичные факты, как кажется, имеют место и для номинализаций пресуппозициональных и веридикальных глаголов типа *доказательство*, *подтверждение*, *понимание*, *осознание*, как показано в (14), а также сходных по семантике неотглагольных существительных типа *знак*, *признак*, *причина*, *улика* (см. сходные факты в [Knyazev 2016]).

(14) а. *Доказательства того, что вы владеете собственностью в США, выглядят непровержимо.* (НКРЯ)

б. *??Доказательства, что вы владеете собственностью в США, выглядят непровержимо.*

Тем не менее к этому обобщению встречаются систематические исключения. Так, в [Knyazev 2016] отмечается, что в определенных контекстах при существительных типа *доказательство* возможен СА без *то, что*, как в (15а–б). Хотя такие примеры могут показаться маркированными, они в достаточном количестве встречаются в корпусе, в том числе в газетных и

¹⁰ Потенциальными исключениями к этой гипотезе также являются *что*-клаузы в косвенной позиции при эмотивных фактивных предикатах типа *сожалеть* и глаголах реакции типа *согласиться*. Стоит учитывать, однако, что для таких СА теоретически не исключается модификаторный анализ. В этой статье мы сосредоточиваемся на случаях, где модификаторный анализ представляется маловероятным.

журнальных текстах. Реже, но встречаются исключения и непосредственно с существительным *объяснение*, как в (15с)^{11,12}.

(15) а. *Но где доказательства, что она не знала этого?* (НКРЯ)

б. *Вот вам и подтверждение, что внешность обманлива.* (НКРЯ)

с. *Есть ли объяснение, что раньше с «Локомотивом» вели по ходу матча, но уступали, а сегодня — наоборот?* ([URL](#), accessed on 06.11.2022)

Можно заметить, что в большинстве контекстов, где номинализации типа *доказательство* присоединяют СА без DP-оболочки, матричную клаузу можно без потери смысла трансформировать в конструкцию с соответствующим исходным глаголом с минимальными изменениями грамматического контекста, как показано в (16). Напротив, примеры типа (13)–(14) такой трансформации не допускают. Далее мы будем называть контексты типа (15) «квазиглагольными».

(16) а. *Но что доказывает, что она не знала этого?* ($\approx$ (15а))

б. *Именно это и подтверждает, что внешность обманлива.* ($\approx$ (15б))

с. *Как Вы объясните, что раньше с «Локомотивом» вели по ходу матча?* ($\approx$ (15с))

Примеры типа (15) представляют проблему для гипотезы в (4) (в сочетании с допущением в (8)), поскольку она предсказывает их недопустимость¹³. При этом отказываясь от этой гипотезы, мы бы потеряли объяснение для (13)–(14). Таким образом, гипотеза в (4) должна быть не отброшена, а уточнена, что будет предложено ниже.

Аналогичная проблема возникает и для ограничения на СА без DP-оболочки при деагентивных употреблении глаголов речи (ср. (12б)). Хотя в силу гипотезы (4) такие СА должны быть запрещены, соответствующие примеры в достаточном количестве встречаются в корпусе, как показано в (17)¹⁴.

---

¹¹ Можно возразить, что в примерах в (15) *что*-клаузы соответствуют дативному, а не генитивному участнику (*тому, что*). Однако есть такие же основания считать этого участника аргументным.

¹² Предположительно примеры типа (15с) встречаются реже, поскольку сами по себе *что*-клаузы в значении экспланандума при *объяснять* достаточно маргинальны.

¹³ Примеры типа (15) также представляет проблему для [Князев 2016] (см. примечание 9), поскольку в них отсутствует субъект пропозициональной установки.

¹⁴ Подобные исключения отмечаются в [Князев 2018], в соответствии с чем ограничение в (12б) трактуется как «слабое», однако причины его некатегоричного статуса не обсуждаются.

(17) (Контекст: Борис Джонсон сравнил Россию со Спартой.)

Что ж, это говорит, что в отличие от американских президентов британский министр иностранных дел начитан. (НКРЯ)

2.3.2. Зависимость выраженной DP-оболочки в аккузативной позиции от статуса данного

Другая проблема семантического подхода заключается в том, что этот подход, по крайней мере, без дополнительных допущений, предсказывает свободное варьирование выраженной и невыраженной DP-оболочки (в аккузативе) при глаголах типа *понимать* и *доказывать* (ср. (9), (11), а также (5а) и (6)). Однако, как отмечалось выше, выражение DP-оболочки в этом случае может считаться маркированным в силу очень низкой относительной частотности соответствующих примеров в корпусе. Можно было бы предположить, что невыраженная DP-оболочка предпочтительна из соображений экономии (ср. [Кныазев 2016]), но это не учитывает влияния дискурсивных факторов на выбор *то, что*-клауз [Кобозева 2013].

Как отмечается в [Кобозева 2013], глаголы, которые присоединяют *то, что*-клаузы факультативно и при этом в принципе способны присоединять СА со статусом как данного, так и нового, допускают *то, что*-клаузы **только со статусом данного**, тогда как *что*-клаузы могут иметь оба статуса¹⁵. В качестве примера И.М. Кобозева приводит глагол *узнать*, как показано в (18)–(19)¹⁶. Как кажется, однако, это ограничение распространяется и на другие глаголы с аргументным статусом СА, включая *понимать*, *объяснять* (в значении экспланандума), *доказать* и другие (ср. (5а), (6), (9b) и (11))^{17,18}.

¹⁵ Другим контекстом, лицензирующим выраженное *то*, является (узкий) фокус на СА [Кобозева 2013].

¹⁶ Отметим, что статус данного коррелирует с особым интонационным контуром (помеченным в примере), при котором акцент падает на матричный глагол, а СА остается неакцентированным, тогда как статус нового коррелирует с контуром, где акцент имеется как на матричном глаголе, так и на СА (подробнее см. [Raducheva 1996]).

¹⁷ Для предикатов с «лексически заданным» статусом данного у придаточного, таких, как *подтвердить* и *отрицать* (ср. (9а)), в том числе для предикатов с придаточными в косвенной позиции типа *сомневаться* и *сожалеть*, наличие выраженной DP-оболочки может маркировать повышенную степень данности СА в конкретном контексте, например, в результате его недавнего упоминания (ср. примечание 7).

¹⁸ И.М. Кобозева не обсуждает в этом контексте предикаты с придаточным в косвенной позиции типа *надеяться* и *уверен*, однако для них, как кажется, имеется та же тенденция (см. обсуждение примера (24)).

- (18) (Контекст: Мы не можем больше скрывать от Пети тайну его рождения.)
Он узнал\ (то), что его настоящий отец — N. (данное)
 [Кобозева 2013: 147]
- (19) — *Из-за чего Петя поссорился со своим отцом?*
 — *Он узнал/ (*то), что его настоящий отец — N\.* (новое)
 [Кобозева 2013: 147]

Факты в (18)–(19) не следуют из гипотез в (4) и (8), а также противоречат их общему духу, поскольку неясно, как статус данного в принципе может быть связан с фонологическим выражением DP-оболочки.

3. Прагматический подход

В свете фактов в (18)–(19) естественным представляется подход, в котором статус данного непосредственно связан с наличием DP-оболочки, при этом наличие абстрактной (нулевой) DP-оболочки не постулируется. Такой подход, который можно назвать прагматическим, сформулирован в (20) [Кобозева 2013].

- (20) а. СА с DP-оболочкой (номинализованные клаузы) имеют информационный статус данного/известного.
- б. СА без DP-оболочки имеют статус данного/известного **или** нового (не маркированы по информационному статусу).

Особенностью этого подхода и его отличием от семантического подхода в (4) является то, что он не предполагает строгой корреляции между синтаксисом и семантикой/прагматикой, а вместо этого использует однопольную корреляцию, иначе говоря, опирается на идею о (**прагматической**) **маркированности** одного из двух типов СА (с DP-оболочкой) и немаркированности другого типа (без DP-оболочки). Маркированность на уровне синтаксиса в этом подходе (более сложная структура) коррелирует с маркированностью на уровне прагматики (более специализированное значение), что видится весьма естественным.

Этот подход имеет потенциал не только для объяснения фактов в (18)–(19), но и других фактов, обсуждавшихся выше. Так, он объясняет допустимость *что*-клауз как со значением экспланандума в (1a), так и со значением эксплананса в (1b), поскольку в этом подходе *что*-клаузы не марки-

рованы ни прагматически, ни семантически (не ограничены аргументным статусом). При этом он верно предсказывает недопустимость *то, что*-клауз со значением эксплананса (ср. (5b)): *то, что*-клаузы требуют статуса данного, однако СА-эксплананс предположительно выражает новую информацию, наравне с СА при глаголах речи типа *говорить* и *утверждать* (ср. (10)).

Наличие DP-оболочки при существительных типа *объяснение* и *доказательство* в (7a) и (14a) также укладывается в прагматический подход, поскольку СА в них, по всей вероятности, имеет статус данного. При этом СА без DP-оболочки в квазиглагольных контекстах типа (15) не являются проблемными для этого подхода (в силу немаркированности таких СА), в отличие от семантического подхода.

Несколько сложнее обстоит дело с *то, что*-клаузами при деагентивных употреблениях глаголов речи, как в (12a). Не очевидно, что такие клаузы всегда имеют статус данного¹⁹. Однако можно предположить, что в таких примерах носитель *подает* информацию в СА как данное. Иначе говоря, коммуникативным фокусом в (12a) является установление каузальной связи между двумя фактами, при этом сами факты подаются как известные (даже если они ранее не упоминались и не входят в общий фонд знаний). Также отметим, что аналогичные примеры без DP-оболочки (ср. (17)) не являются проблемными для прагматического подхода, в отличие от семантического.

Несмотря на эти соображения, прагматический подход оказывается слишком слабым, поскольку он не объясняет достаточно строгий запрет на аргументные СА без DP-оболочки при существительных типа *объяснение/доказательство* (ср. (13) и (14b)) **вне** квазиглагольных контекстов, а также не объясняет, почему такие контексты ведут себя иначе. Наконец, этот подход не объясняет маркированный характер *что*-клауз при деагентивных употреблениях глаголов речи (ср. (12b)).

4. Гипотеза маркированности

Для решения этих проблем мы предлагаем объединить семантический и прагматический подходы. Вспомним, что в прагматическом подходе аргументные *то, что*-клаузы в аккумулятивной позиции (т. е. при пресуппози-

---

¹⁹ Можно предположить, что *то, что*-клаузы в (12a) не подпадают под (20a), так как требуются в силу селективных свойств предиката, но в таком случае сложно объяснить (маргинальную) встречаемость примеров типа (17).

циональных и веридикальных глаголах) прагматически маркированы и требуют статуса данного. При этом в косвенной позиции, при существительных, маркированы, наоборот, *что*-клаузы. Более того, можно предположить, что особый статус квазиглагольных контекстов в (15) связан с тем, что СА в них, в отличие от обычных контекстов типа (13) и (14b), выражают новую информацию. В таком случае у нас получится **симметричная** картина, как можно видеть в выделенных строках таблицы 2.

Таблица 2. (Не)маркированность СА в зависимости от семантического типа, типа предиката, синтаксической позиции и наличия DP-оболочки²⁰

семантический тип	тип предиката	синтаксическая позиция	без DP-оболочки	с DP-оболочкой
факт	<i>доказать, объяснить</i> (экспланандум)	аккузативное дополнение	немаркированы *(23b)	маркированы (статус нового) **(23a)
	<i>доказательство, объяснение</i> (экспланандум)	косвенное дополнение	маркированы (статус данного) *(23b)	немаркированы
	<i>говорить</i> (деагентивное употребление)	косвенное дополнение	маркированы (статуса нового) *(23b)	немаркированы
модификатор	<i>утверждать, считать, объяснять</i> (эксплананс)	аккузативное дополнение	немаркированы	неприемлемы **(23a), *(23b)

В самом деле, если, как мы видели в (18), глаголы с аргументными СА способны вводить новую информацию (ср. также [Simons 2007, Djärv 2019]), а при этом существительные в квазиглагольных контекстах сходны с соответствующими глаголами (ср. (16)), то такие существительные должны обладать таким же прагматическим потенциалом и, следовательно, должны быть способны вводить новую информацию. Проверку утверждения о том, что СА в примерах типа (15) всегда вводят новую информацию, мы оставляем на будущее, однако пример (21) показывает, что такое в принципе возможно (ср. (19)).

(21) — *Почему ты расстроился из-за их отъезда?*

— *Их отъезд — это доказательство/знак, что все очень плохо.*

(ср. *Их отъезд доказывает/означает, что все очень плохо.*)

²⁰ Под звездочкой в ячейках указаны ограничения, которые нарушают маркированные СА.

Аналогично, маркированные примеры со *что*-клаузами при деагентивных употреблениях глаголов речи (ср. (16)) можно также связать с особым информационным статусом, т. е. введением новой информации²¹. (Проверка этого утверждения остается на будущее.)

Ключевая идея предложенного подхода в том, что наличие DP-оболочки не напрямую кодирует информационный статус (данного), как в подходе [Кобозева 2013], а только в тех случаях, когда это наличие маркировано. Аналогичным образом, отсутствие DP-оболочки не является прагматически немаркированным, как в [Кобозева 2013], но может кодировать статус нового, когда это отсутствие маркировано. Обобщение сформулировано в (22)²².

- (22) а. Маркированные СА с DP-оболочкой имеют информационный статус данного/известного.
- б. Маркированные СА без DP-оболочки имеют информационный статус нового.
- с. Немаркированные (независимо от наличия DP-оболочки) СА прагматически немаркированы.

При этом маркированность DP-оболочки определяется **независимыми факторами** — семантикой (аргументным или модификаторным статусом) и синтаксической позицией, приведенными в (23). Как можно видеть, эти факторы частично соотносятся с принципами семантического подхода, однако носят характер «мягких» (нарушаемых) ограничений.

- (23) а. СА с DP-оболочкой в аккузативной позиции (очень маркированы)
- б. СА без DP-оболочки с семантикой факта (маркированы)
- с. СА с DP-оболочкой с семантикой модификатора (маркированы)

---

²¹ Здесь мы опираемся на высказанное выше предположение о том, что при деагентивных употреблениях глаголов речи информация в СА в норме подается говорящим как данное (см. обсуждение примера (12а) в разделе 3).

²² Данный подход можно сравнить с [Patel-Grosz, Grosz 2017], где указательные местоимения (в отличие от прономиналов) маркированы в анафорической функции и по умолчанию запрещены (в силу того, что имеют более сложную структуру и нарушают принцип экономии). Однако если маркированное употребление мотивировано прагматической функцией (например, разрешением неоднозначности), то оно становится возможным.

Рассмотрим подробнее, как работает эта модель (см. таблицу 2). Аргументные СА при существительных типа *доказательство*, а также при деативных употреблениях глаголов речи, маркированы без DP-оболочки (нарушают (23b)), где они требуют статуса нового, и не маркированы без нее. Аргументные СА при глаголах типа *доказывать* маркированы как с DP-оболочкой (нарушают (23a)), так и без нее (нарушают (23b)). Однако поскольку синтаксическое нарушение в (23a) более сильное, ограничение в (23b) для них снимается (т. е. важна относительная, а не абсолютная маркированность). Поэтому маркированным становится употребление с DP-оболочкой, требующее статуса данного. Что касается модификаторных СА (в аккузативной позиции) при непресуппозициональных глаголах типа *утверждать* и *считать*, то при них DP-оболочка нарушает как ограничение (23a), так и (23c), симметричное по отношению к (23b). Отсюда очень высокая степень маркированности, отражающаяся в полной неприемлемости.

Предложенная система делает независимое предсказание, а именно, что СА в косвенной позиции с модификаторной семантикой (при непресуппозициональных предикатах) будут маркированы при наличии DP-оболочки (нарушают (23c)) и, таким образом, будут требовать статуса данного. Это предсказание, как кажется, в целом подтверждается, как видно из (24) (ср. (19))²³. (Требуется, однако, его дальнейшая проверка.)

(24) — *Когда Петя придет?*

— *Маша уверена (в том), что он придет завтра.*

Таким образом, гипотеза маркированности, объединяющая элементы как семантического, так прагматического подхода, обладает лучшим эмпирическим покрытием, чем каждый из этих подходов по отдельности, и потому является предпочтительной.

5. Заключение

В отличие от подхода [Bondarenko 2021], а также подходов [Kastner 2015] и [Bochnak, Hanink 2022] (см. Введение), гипотеза маркированности не предполагает строгого изоморфизма между DP-статусом СА (номинализо-

---

²³ По неясным причинам, в [Кобозева 2013] СА при *уверен* трактуется как имеющий статус данного в качестве постоянного лексического свойства. Это, однако, противоречит [Paducheva 1996].

ванностью) и семантикой факта (и статусом данного). Как мы видели, строгий изоморфизм сталкивается с эмпирическими трудностями и вынужден либо их игнорировать, либо отказываться от части соответствий, теряя таким образом в эмпирическом охвате (ср. [Djäv 2019]). Предложенный здесь отказ от строгого изоморфизма в пользу маркированности, т.е. нежестких ограничений, позволяет преодолеть этот недостаток путем трактовки «исключений» как менее предпочтительных, но не полностью запрещенных конструкций. Это, в свою очередь, делает возможным участие в объяснении прагматических (дискурсивных) факторов. Детальная проверка влияния таких факторов остается предметом дальнейшего исследования.

Список источников / References

- Зализняк Анна А. 1988 — Зализняк Анна А. О понятии имплицативного типа (для глаголов с пропозициональным актантом) // Арутюнова Н.Д. (отв. ред.). Логический анализ языка. Знание и мнение. М.: Наука, 1988. С. 107–121. [Zalizniak, Anna A. On the notion of implicative type (for verbs with propositional arguments) Arutyunova N.D. (ed.). *Logicheskiy analiz yazyka. Znanie i mnenie*. Moscow: Nauka, 1988. Pp. 107–121.]
- Князев 2018 — Князев М.Ю. Об ограничении на сентенциальный актант с союзом что при деагентивных употреблениях глаголов речи // Вопросы языкознания. 2018. № 3. С. 7–39. [Knyazev M.Yu. On the restriction on complement clauses with the complementizer čto with non-agentive uses of speech act verbs in Russian. *Voprosy Jazykoznanija*. 2018. No. 3. Pp. 7–39.]
- Кобозева 2013 — Кобозева И.М. Условия употребления «то» перед придаточным изъяснительным с союзом «что». *Du mot au texte. Études slavo-romanes*. Inkova O. (éd.). Bern: Peter Lang, 2013. С. 129–148. [Kobozeva I.M. Conditions of use of to before the complement clause with conjunction čto. *Du mot au texte. Études slavo-romanes*. Inkova O. (éd.). Bern: Peter Lang, 2013. Pp. 129–148.]
- Коротаев 2016 — Коротаев Н.А. Союз *то что* в устной русской речи // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2016. Т. 13. №. 1. С. 101–106. [Korotaev N.A. The conjunction *to čto* in spoken Russian. *Acta Linguistica Petropolitana*. Vol. 13. No. 1. Pp. 101–106.]
- Anand, Hacquard 2014 — Anand P., Hacquard V. Factivity, belief and discourse. *The Art and Craft of Semantics: A Festschrift for Irene Heim*. Crnic L., Sauerland U. (eds.). Cambridge Mass.: MITWPL, 2014. Pp. 69–90.
- Bochnak, Hanink 2022 — Bochnak M.R., Hanink E.A. Clausal embedding in Washo: Complementation vs. modification. *Natural Language & Linguistic Theory* 2022. Vol. 40. Pp. 979–1022.
- Bondarenko 2021 — Bondarenko T. How do we explain that CPs have two readings with some verbs of speech? *Proceedings of the 39th West Coast Conference on Formal Linguistics (WCCFL 39)*. 2021. [URL](#) (accessed on 06.11.2022).
- Degen, Tonhauser 2022 — Degen J., Tonhauser J. Are there factive predicates? An empirical investigation. *Language*. 2022. Vol. 98. No. 3. Pp. 552–591.
- Djäv 2019 — Djäv K. *Factive and assertive attitude reports*. PhD dis, University of Pennsylvania, 2019.

- Elliott 2017 — Elliott P.D. *Elements of clausal embedding*. PhD dis. UCL (University College London), 2017.
- Jarvis 2021 — Jarvis R. Presuppositionality and syntactic nominalization in finite clausal complements. *Proceedings of the 39th West Coast Conference on Formal Linguistics (WCCFL 39)*. 2021. [URL](#) (accessed on 06.11.2022).
- Hankamer, Mikkelsen 2021 — Hankamer J., Mikkelsen L. CP Complements to D. *Linguistic Inquiry*. 2021. Vol. 52. No. 3. Pp. 473–518.
- Hartman 2012 — Hartman J. *Varieties of clausal complementation*. PhD diss. MIT, 2012.
- Kastner 2015 — Kastner I. Factivity mirrors interpretation: The selectional requirements of presuppositional verbs. *Lingua*. Vol. 164. Pp. 156–188.
- Knyazev 2016 — Knyazev M. *Licensing clausal complements. The case of Russian čto-clauses*. PhD dis. Utrecht University, 2016.
- Lyutikova, Tatevosov 2019 — Lyutikova E., Tatevosov S. On the structure of Russian relative clauses. *Zeitschrift für Slavische Philologie*. 2019 Vol. 75. No. 1. Pp. 65–94.
- Moulton 2009 — Moulton K. *Natural selection and the syntax of clausal complementation*. PhD dis. UMass Amherst, 2009.
- Paducheva 1996 — Paducheva E.V. Theme-Rheme structure: Its exponents and its semantic interpretation. *Discourse and meaning. Papers in honor of Eva Hajicova*. Partee B.H., Sgall P. (eds.). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1996. Pp. 273–287.
- Patel-Grosz, Grosz 2017 — Patel-Grosz P., Grosz P.G. Revisiting Pronominal Typology. *Linguistic Inquiry*. 2017. Vol. 48. No. 2. Pp. 259–297.
- Simons 2007 — Simons M. Observations on embedding verbs, evidentiality, and presupposition. *Lingua*. 2007. Vol. 117. No. Pp. 1034–1056.

Статья поступила в редакцию 02.10.2022

The article was received on 02.10.2022

Михаил Юрьевич Князев

PhD; Институт лингвистических исследований РАН / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург / МГУ имени М. В. Ломоносова

Mikhail Knyazev

PhD; Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences / HSE University, St. Petersburg / Lomonosov Moscow State University

misha.knjazev@gmail.com

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ФОРМЫ ХВАРШИНСКОГО ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ ВНУТРИГЕНЕТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ*

Е. А. Лютикова

МГУ имени М. В. Ломоносова / ГосИРЯ имени А. С. Пушкина

Аннотация: В статье предлагается анализ системы пространственных форм имен и наречий хваршинского языка, опирающийся на внутригенетическую типологию локативных форм в дагестанских языках. Фиксируемая в текстах совокупность употреблений пространственных форм представляется в виде осложненной модели организации локативной системы, включающей, помимо маркеров ориентации и направления, также факультативные показатели аппроксимации. Система, засвидетельствованная в хваршинском, отличается от систем с аппроксимативом в других чезских языках в том, что одни и те же морфемы способны выступать и как самостоятельные локализации, и как аппроксимирующие операторы.

Ключевые слова: пространственные формы, локализация, аппроксимация, внутригенетическая типология, хваршинский язык

Для цитирования: Лютикова Е.А. Пространственные формы хваршинского языка в контексте внутригенетической типологии // Типология морфосинтаксических параметров. 2022. Том 5, вып. 1. С. 56–71.

---

* Работа выполнена при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова «Мозг, когнитивные системы, искусственный интеллект».

KHWARSHI SPATIAL FORMS IN THE CONTEXT OF INTRAGENETIC TYPOLOGY*

Ekaterina Lyutikova

Lomonosov Moscow State University / Pushkin State Russian Language Institute

Abstract: In this paper, I propose the analysis of the system of Khwarshi nominal and adverbial spatial forms based on the intragenetic typology of locative forms in Northeast Caucasian. Spatial forms attested in the corpus of Khwarshi texts are subsumed under a compositional model of the locative system which includes, in addition to localization and direction markers, also optional approximation markers. The system attested in Khwarshi differs from approximative systems of other Tsezic languages in that the same morphemes can function both as localizations and as approximating operators.

Keywords: spatial forms, localization, approximation, intragenetic typology, Khwarshi

For citation: Lyutikova E. Khwarshi spatial forms in the context of intragenetic typology. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2022. Vol. 5, iss. 1. Pp. 56–71. (In Rus.)

---

* This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Brain, Cognitive Systems, Artificial Intelligence”.

1. Введение

В данной статье ставится задача характеристики локативных форм хваршинского языка на фоне обобщений о структуре и семантике локативных форм дагестанских языков в целом. Тем самым настоящее исследование разрабатывает проблематику внутригенетической типологии [Кибрик 1993; 2003; 2007; Kibrik 1998; Шлуинский 2014; Лютикова, Федорова 2021], демонстрируя преимущества данного метода в применении к сходным образом организованным грамматическим подсистемам близкородственных языков. Я предполагаю показать, что фиксируемая в текстах совокупность употреблений пространственных форм может быть представлена в виде усложненной модели организации локативной системы, включающей, помимо маркеров ориентации и направления, также факультативные показатели аппроксимации.

Изложение построено следующим образом. В разделе 2 изложены обобщения о структуре и интерпретации локативных форм в дагестанских языках. Раздел 3 посвящен представлению хваршинской системы пространственных форм в существующих грамматических описаниях. В разделе 4 обсуждаются выделяемые в коллекции текстов¹ проблемные локативные формы, существование которых не предполагается имеющимися описаниями. Раздел 5 содержит реанализ системы пространственных форм хваршинского языка, опирающийся на представление о пространстве типологических возможностей для организации локативных систем, засвидетельствованных в дагестанских языках.

2. Пространственные формы в дагестанских языках

Системы именных локативных форм в дагестанских языках образуются композиционными комбинациями локализации и направительного (двигательного) падежа [Бокарев 1948; Кибрик 1970 и посл. работы; Тестелец 1980/2019]. В качестве примера рассмотрим пространственную форму багвалинского языка *miqaXis̄* 'с дороги' (1). В ее составе выделяется

---

¹ В коллекцию текстов вошли, во-первых, тексты на хонохском хваршинском, опубликованные в сборнике «Хваршинский фольклор» [Каримова 2014], а также тексты, записанные Я.Г. Тестельцом в селе Хонох в 2018–2019 гг. в ходе полевой работы. В примерах из текстов в строке перевода указывается название текста и номер предложения.

косвенная основа существительного *miq* ‘дорога’, а также последовательно присоединяемые к косвенной основе показатели локализации относительно ориентира *miq* ‘дорога’ (в данном случае — локализации AD) и направительного падежа (в примере (1) — элатива).

- (1) *miq*   -a   -X   - $\bar{i}$
       дорога -OBL -AD -EL
       ‘с дороги’ (сошёл) [Кибрик (ред.) 2001: 141]

За исключением случаев идиосинкретичных лакун, комбинации показателей локализации и направления образуют композиционные системы. Набор граммем внутри каждой категории демонстрирует межъязыковое варьирование. Наиболее популярными локализациями в дагестанских языках можно считать локализации SUB, SUPER, CONT, AD, INTER, IN; реже встречаются такие локализации, как POSS, APUD, PRO и некоторые другие, см. [Тестелец 1980/2019]. Направительность представлена граммемами эссива (ESS) и различных директивов: латива (LAT), элатива (EL), аллатива (ALL), транслатива (TRANSL) и более редких терминатива (TERM), просекутива (PROS) и кумлатива (CUML). Эссив часто (но не всегда) имеет нулевой показатель; представлены также системы с синкретизмом эссива и латива.

Помимо именных локативных форм, в общедагестанскую систему пространственных форм входят также наречия места и пространственные послелоги. Эти лексемы, сами будучи обозначениями локализаций, обычно имеют форму эссива и ряд директивных форм, ср. пример (2) из багвальинского языка.

- (2) а. *č'ih*
       наверх(у)
       ‘наверху’ (находится; эссив) / ‘наверх’ (поднялся; латив)
- б. *č'ih*   - $\bar{s}$
       наверх(у) -EL
       ‘сверху’ (упал; элатив) [Кибрик (ред.) 2001: 143]

Возможные отличия наречно-послеложных направительных систем от именных не сводятся к сокращению числа граммем; в языках встречаются особые показатели директивов, используемые только с наречиями и послелогами. Возможны также случаи обращенной маркированности внутри наречной системы направительных форм, когда от немаркированной ди-

рекативной формы образуется маркированный эссив, служащий базой для образования прочих директивных форм, как в примере (3) из багвалинского языка.

(3) a. *haluba*

вверх.LAT

‘вверх, в горы’ (пошел; латив)

b. *haluba-X*

вверх-AD

‘вверху, в горах’ (находится)

c. *haluba-X-iš*

вверх-AD-EL

‘сверху, с гор’ (спустился) [Кибрик (ред.) 2001: 170]

Помимо категорий локализации и направленности, в некоторых дагестанских системах встречаются также категории аппроксимации и директива в узком смысле.

Категория аппроксимации или дистальности отмечается для ряда цезских языков — гунзибского [van den Berg 1995], бежтинского [Тестелец 1980/2019] и цезского [Radkevich 2008]. Аппроксиматив принимает в качестве аргумента локализацию и сопоставляет ей значение области пространства, находящегося около/вблизи той зоны, которая обозначается локализацией. Тем самым аппроксиматив, по выражению Я.Г. Тестельца, «размывает более или менее четкие пространственные границы, задаваемые локализационной морфемой» [Тестелец 1980/2019: 40]. Присоединяемые далее показатели направительного падежа принимают в качестве аргумента новую локализацию, создаваемую комбинацией значений локализации и аппроксиматива, ср. пример (4) из тлядальского бежтинского.

(4) a. *do roso-Ra-s L'alo ježeč.*

я.ERG стена-AD-EL камень нести.PRS

‘Я от стены камень несу.’

b. *do roso-Ra-dá-s L'alo ježeč.*

я.ERG стена-AD-APPROX-EL камень нести.PRS

‘Я со стороны стены камень несу.’ [Тестелец 1980/2019: 40–41]

Наконец, еще одна категория, связанная с пространственными формами — категория директива, фиксируемая для аварского [Бокарев 1954] и табасаранского [Ханмагомедов 1958]. Директив принимает в качестве аргумента форму направительного падежа и указывает, что движение происходит в направлении, совпадающем с обозначенным соответствующей пространственной формой, но не включает начальной или конечной точки движения, ср. примеры (5a–b) из табасаранского языка.

- (5) а. *Bitl gʔoanari-kk-an kkuɖubʕnu.*
змея камень.OBL.PL-SUB-EL ползти.PST
'Змея из-под камней выползла.'
- б. *Bitl gʔoanari-kk-an-di kkuɖubʕnu.*
змея камень.OBL.PL-SUB-EL-DIR ползти.PST
'Змея с той стороны, где лежат камни, выползла.'
[Ханмагомедов 1958, цит. по Тестелец 1980/2019]

Информация о возможности использования аппроксимативов и директивов с наречиями и послелогоми отсутствует, хотя подобные комбинации вполне ожидаемы с точки зрения как семантических, так и формальных селективных свойств данных морфем.

Таким образом, максимальная возможная структура именной пространственной формы в дагестанских языках выглядит как в (6a), а наречно-послеложной — как в (6b). Следует отметить, однако, что ни в одном языке категории аппроксимации и директива одновременно не засвидетельствованы.

- (6) а. именные пространственные формы
√-локализация-(аппроксимация)-направительность-(директив)
- б. наречно-послеложные пространственные формы
√-(аппроксимация)-направительность-(директив)

3. Пространственные формы в описаниях хваршинского языка

Хваршинский язык представлен несколькими идиомами; большинство существующих грамматических описаний основываются на инхокваринском хваршинском. Так, описание Е.А. Бокарева [Бокарев 1959] строится на основе инхок(в)аринского хваршинского (приводятся также хонохские, квантля-

динские и сантлядинские параллели); инхокваринскому же идиому посвящено монографическое описание З.М. Халиловой [Khalilova 2009] и один из лучших в дагестановедении словарей под редакцией М.Ш. Халилова [Халилов (ред.) 2022], в котором хонохские лексемы отдельно помечаются в словарных статьях. Хонохский хваршинский, или собственно хваршинский — идиом селений Хварши и Хонох — описывается в [Шарафутдинова, Левина 1961]. Готовится к печати основанное на полевой работе с современным хонохским хваршинским англоязычное описание [Testelets, Khalilova (in prep.)]. Далее в этой статье рассматривается хонохский хваршинский.

Композиционные пространственные формы существительных представлены в таблице 1. Они образуются комбинацией 6 локализаций (в [Шарафутдинова, Левина 1961] — серий) (SUPER, IN, INTER, SUB, POSS, AD) и 5 направительных падежей (ESS, LAT, ABL, TRANSL, TERM) (в [Шарафутдинова, Левина 1961] — 4, без терминатива); по-видимому, имеется лакуна на месте ожидаемой формы интерминатива.

Таблица 1. Композиционные пространственные формы имени

	ESSIVE	LATIVE	ABLATIVE	TRANSLATIVE	TERMINATIVE
SUPER	-λ'o	-λ'o-l	-λ'o-žo	-λ'o-jža	-λ'o-q'a
IN	-ma	-ma-l	-ma-žo	-ma-jža	—
INTER	-t	-t-el	-t-žo	-t-ejža	-t-q'a
SUB	-λ	-λ-el	-λ-žo	-λ-ejža	-λ-q'a
POSS	-qo	-qo-l	-qo-žo	-qo-jža	-qo-q'a
AD	-ho	-ho-l	-ho-žo	-ho-jža	-ho-q'a

Отклонения от композиционности обнаруживаются для нескольких типов пространственных форм.

Во-первых, выделяемый в [Шарафутдинова, Левина 1961] указательно-направительный падеж (показатель -гъол | -вол) присоединяется как к косвенной основе существительного, так и к локализациям. Примеры (7a–b) приводятся в [Шарафутдинова, Левина 1961] для демонстрации возможности присоединения данного показателя к разным типам основ².

² Пример (7a) небыстречен в том отношении, что форма *glala* | *ga* используется не только как косвенная основа, ср. *ga*-s *gadlu* [село.OBL-GEN порядок] 'порядок в селе'), но и как нерегулярная локализация IN, ср. *hada ga* *umru buho bečana* [один.OBL село.IN жизнь делать.IPFV.CVB AUX.PFV.CVB] 'в одном селе жили'. Тем не менее, в современных текстах встречаются и однозначные случаи присоединения морфемы -гъол | -вол к косвенной основе существительного.

(7) а. Жу *и^hкькьа гIалI-а-гьол.*
 он I.идти.AOR село-OBL-DIR
 ‘Он пошел к селу.’ (в направлении села)

б. Да *и^hкьа-гьа ушкул-кьо-гьол.*
 я I.идти-IPFV.CVB школа-SUPER-DIR
 ‘Я иду по направлению к школе.’

В описании [Testelets, Khalilova (in prep.)] показатель *-vol* анализируется как маркер еще одного регулярного направительного падежа — версатив (VERS). Соответственно, он образует композиционные формы с локализациями, а его присоединение к косвенной основе должно объясняться особо (см. ниже).

Во-вторых, в [Шарафутдинова, Левина 1961] вводится отдельный падеж с показателем *-гьал | -вал*, который «...обозначает объект (предмет), непосредственно к которому направлено действие»; этот показатель присоединяется только к косвенной основе (8). В [Testelets, Khalilova (in prep.)] такие формы не рассматриваются.

(8) Эс-тIэ-гьал *йатIикькьа ка^hд.*
 сестра-OBL-? II.приходить.AOR девочка
 ‘К сестре пришла девочка.’

В-третьих, для ряда пространственных показателей — латива и аблатива — возможно присоединение непосредственно к косвенной основе существительного. В таком случае у аблатива возникает значение источника и материала (9a), а у латива — инструмента (9b). Кроме того, форма латива покрывает всю область дативных значений — экспериенциальный датив, датив реципиента, датив предназначения (10).

(9) а. *l-uc'a-zal žiža, iti-šu kanti l-ak^wa-la-sa,*
 IV-остывать-TMP жижа этот.OBL-AVL свет IV-видеть-FUT-A

jaq'ut-lo λ'er-mo-s k'ant'a l-eq-na.
 янтарь-GEN2 цвет-OBL-GEN1 палка IV-становиться-PFV.CVB

‘Когда масса остыла, из нее прозрачная янтарного цвета палка получилась.’ (Мулла и знахарь, 12)

b. *dija laga mi ejša-l esan-o-λλan iła-na*
 я.GEN1 тело ты.ERG веник-LAT мыть-IMP-QUOT сказать-PFV.CVB

juq'uč'i ili kande-qo-l...
 старушка.ERG этот.OBL девушка.OBL-POSS-LAT

‘— Моё тело **веником** помой, — сказала старушка девушке...’
 (Падчерица, 12)

(10) a. *ła iła-o di-l-eλλa iła-na zē-lo*
 вода дать-IMP я-DAT-QUOT сказать- PFV.CVB медведь-GEN2

āhi-ba:-ge-la uža.
 ухо-PL-COM-OBL парень.ERG

‘— Воды дай **мне!** — сказал парень с медвежьими ушами.’ (Медвежье ухо, 10)

b. *best'al iša-t'e-l χol-e-s kad goqa-ho*
 сирота мать-OBL-LAT муж-OBL-GEN1 дочь нравиться-IPFV.CVB

j-eča-na gobč'i.
 II-AUX-PFV.CVB NEG.AUX

‘**Мачеха** дочь мужа недолюбливала.’ (Падчерица, 7)

Возможность развития самостоятельных значений у направительных показателей, отмечаемая в [Тестелец 1980/2019], позволяет объяснить и двойственную природу указательно-направительного падежа / версатива (показатель *-гьол* | *-вол*): это пространственный показатель, который в норме присоединяется к локализациям, но может и функционировать самостоятельно, развивая непространственные значения.

Пространственные формы наречий фиксируются в обоих описаниях и в словаре. Согласно [Шарафутдинова, Левина 1961], наречия места принимают показатели аблатива и латива, а также «отчасти» указательно-направительного падежа (таблица 2).

Таблица 2. Пространственные формы наречий *иди* ‘здесь’ и *уго* ‘там’ по [Шарафутдинова, Левина 1961]

(ESS)	<i>иди</i> ‘здесь’	<i>уго</i> ‘там’
ABL	<i>иди-жо</i>	<i>уго-жо</i>
LAT	<i>иди-л</i>	<i>уго-л</i>
VERS	<i>иди-гьол</i>	<i>уго-гьол</i>

В [Testelets, Khalilova (in prep.)] приводятся композиционные сочетания наречий места со всеми направительными падежами (LAT, ABL, TRANSL, TERM, VERS).

Пространственные формы послелогов в грамматических описаниях не рассматриваются.

Итак, предполагаемая для хваршинского языка система пространственных форм выглядит следующим образом: имеются композиционные сочетания локализаций/наречий с шестью направительными граммемами (ESS, LAT, ABL, TRANSL, TERM, VERS). Часть направительных показателей (LAT, ABL, VERS) способны также функционировать как отдельные падежи, присоединяясь непосредственно к косвенной основе существительного. Статус показателя *-гъал* | *-вал* остается неясным.

4. Анализ текстов: проблемные случаи

При анализе пространственных форм в коллекции хваршинских текстов выявляются следующие проблемные случаи. Во-первых, обнаруживаются примеры, в которых показатели *-во* (*-ву*) и *-ва* используются без лативного *-l*, как локализации. Такие употребления фиксируются как для эссивных форм, ср. *hada-во* ‘во дворе’; *kolode-во* ‘в (селе) Голода’; *juq’uči-во* ‘у старухи’; *isu-ва* ‘у него’, так и в составе других (не лативных) пространственных форм, ср. *aq-ва-žu* ‘от дома’, *isu-ва-jža* ‘мимо него’, *di-ва-вол* ‘ко мне’. Некоторые примеры показаны в (11).

(11) а. *īi-go-l-na*   *ruhunṭa-na*   *taṃol*   *kul-a-n*
 он.OBL-POSS-LAT-ADD   привыкать-PFV.CVB   наружу   бросать-INF-ADD

goqa-bč’u   *isu-ва-č*   *λix^wa-na*   *idu hiha*.
 хотеть-NEG.CVB   он.OBL-?-INTS   оставаться-PFV.CVB   этот   птенец

‘... к нему (= птенцу) привыкнув, [Насреддин] на улицу выкинуть не хотел, у него остался этот птенец.’ (Ворон Моллы Насреддина, 3)

б. *isu-ва-jža*   *āk’a-ha-sa*   *āse-l*   *ħalt’uqan-e-s*
 он.OBL-?-TRANSL   I.идти-CVB.IPF-A   знахарь-DAT   слуга-OBL-GEN1

maṭna-gobič’u   *kuc*   *b-ak^wa-zal...*
 смысл-NEG.COP.CVB   вид   III-видеть-TMP

‘Когда знахарь, проходя мимо него, заметил странный вид слуги...’ (Муллы и знахарь, 33)

Во-вторых, имеются случаи, когда пространственная форма существительного содержит два показателя локализации. В качестве второй локализации выступают локализация AD (ср. *čačan-λ'o-ho-l* 'в Чечню'; *mark'ač'u-λ'o-ho-l* 'к вечеру'; *isu-λ'o-ho-l* 'на него (напал)') и форма с показателем -*во* (*čan-o-λ-vo-jža* 'с потолка'; *ĩxe-t-vo-jža* 'через реку'). Соответствующие примеры показаны в (12).

(12) а. *mark'ač'u-λ'o-ho-l* *tatu-n* *b-ih-na*,
 сумерки-SUP-AD-LAT сила-ADD III-умереть-PFV.CVB

j-at't'a-na *idu* *muža-λ'o-l*.
 V-приходить-PFV.CVB она гнездо-SUP-LAT

'... к вечеру, сильно уставшая, вернулась она в гнездо.' (Ненасытная перепелка, 18)

б. *čan-o-λ-vo-jža* *iti-lo* *q'em-λ'o-l* *os*
 потолок-OBL-SUB-?-TRANSL он.OBL-GEN2 голова-SUP-LAT деньги

b-iš-šo *b-eča-na*.
 III-сыпаться-IPFV.CVB III-быть-PFV.CVB

'... деньги с потолка сыпались ей на голову.'
 (Канатоходец и куница, 29)

Наконец, в-третьих, наречия места присоединяют не только показатель направительного падежа, но и показатель локализации; примечательно, что такая возможность фиксируется для тех же показателей -*ho* и -*во*, ср. *ĩgo-ho-l* 'туда' (при *ĩgo-l* 'туда'), *gił-vo-jža* 'через низ' (при *giłe-jža* 'через низ').

(13) *žid-a* *łona* *biton-no* *l-eča-na*,
 они-GEN1 три фляга-ADD IV-быть-PFV.CVB

ĩgo-ho-l *l-ez-na* ...
 там-AD-LAT IV-братъ-PFV.CVB

'У них было три фляги, туда взяли они...' (Лиса, медведь и волк, 2)

Таким образом, становится очевидным, что существующие описания хваршинского языка не полностью исчисляют засвидетельствованные в текстах пространственные формы и нуждаются в уточнении. В следующем разделе представлено одно из возможных решений, опирающееся на частичную реорганизацию системы пространственных форм.

5. Предлагаемое решение

Учитывая полученные из коллекции текстов данные о дистрибуции показателей пространственных форм, я предлагаю следующий реанализ хваршинской системы. Во-первых, набор локализаций должен быть расширен: список локализаций должен быть дополнен двумя локализациями со значением APUD ‘область пространства рядом с ориентиром’: APUD1 с показателем *-во/-ви* и APUD2 с показателем *-ва*. Безусловно, необходима более точная семантическая характеристика предложенных локализаций, так что обозначения их как APUD являются предварительными. Тем не менее, это предположение хорошо сочетается с интерпретацией примеров в (11) и других текстовых вхождений, где используются эти локализации. Кроме того, имеется информация о наличии в других цезских языках морфем *-ва* или *-во*³, имеющих близкие значения ‘рядом’, ‘около’, ‘у (кого-л.)’ [Forker 2017]. Дистрибуция этих морфем сходна с дистрибуцией локализаций, однако их способность комбинироваться с различными основами существенно варьирует. Например, в бежтинском морфема *-ва* свободно сочетается с существительными и имеет, помимо пространственного, также метафорические и грамматически обусловленные значения (например, оформляет эталон сравнения); в гинухском же, напротив, показатель *-во* обнаруживается в составе трех наречий и образует локативные формы от малых количественных числительных. Таким образом, в пользу нашего предположения говорят данные близкородственных языков.

Во-вторых, на основе дистрибуции показателей в словоформах с двумя локализациями оказывается возможным выделить два класса показателей локализации. Показатели локализаций SUPER, IN, INTER, SUB, APUD2 встречаются только в первой из двух позиций, ср. *isu-λ'o-vo-l* ‘на него (напал)’, SUPER; *hamim-ma-vo-l* ‘в баню (отправился)’, IN; *ixe-t-vo-jža* ‘через реку (переходя)’, INTER; *mašt'a-λ-vo-l* ‘к мечети (пришел)’, SUB; *di-va-vo-l* ‘ко мне (подойди)’, APUD2. Показатели локализаций AD и APUD1 могут располагаться как в первой, так и во второй позиции, ср. *vaj-ho-vo-l* ‘к дому (подошел)’, AD; *ad-vo-vo-l* ‘вперед (идет)’, APUD1 и *čačan-λ'o-ho-l* ‘в Чечню (переселили)’, AD; *χano-λ-vo-jža* ‘с потолка (посыпались)’, APUD1. В наречиях места встречаются только локализации AD и APUD1 (более того, можно видеть, что сами наречия места часто содержат синхронно неотделимый показатель первой ло-

---

³ Учитывая, что для цезских языков характерна гармония гласных, можно предположить, что показатели *-ва* и *-во* диахронически связаны. Д. Форкер предполагает, что они восходят к пра-цезской падежной морфеме **-yo*.

кализации): *ĩgo-ho-l* ‘туда (отправился)’, AD; *lił’o-ho-l* ‘наверх, в гору (пошел)’, AD; *ł’ala-wo-l* ‘вверх (руки поднимая)’, APUD1; *gił-wo-l* ‘вниз (текло масло)’, APUD1; *miqe-wo-l* ‘далеко (ушел)’, APUD1; *ĩgo-idi-wo-l* ‘туда-сюда (ходит)’, APUD1’.

Я предполагаю, что в комбинации с первой локализацией либо наречием морфемы AD и APUD1 получают значение **аппроксиматива**, указывая на область пространства, расположенную в непосредственной (AD) или некоторой (APUD1) близости от ориентира, заданного первой локализацией или наречием. Значение аппроксимации представляется семантически близким значениям AD и APUD, которые могут быть описаны как ориентирующие значения ‘около ориентира’ + ‘контактно/неконтактно с ориентиром’ в типологии А.Е. Кибрика [Кибрик 1970]. Как кажется, интерпретация локативных форм как содержащих граммему аппроксимации в примерах (12a–b) выше, а также в (14) соответствует интуиции. В частности, отличие аппроксимированных локативных форм от неаппроксимированных хорошо заметно в контексте транслатива, предполагающего не-точечную область пространства, через которое осуществляется движение. Также показательно, что комбинация локализации INTER ‘внутри сплошного, заполненного внутреннего пространства X’ с транслативом в (14a) без аппроксиматива означала бы движение сквозь реку, то есть под водой (ср. *v’an-o-t-ejža* лес-OBL-INTER-TRANSL ‘сквозь лес’).

- (14) a. *ĩxe-t-wo-jža*   *ãk’a-ha*   *gojta*   *idu*,
 река-INTER-APPROX-TRANSL   I.идти-IPFV.CVB   AUX.PTCP   он

bit’e   *oła-ł’o-l*   *at’t’a-zal ...*   *ti-t*   *ĩža-na*.
 точно   середина-SUP-LAT   I.идти-TMP   вода-INTER   I.падать-PFV.CVB
 ‘Переходя **через реку** (букв. «через пространство, прилегающее к внутри реки»), когда он дошел до середины реки, ... упал в воду.’
 (Эх, молодость, 5)
- b. *gił-wo-jža*   *č’ida-n*   *l-uqe-na, ...*
 внизу-APPROX-TRANSL   земля-ADD   IV-копать-PFV.CVB
 ‘... подкопав землю **снизу** (букв. «через пространство, прилегающее к внизу [закромов]»), [влезла мышь в закрома].’ (Кот и мышь, 5)

Таким образом, можно считать, что в хваршинском языке воспроизводится модель пространственных форм с факультативным аппроксимативом (15), характерная как раз для цезских языков — гунзибского, бежтинского и цезского.

(15) а. именные пространственные формы

√-локализация-(аппроксимация)-направительность

б. наречные пространственные формы

√-(аппроксимация)-направительность

Система, засвидетельствованная в хонохском хваршинском, отличается от систем с аппроксимативом в других цезских языках в том, что морфемы AD и APUD¹ способны выступать и как самостоятельные локализации, и как аппроксимирующие операторы. По-видимому, такая полифункциональность характерна именно для ориентирующего значения 'около ориентира X', поскольку позволяет рекурсивное применение к локализациям, выделяющим области пространства в соответствии с другими ориентирующими значениями ('сверху X', 'снизу X', 'спереди X', 'сзади X' и т.п.).

Список условных сокращений

I-V — именной класс; A — атрибутив; ABL — аблатив; AD — локализация АД; ADD — аддитив; AOR — аорист; APPROX — аппроксиматив; APUD — локализация АПУД; AUX — вспомогательный глагол; COM — комитатив; CVB — конверб; DAT — датив; DIR — директив; EL — элатив; ERG — эргатив; ESS — эссив; FUT — футуральное причастие; GEN — генитив; IMP — императив; IN — локализация ИН; INF — инфинитив; INTER — локализация ИНТЕР; IPFV — имперфектив; LAT — латив; NEG — отрицание; OBL — косвенная основа; PFV — перфектив; PL — мн. число; POSS — локализация ПОСС; PRS — презенс; PST — прошедшее время; QUOT — квотатив; SUB — локализация СУБ; SUPER — локализация СУПЕР; TERM — терминатив; TMP — временной конверб; TRANSL — транслатив; VERS — версатив; ? — морфема с неясным значением.

Список источников / References

- Бокарев 1948 — Бокарев Е.А. Локативные и нелокативные значения местных падежей в дагестанских языках. Язык и мышление. Т. XI. М.–Л., 1948. С. 56–67. [Bokarev E.A. Lokativnye i nelokativnye znacheniya mestnykh padezhei v dagestanskikh yazykakh [Locative and non-locative meaning of spatial cases in Daghestanian]. Yazyk i myshlenie. Vol. XI. Moscow–Leningrad, 1948. Pp. 56–67.]
- Бокарев 1954 — Бокарев Е.А. О категории падежа (применительно к дагестанским языкам) // Вопросы языкознания, № 1, 1954. С. 30–46. [Bokarev E. A. On the category of case with respect to Daghestanian. Voprosy yazykoznaniiya, № 1, 1954. Pp. 30–46.]
- Бокарев 1959 — Бокарев Е.А. Цезские (дидойские) языки Дагестана. М., Изд-во АН СССР, 1959. [Bokarev E.A. Tsezic languages of Daghestan. Moscow, AN SSSR, 1959.]
- Каримова 2014 — Каримова Р.Ш. Хваршинский фольклор (с переводом на русский язык). Под общей редакцией Б. Комри. Лейпциг; Махачкала, АЛЕФ, 2014. [Karimova, Raisat. Khwarshi folklore (with translation into Russian). Comrie, Bernard (ed.). Leipzig; Makhachkala: ALEF, 2014.]

- Кибрик 1970 — Кибрик А.Е. К типологии пространственных значений (на материале падежных систем дагестанских языков) // Язык и человек. М., 1970. С. 110–156. [Kibrik A.E. K tipologii prostranstvennykh znachenii (na materiale padezhnykh sistem dagestanskikh yazykov) [Towards a typology of locative meanings (based on case systems of Daghestanian languages)] Yazyk i chelovek. Moscow, 1970. Pp. 110–156.]
- Кибрик 1993 — Кибрик А.Е. Родственные языки как объект типологии // Молошная Т.Н. и др. (ред.). Типологические и сопоставительные методы в славянском языкознании. М.: Институт славяноведения РАН, 1993. С. 16–26. [Kibrik A.E. Related languages as a typological object. Moloshnaya T.N. et al. (eds.). Tipologicheskie i sopostavitel'nye metody v slavyanskom yazykoznanii. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN, 1993. Pp. 16–26.]
- Кибрик 2003 — Кибрик А.Е. Родственные языки как объект типологии // Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя, 2003. С. 191–195 [Kibrik A.E. Related languages as a typological object. Konstanty i peremennye yazyka. Sankt-Peterburg: Aleteiya, 2003. Pp. 191–195.]
- Кибрик 2007 — Кибрик А.Е. Принципы и стратегии клаузного сочинения в дагестанских языках. Вопросы языкознания, №3, 2007. С. 78–120. [Kibrik A.E. Principles and strategies of clause chaining. Voprosy yazykoznanii, №3, 2007. Pp. 78–120.]
- Кибрик (ред.) 2001 — Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари / под ред. А.Е. Кибрика. М.: ИМЛИ РАН, 2001. [Bagvalinskii yazyk. Grammatika. Teksty. Slovarei [Bagwalal. Grammar. Texts. Dictionaries] Ed. by A.E. Kibrik. Moscow: IMLI RAN, 2001.]
- Лютикова, Федорова 2021 — Лютикова Е.А., Федорова О.В. Научная школа А.Е. Кибрика: от описания и документации языков к типологии и теории языка // Рема. Rhema. 2021. № 2. С. 9–22. [Lyutikova E.A., Fedorova O.V. Aleksandr Kibrik's scientific school: From language description and documentation towards linguistic typology and linguistic theory. Rhema. 2021. No. 2. Pp. 9–22. (In Rus.)]
- Тестелец 1980/2019 — Тестелец Я.Г. Именные локативные формы в дагестанских языках. Дипломная работа, МГУ, 1980 / рукопись, 2019. [Testelelets Ya.G. Imennnye lokativnyye formy v dagestanskikh yazykakh [Nominal locative forms in Daghestanian]. Diploma, Moscow State University, 1980 / Revised ms., 2019.]
- Халилов (ред.) 2022 — Джидалаев Н.С., Магомедова З.Д., Халилов М.Ш. Словарь хваршинского языка / отв. ред. проф. М.Ш. Халилов. — Махачкала: Институт ЯЛИ ДФИЦ РАН, АЛЕФ, 2022. [Dzhidalaev N.S., Magomedova Z.D., Khalilov M.Sh. Slovar' khvarshinskogo yazyka [Khwarshi dictionary]. Khalilov M.Sh. (ed.). Makhachkala: ALEF, 2022.]
- Ханмагомедов 1958 — Ханмагомедов Б.Г.-К. Система местных падежей в табасаранском языке. Махачкала, 1958. [Khanmagomedov B.G.-K. Sistema mestnykh padezhei v tabasarskom yazyke [Locative case system in Tabasaran]. Makhachkala, 1958.]
- Шарафутдинова, Левина 1961 — Шарафутдинова Р., Левина Р. Хваршинский язык (предварительное сообщение). Вопросы изучения иберийско-кавказских языков, ред. Е.А. Бокарев. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 89–122. [Sharafutdinova R., Levina R. Khwarshi (preliminary report). Voprosy izucheniya iberiisko-kavkazskikh yazykov. Bokarev E.A. (ed.). Moscow: AN SSSR, 1961. Pp. 89–122.]
- Шлуинский 2014 — Шлуинский А.Б. Внутригенетическая типология: методологические заметки // Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика. СПб.: Алетейя, 2014. С. 127–139. [Shluinskii A.B. Intra-genetic typology: methodological notes. Yazyk. Konstanty. Peremennye. Pamyati Aleksandra Evgen'evicha Kibrika. Sankt-Peterburg: Aleteiya, 2014. Pp. 127–139.]

- Forker 2017 — Forker D. Cases-Non-cases: At the Margins of the Tsezic Case System. Ramazan Korkmaz R., Doğan G. (eds.). *Endangered languages of the Caucasus and beyond*, Chapter 5, Brill, 2017. Pp. 60–78.
- Khalilova 2009 — Khalilova Z. *A grammar of Khwarshi*. Utrecht: LOT, 2009
- Kibrik 1998 — Kibrik A.E. Does intragenetic typology make sense? Winfried B. et al. (eds.). *Sprache im Raum und Zeit. In memoriam Johannes Bechert*. Band 2. Beiträge zur empirischen Sprachwissenschaft. Tübingen: Günter Narr Verlag, 1998. Pp. 61–68.
- Radkevich 2008 — Radkevich N. *The geometry of local case affixes*. PhD diss., University of Connecticut, 2008.
- Testelefs, Khalilova (in prep.) — Testelefs Ya., Khalilova Z. *Khwarshi*. To be published in: *The Caucasian Languages. An International Handbook*. De Gruyter Mouton.
- van den Berg 1995 — van den Berg H. *Grammar of Hunzib*. Lincom Europa, 1995.

Статья поступила в редакцию 06.10.2022

The article was received on 06.10.2022

Екатерина Анатольевна Лютикова

доктор филологических наук; МГУ имени М. В. Ломоносова; участник проекта «Параметрическое описание языков Российской Федерации», реализуемого в Государственном институте русского языка им. А. С. Пушкина

Ekaterina A. Lyutikova

Dr. Phil. Hab.; Lomonosov Moscow State University; researcher in the project “Parametric description of the languages of Russia” realized in Pushkin State Russian Language Institute

lyutikova2008@gmail.com

МЕСТОИМЕННИЯ СЕРИИ *-НИБУДЬ* И ПОДЪЁМ ОТРИЦАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Денис Юрьевич Писаренко

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация: В статье обсуждается феномен неоднозначной интерпретации русских неопределённых имен местоимений серии *-нибудь* в контекстах с подъёмом отрицания. Существует два основных подхода к анализу подъёма отрицания: синтаксический, который рассматривает его как частный случай синтаксического процесса подъёма, и прагматический, который рассматривает его как результат прагматико-семантических процессов, происходящих с определёнными предикатами. В этой работе я выступаю за компромиссный подход, который допускает, что обе эти модели сосуществуют в языке. Я предполагаю, что неоднозначная интерпретация предложений, включающих местоимения серии *-нибудь* с двойным отрицанием, возникает именно из-за того, что подъём отрицания может достигаться двумя разными способами.

Ключевые слова: подъём отрицания, отрицание, неопределённые местоимения, русский язык, прагматика, семантика

Для цитирования: Писаренко Д.Ю. Местоимения серии *-нибудь* и подъём отрицания в русском языке // Типология морфосинтаксических параметров. 2022. Том 5, вып. 1. С. 72–90. (На английском.)

RUSSIAN *NIBUD'*-INDEFINITES AND NEG-RAISING

Denis Pisarenko

HSE University

Abstract: This paper discusses the phenomenon of ambiguous interpretation of Russian *nibud'*-indefinites in Neg-Raising contexts. There are two major approaches to Neg-Raising: the syntactic approach which considers it an instance of the syntactic process of raising and the pragmatic approach which takes it as a result of pragma-semantic processes happening to Neg-Raising predicates. In this work I argue for the compromise approach which admits that both models of establishing of Neg-Raising inference co-exist in language. I assume that the ambiguous reading of the sentences including a *nibud'*-indefinite with double negation arises since there are two ways of yielding the Neg-Raising inference.

Keywords: Neg-Raising, negation, indefinites, Russian, pragmatics, semantics

For citation: Pisarenko D. Russian *nibud'*-indefinites and Neg-Raising. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2022. Vol. 5, iss. 1. Pp. 72–90.

1. Background on Neg-Raising

Neg-Raising (henceforth NR) is a cross-linguistically attested phenomenon which consists in that the negation phonologically expressed in the higher clause receives the semantic interpretation in the lower clause. The typical NR inference is illustrated in (1) where the sentence (1a) is naturally interpreted as (1b).

- (1) a. *Kelly **doesn't** think that Lee will be elected.* ⇒
 b. *Kelly thinks that Lee **won't** be elected.* [Jacobson 2020: 112]

Since the early 1960-s there has been a major discussion on the origin of Neg-Raising. Generally, two main approaches to it can be distinguished. The syntactic approach which dominated among the earliest scholars [Fillmore 1963; Ross 1973; Prince 1976] sees Neg-Raising as the consequence of the syntactic process involving the raising of lower-clause negation to the higher clause. In line with such an approach negation is assumed to be originally born inside the lower clause and then moved to the higher one. In (2a), the negation firstly appears in the embedded clause *it will <not> rain tomorrow* as shown in (2b) and then moves to the matrix clause (2c). Thus, the negative operator retains its original semantic interpretation being expressed in the matrix clause.

- (2) a. *I don't think it will rain tomorrow.*
 b. [*I think [it will NEG rain tomorrow]*].
 c. [*I NEG think [it will rain tomorrow]*].

The pragmatic approach to Neg-Raising was proposed in [Bartsch 1973] and developed in many modern works ([Gajewski 2007; Romoli 2013] among the most prominent). Unlike the syntactic approach, it considers that the negation in NR-sentences occurs in the matrix clause. The outcoming semantic interpretation is considered pragmatically born given that the matrix predicates yielding the NR-interpretation (so-called Neg-Raising predicates) such as *believe, think, expect, seem* [Popp 2016] are granted with the same semantic peculiarity, namely the excluded-middle inference (EM). EM is either presupposition [Gajewski 2007] or scalar implicature [Romoli 2013] involving that we have two

options (“alternatives”) provided by such predicates: if I say *I believe* I can either *believe that X* or *believe that ¬X*. Negating the first disjunct (what literally happens to the NR-utterances) sets *believe that ¬X* as the only possible variant. The explanation of NR in (3) is sketched in (4) in Gajewski’s fashion.

(3) *Bill believes that aliens exist.*

(4) a. Presupposition: *Bill believes ((aliens exist) ∨ ¬(aliens exist))*

b. Assertion: *¬Bill believes (aliens exist) ⇒*

c. *Bill believes ¬(aliens exist)*

By now the pragmatic approach has become the mainstream way of explanation of Neg-Raising since the traditional syntactic approach faces some serious challenges. For example, the hypothesis on the matrix-clause origin of negation is supported by the fact that negated matrix clauses in NR-sentences can undergo VP-ellipsis (5).

(5) *John didn’t think it would snow but Sue did <think it would snow>.*

[Crowley 2019: 3]

Despite this, some scholars [Collins, Postal 2018; Crowley 2019] believe that both models of Neg-Raising can simultaneously co-occur in language (it may be called the “compromise approach”). According to my hypothesis, this approach can explain some complicated issues concerning Russian NR. In this paper, I show that it is precisely the compromise approach that explains the ambiguous interpretation of Russian *nibud’*-indefinites in NR-sentences.

2. Russian *nibud’*-indefinites

In Russian, *nibud’*-indefinites are pronouns formed via joining the *-nibud’* affix to the wh-stem, like *kto-nibud’* (who + *nibud’*, ‘somebody’), *gde-nibud’* (where + *nibud’*, ‘somewhere’), *что-nibud’* (what + *nibud’*, ‘something’). Unlike some other Russian indefinites, for example, of *-to* series, *nibud’*-indefinites can only be licensed in a very restricted number of contexts. The possible licensors of *nibud’*-indefinites listed in [Fitzgibbons 2011] include conditional antecedents, universal quantifiers, interrogatives etc. (6)–(8).

- (6) a. ^{OK}*Khorosho, esli on kogo-nibud' tam uvidel.*
 good if he who-nibud' there saw
 'It's good if he saw anybody here.'
- b. **Khorosho, chto on kogo-nibud' tam uvidel.*
 good that he who-nibud' there saw
 Int.: 'It's good that he saw anybody here.'
- (7) a. ^{OK}*Vse s kem-nibud' podruzhilis'.*
 everybody with who-nibud' became.friends
 'Everybody became friends with anybody.'
- b. **My s kem-nibud' podruzhilis'.*
 we with who-nibud' became.friends
 Int.: 'We became friends with anybody.'
- (8) a. ^{OK}*Vas chto-nibud' interesuet?*
 you what-nibud' be.interested.in
 'Are you interested in anything?'
- b. **Vas chto-nibud' interesuet.*
 you what-nibud' be.interested.in
 Int.: 'You are interested in anything.'

Since *nibud'*-indefinites require non-veridical environments to be licensed, they are banned under the factive predicates like *videt'* 'see' being grammatical with non-factive ones like *nadeyat'sya* 'hope'. Meanwhile, *to*-indefinites are grammatical in factive environments:

- (9) ^{OK}*Nadeyus', chto vchera kto-nibud' ne prishel.*
 hope that yesterday who-nibud' NEG came
 'I hope that yesterday somebody did not come.'
- (10) **Videl, chto vchera kto-nibud' ne prishel.*
 saw that yesterday who-nibud' NEG came
 Int.: 'I saw that yesterday somebody did not come.'
- (11) ^{OK}*Videl, chto vchera kto-to ne prishel.*
 saw that yesterday who-to NEG came
 'I saw that yesterday somebody did not come.'

Another crucial property of *nibud'*-indefinites is that they obligatorily fall inside the scope of its licenser [Geist 2008; Yanovich 2005]. Considering the sentence in (12) where *kto-nibud'* is licensed by the conditional operator only the interpretation in (13a) where *if* outscopes the existential quantifier introduced by where *kto-nibud'* is grammatical but not (13b) with the reverse order of scopes. The same happens to the universal quantifiers, as shown in (14)–(15).

- (12) *Esli kto-nibud' pridet, my nachnem urok.*
 if who-nibud' come we will.start lesson
 'If anybody comes, we will start the lesson.'

- (13) a. ^{OK}*If there is anybody who will come we will start the lesson.* if > ∃
 b. **There is somebody who's coming is a condition in which we will start the lesson.* ∃ > if

- (14) *Vse gde-nibud' kupili kvartiru.*
 everybody where-nibud' bought flat
 'Everybody bought a flat somewhere.'

- (15) a. ^{OK}*For everybody, it is true that this person bought a flat somewhere.* ∀ > ∃
 b. **There is a certain place everybody bought a flat there.* ∃ > ∀

The situation is opposite concerning negation since negation does not license *nibud'*-indefinites and moreover, as stated in [Pereltsvaig 2000], clausemate negation cannot outscope the *nibud'*-indefinite as exemplified in (16). It may be compared with (17) where the negation is not clausemate with *komu-nibud'* (at least, phonologically) and thereby is interpreted above the existential.

- (16) *Dumayu, professor ne postavit komu-nibud' dvoiku.*
 think professor NEG will.give who-nibud' an.F
 a. ^{OK}'I think there is somebody the professor will not give an F to.' ∃ > ¬
 b. *'I think there is nobody the professor will give an F to.' ¬ > ∃

- (17) *Ne dumayu, chto professor postavit komu-nibud' dvoiku.*
 NEG think that professor will.give who-nibud' an.F
 a. *'I think there is somebody the professor will not give an F to.' ∃ > ¬
 b. ^{OK}'I think there is nobody the professor will give an F to.' ¬ > ∃

The interpretational distinction arising between a NR context in (17) and non-NR context in (16) at the first glance seems an additional argument against the syntactic view of Neg-Raising. Under the syntactic analysis we expect the original syntactic structure of (17) to look like (16) since the raised negation should originate in the lower clause. However, both sentences involve the interpretations with the opposite scope order. The pragmatic approach though can justify the exclusive acceptability of (17b) via the mechanism discussed before as illustrated in (18). If negation is originally born in the matrix clause it is capable of negating the whole clause with the existential in it giving rise to the non-existence interpretation.

- (18) a. Presupposition: *I think* $((\exists x. \textit{professor will give an F to x}) \vee \neg (\exists x. \textit{professor will give an F to x}))$
- b. Assertion: $\neg \textit{I think} (\exists x. \textit{professor will give an F to x}) \Rightarrow$
- c. *I think* $(\neg (\exists x. \textit{professor will give an F to x})) \Rightarrow$
- d. *I think* $(\neg \exists x. \textit{professor will give an F to x})$

However, the traditional pragmatic approach faces some challenges in explaining the ambiguity of interpretation of *nibud'*-indefinites in NR-sentences if they are equipped with more than one negative operator. In the following section, I will discuss this ambiguity and propose a hypothesis on its origin.

3. Double negation + *nibud'*-indefinites

Let us imagine the following context.

There are a bunch of friends walking around the evening city (let it be Anya, Borya, Vlada, and Grisha). They all are also friends with Dima, their former classmate, who is currently not with them since he is preparing for his birthday party which he will hold this weekend. Dima had not yet sent the invitations, so no one of these guys knows if he will invite them. Borya sadly utters that he is not sure that Dima will invite somebody of them — him, or Anya, or Vlada, or Grisha — since Dima has a very great number of new friends, so he may have forgotten about them. But Vlada objects to him. She says that Dima appreciates his old friends, so she is certain that he will invite at least one of them. She says:

- (19) *Ne dumayu, chto Dima ne pozovet kogo-nibud'*
 NEG think that Dima NEG invite who-nibud'

iz nas na vecherinku.

of us to the.party

'I do not think that Dima will not invite any of us to the party.' (I think that Dima will invite at least one of us to the party).

Let us assume another situation. Friends, who walked around the city the whole evening, are tired so they are saying goodbye to each other. Grisha says "See you soon!" because he is sure that they will meet very soon, at Dima's birthday party this weekend. However, Anya doubts it. She says she is not sure Dima is going to invite her specifically since it seems to her, he has closer relationships with Borya, Vlada and Grisha. And here Grisha says that Anya should not worry because it is known that they four are bosom friends to each other and probably Dima will invite the whole quartet to avoid separating them. He utters the same sentence as in (19) but with another interpretation.

- (20) *Ne dumayu, chto Dima ne pozovet kogo-nibud'*
 NEG think that Dima NEG invite who-nibud'

iz nas na vecherinku.

of us to the.party

'I do not think that Dima will not invite any of us to the party.' (I think that Dima will invite all of us to the party).

I would call the interpretation in (19) the "existential interpretation" and the interpretation in (20) the "universal interpretation". In both interpretations, the sentence has the same set of operators containing an existential and two negative operators but the order their scopes are arranged in differs for (19) and (20). The only way to receive a universal interpretation is schematized in (21). It may be reformulated as *it is not the case that there exists a situation that x is not true* entailing that *x* is true in every situation. In (22), there is a logical entailment derived for our context. Assuming that *x* is a situation 'person is invited' we receive truth conditions 'in any situation it is true that a person will be invited' (so it applies to each person of our set).

- (21) $\neg > \exists > \neg \Rightarrow \forall$

- (22) a. *it is not the case that there exists a person which will not be invited* $\Rightarrow$

b. *for every person it is true that this person will be invited*

However, there is a reason for which (27) is problematic. The assumption that $\neg\exists x$. *Dima will invite x* is a possible logical representation of the embedded clause contradicts the Pereltsvaig's stipulation that negation cannot outscope a clausemate *nibud'*-indefinite (henceforth, I will refer to it as to "Pereltsvaig's rule"). In line with this rule, the only way for two non-clausemate negative operators to interact involves the obligatory presence of the existential operator between them. In (28), it is shown that under these conditions the existential outscopes its clausemate negation and then falls into the scope of matrix-clause negation via the operation of pragmatic Neg-Raising which finally leads to a universal interpretation with no possible alternative options.

- (28) a. *I think* ($\exists x$. $\neg$ (*Dima will invite x*)) $\vee$ *I think* $\neg$ ($\exists x$. $\neg$ (*Dima will invite x*)) $\Rightarrow$
- b. $\neg$ *I think* ($\exists x$. $\neg$ (*Dima will invite x*)) $\Rightarrow$
- c. *I think* $\neg$ ($\exists x$. $\neg$ (*Dima will invite x*))) $\Rightarrow$
- d. *I think* ($\forall x$. *Dima will invite x*)

The dilemma we face there has two possible solutions. Either we admit that the existential interpretation in (19) is being born via syntactic Neg-Raising (while the universal interpretation in (20) may be born via pragmatic Neg-Raising) or postulate that Pereltsvaig's rule does not apply to this certain case. In fact, the second option may be chosen if we analyze the existential interpretation as a result of the pragmatic operation of "rescuing". In the following section, I show some problematic points of rescuing analysis.

4. Rescuing PPIs

The operation of rescuing is closely related to the conception of Positive Polarity Items (PPIs), the elements which cannot fall inside the scope of negation and obligatorily outscope the negative operator when co-occur with it [Szabolcsi 2004]. In [Spector 2014], two types of PPIs are distinguished: local PPIs which are only sensitive to clausemate negation and global PPIs which cannot co-occur with negation at all. English *some* is an obvious example of a local PPI. In (29) *not* and *someone* are not in the same clause, so it is possible and natural to interpret the existential below the negation. Meanwhile in (30), where *not* and *someone* are clausemate, such an interpretation is banned. The only possible interpretation of (30) involves negation inside the scope of *someone* as it is predicted for PPIs.

(29) *I do not think that John called someone.*

^{OK}‘I think that John called nobody.’ $\neg > \exists$

(30) *I think that John didn’t call someone.*

^{OK}‘I think that there is such a person that John didn’t call her.’ $\exists > \neg$

*‘I think that John called nobody.’ $\neg > \exists$

The operation of rescuing PPIs discussed in detail in [Szabolcsi 2004] is possibly the only known way to implement PPI inside the scope of negation. When PPI is rescued, the clause containing it together with negation occurs in a Downward Entailing (DE) context. In this case, the PPI receives the interpretation inside the scope of negation. Consider the classical example from [Baker 1970]. Exactly as the sentence from (19)–(20) it exhibits two possible interpretations: the existential and the universal one. The universal interpretation follows the direct expected order of scopes with the existential above the negation (*it is not the case that there is such a person that John didn’t call her*). The existential interpretation violates it but still is perceived as fully grammatical due to rescuing.

(31) *I do not think that John didn’t call someone.*

^{OK}‘I think that John called someone’ $\neg > \neg > \exists \Rightarrow \exists$

^{OK}‘I think that John called everyone’ $\neg > \exists > \neg \Rightarrow \forall$

Russian *nibud’*-indefinites were not often analyzed as PPIs. Nevertheless, there are some prominent Russian PPIs, like disjunctive operator *ili* [Ivlieva 2016] which show a predicted behavior in rescuing contexts. For (32), let us imagine that Dima had recently made a short trip to Paris, and we want to give him some touristic advice for the next trip. Though, we do not know exactly which sights he has seen and which he has not. We assume that he is probably already familiar with the most popular sights and there is no reason to advise them again. In that case, somebody can utter (32) which however can be interpreted ambiguously. Just like the sentences we discussed before, it may have either a universal interpretation (the conjunctive *ili* in that case is stacked between two negative operators without facing rescuing) or an existential interpretation (negation outscopes the conjunctive *ili* in the lower clause, rescuing takes place).

- (32) *Ne dumayu, chto Dima ne videl Luvr ili Eifelevu Bashnyu*
 NEG think that Dima NEG saw the.Louvre or the.Eiffel.Tower
 ‘I think that Dima saw both the Louvre and the Eiffel Tower.’
 $\neg > \forall \neg > \neg \Rightarrow \forall$
- ‘I think that Dima had seen either the Louvre or Eiffel Tower (at least one of them).’
 $\neg > \neg > \forall \Rightarrow \exists$

Being applied to the case of (19)–(20), the rescuing analysis saves the pragmatic approach making it possible to form the configuration $\neg > \neg > \exists$ without violating the Pereltsvaig’s rule. However, the theoretical problem arising here is that we are not sure that *nibud*’-indefinites can be considered PPIs and hence the possibility of rescuing is doubted. In the following section, I am providing some arguments against analyzing *nibud*’-indefinites as PPIs.

5. *Nibud*’-indefinites are not PPIs

Under the PPI-analysis, we expect *nibud*’-indefinites to show the behavior akin to that of true PPIs like *ili* so they should undergo rescuing in any DE-context. However, the pair (33)–(34) shows the distinction between *kto-nibud* and *ili*. Being implemented into the conditional clause, *ili* may fall inside the scope of negation (33) while it is impossible for *kto-nibud*’ (34). In (33), the interpretation (35a) (born by rescuing) is allowed while for (34) only (35b) is well (while the interpretation (35a) is impossible).

- (33) *Esli ty ne dogovorish’sya s Antonom ili Katjej, napishi mne.*
 if you NEG negotiate with Anton or Katya write.to.me
 ‘If you don’t negotiate with Anton or Katya, write to me.’
- (34) *Esli ty ne dogovorish’sya s kem-nibud’, napishi mne.*
 if you NEG negotiate with who-nibud’ write.to.me
 OK ‘If you don’t negotiate with somebody, write to me.’
 * ‘If you don’t negotiate with anybody, write to me.’

- (35) a. *if there is nobody you negotiate with, <...>* $\text{if} > \neg > \exists$
- b. *if there is such a person that you don’t negotiate with this person, <...>*
 $\text{if} > \exists > \neg$

This observation reveals a strange distinction between the behavior of clauses with *negation + kto-nibud*’ under negation and in weaker DE-contexts.

“Rescuing” of *kto-nibud’* is impossible in simple DE-contexts like conditional antecedents. Other DE-contexts like the scope of universal quantifier (36) and *only* (37) show the absence of rescuing as well. The only possible interpretation of (36) involves the existential *kakoe-nibud’ zadanie* above the negation leading to the meaning *everyone for whom there is at least one task this person will not complete* (or simply *everyone who fails at least one task*). With rescuing, we would expect the meaning *everyone who will not complete a single task* (otherwise *everyone who fails all tasks*) but this meaning does not arise. The same is held with the scope of *tol’ko* ‘only’ in (37) where the only accessible interpretation is *only for Dima there exists a dish he will not eat (the others eat anything)* but not *only for Dima there doesn’t exist a dish he will eat (the others will taste at least one dish)*.

(36) *Kazhdyj, kto ne sdelajet kakoe-nibud’ zadanie,*
 everyone who NEG complete which-nibud’ task

pojdet na peresdachu.

will.retaken the.exam

^{OK}‘Everyone who fails at least one task will retake the exam.’ $\forall > \exists > \neg$

*‘Everyone who fails all tasks will retake the exam.’ $\forall > \neg > \exists$

(37) *Tol’ko Dima ne budet chto-nibud’ est’.*
 only Dima NEG will what-nibud’ eat

^{OK}‘Only Dima will not eat something.’ $\text{only} > \exists > \neg$

*‘Only Dima will not eat anything.’ $\text{only} > \neg > \exists$

This shows that *nibud’*-indefinites are not PPIs (at least, not prototypical ones) and we should be extremely careful proposing an analysis of (19)–(20) in terms of rescuing. Given that, we have no reason to postulate the scope order $\neg > \exists > \neg > \exists$ for the cases observed and hence the order $\exists > \neg > \neg$ corresponding to the syntactic view of Neg-Raising seems more plausible. In the next section, I am providing some additional cases which show that syntactic approach definitely can explain the arising of existential interpretation.

6. Where the existential interpretation is banned

As it was mentioned before, some recent works like [Collins, Postal 2018] and [Crowley 2019] support the hypothesis that both syntactically and pragmati-

cally born Neg-Raising simultaneously exist in language. Their conclusion is mostly based on the fact there are some phenomena which can be plausibly explained within the syntactic approach (e.g. so-called Horn Clauses in English and Dutch) while the pragmatic approach does not provide an elegant explanation of it, and vice versa there are some phenomena which may be explained within the pragmatic but not syntactic theory. I do not plan to discuss Horn clauses and other cases which fit the syntactic idea of NR (addressing the reader to [Crowley 2019] and [Collins, Postal 2018] themselves) but I will discuss some tests which are assumed to maintain the pragmatic approach like contexts with *only* + *DP* and the sentences with VP-ellipsis.

The example of *only* + *DP* test borrowed from [Collins, Postal 2018: 16] is illustrated in (38). The crucial peculiarity of such sentences of type (38a) consists in that they do not even contain an overt negative operator but nevertheless give rise to Neg-Raising inference. Logically the sentence of kind *only* x . $P(x)$ entails $\forall y(y \text{ is not } x). \neg P(y)$, for instance, *Only Carol drinks beer* is naturally interpreted as *Everybody other than Carols don't drink beer*. As Collins and Postal show, the purely logical negation which barely can be generated anywhere but in the matrix clause is capable of providing the NR-inference. Below we see that (38a) through some logical operations reaches the interpretation (38d) with the negation in the lower clause.

(38) a. *Only Carol thinks that it is raining.*

b. *Nobody other than Carol thinks that it is raining.* — Truth Conditions of (a)

c. *Everybody other than Carol does not think it is raining.* $\Rightarrow$

d. *Everybody other than Carol thinks it is not raining.*

The claim that it cannot be the syntactic Neg-Raising which makes the inference in (38) possible is additionally supported by the fact that it does not license strict NPIs in the lower clause which is typical for NR-inferences, as the contrast between (39a) borrowed from [Collins, Postal 2018: 17] and (39b) illustrates.

(39) a. **Only Carol thinks that Mike has seen his mother in years.*

b. ^{OK}*Carol doesn't think that Mike has seen his mother in years.*

If we believe that the existential interpretation can be born only syntactically, we do not expect the context which only maintain pragmatically born Neg-Raising to support it. Hence, in those contexts, the *double negation* + *-nibud'* should only entail the universal interpretation. The examples below show that it is exactly how it works. In (40), the clause containing negation together with a *nibud'*-indefinite is embedded under the *only* clause. The only possible interpretation of this sentence is the universal one.

- (40) *Tol'ko Yura думаєт, чтo kto-nibud' tuda ne pridet.*
 only Yura think that who-nibud' there NEG come
 OK 'Everybody other than Yura thinks that everybody will come there.'
 * 'Everybody other than Yura thinks that at least one person will come there.'

The derivation of this interpretation is similar to (38) and shown in (41). It may be seen that the negation appearing in the matrix clause is stacked above the interplay of negation and existential in the embedded clause which on its turn completely follows Pereltsvaig's rule (*kto-nibud'* outscopes negation). Finally, we get the order $\neg > \exists > \neg$ with the universal quantifier as its output (everybody thinks that *everybody* will come there).

- (41) a. **Only** Yura thinks that *kto-nibud'* NEG come there.
 b. **Nobody** other than Yura thinks that *kto-nibud'* NEG come there.
 c. *Everybody* other than Yura does NEG think that *kto-nibud'* NEG come there. $\Rightarrow$
 d. *Everybody* other than Yura thinks that **everybody** will come there.

The comparison of this example with the original model involving two overt negative operators reveals the difference between them since the latter but not the former maintains the existential interpretation as a possible option (42).

- (42) *Yura ne думаєт, чтo kto-nibud' tuda ne pridet.*
 Yura NEG think that who-nibud' there NEG come
 OK 'It is not the case that Yura thinks that there is a person who will not come there.' $\Rightarrow$ 'Yura thinks that everybody will come there.'
 OK 'There is at least one person that Yura doesn't think that this person will not come there' $\Rightarrow$ 'Yura thinks that at least one person will come there.'

Another case of purely pragmatic Neg-Raising as admitted by both [Crowley 2019] and [Jacobson 2020] (despite in general they defend different approaches, the syntactic and the pragmatic one respectively) is VP-ellipsis. The example (43a) from [Crowley 2019: 3] is considered an argument against the syntactic account of NR since if the syntactic analysis was applicable here, we would expect negation in the elided clause, as shown in hypothetical but ill-formed example (43b). Since it does not happen, we should conclude that in syntax the negation is situated only in the matrix clause.

(43) a. *John didn't think it would snow but Sue did <think it would snow>.*

b. **John didn't think it would snow but Sue did <think it would not snow>.*

As shown in (44), in case of Russian only the universal interpretation is allowed in VP-ellipsis context. Moreover, another type of VP ellipsis (with negation posited before the elided part) also maintains only the universal interpretation as shown in (45).

(44) *Yura ne думает, что кто-нибудь не придет,*
Yura NEG think that who-nibud' NEG come

a *Dasha думает.*

but Dasha think

OK 'Yura does not think that there is a person who will not come but Dasha thinks that such a person exists.' ⇒ 'Yura thinks that everybody will come.'

Int.: *'There is such a person that Yura thinks that it is not the case that this person will not come but Dasha thinks this person will not come.' ⇒ 'Yura thinks that somebody will come.'

(45) *Yura думает, что кто-нибудь не придет, а Dasha нет.*
Yura think that who-nibud' NEG come but Dasha NEG

OK 'Yura thinks that there is such a person that this person will not come but Dasha thinks it's not the case.' ⇒ 'Dasha thinks that everybody will come.'

Int.: *'Yura thinks that there isn't such a person that this person will come but Dasha thinks it's not the case.' ⇒ 'Dasha thinks that at least one person will come.'

7. Conclusion

In this paper, I have discussed a special and still barely observed case of Neg-Raising on the Russian material. I had shown that the ambiguity arising in the interpretation of co-occurrence of double negation and existential may be yielded with two possible ways. The first way corresponds to the idea of pragmatic Neg-Raising and requires a higher negation which takes negated existential into its scope at LF (repeated in (46)). The second way corresponds to the idea of syntactic Neg-Raising where an existential in the lower clause outscopes both negative operators at the LF opening the way to the mutual annihilation of them and revealing a bare existential (repeated in (47)).

(46) Pragmatic Neg-Raising: $\neg > \exists > \neg \Rightarrow \forall$

a. *Ne dumayu, chto kto-nibud' ne pridet* $\Rightarrow$

b. $\neg(\text{think}(\exists x. \neg(x \text{ will come})))$

c. $\text{think}(\neg \exists x. \neg(x \text{ will come}))$

d. $\text{think}(\forall x. x \text{ will come})$

(47) Syntactic Neg-Raising: $\neg > \neg > \exists \Rightarrow \exists$

a. Syntax: [*dumayu*, [*chto kto-nibud'* NEG NEG *pridet*]] $\Rightarrow$
[NEG *dumayu*, [*chto kto-nibud'* t NEG *pridet*]]

b. Logical form: $\text{think}(\exists x. \neg(\neg(x \text{ will come}))) \Rightarrow$
 $\text{think}(\exists x. x \text{ will come})$

The model in (46) is problematic since the accommodation of a *nibud'*-existential below negation would violate the Pereltsvaig's rule. The only way to justify it is to postulate that *kto-nibud'* is rescued in the negative environment. As it was shown in the Section 5, *nibud'*-indefinites are not PPIs and hence cannot undergo rescuing.

The syntactic approach however does not face this problem and then may be used to explain the existential interpretation. This claim may be proved by that the contexts which can only involve the pragmatic NR (like VP-ellipsis and the *only* + *DP* subject) do not allow any other interpretation but the universal one.

Given these circumstances, I find it rightful to conclude that the ambiguity in the sentences of type (19)–(20) is reached due to that there are two possible

models of Neg-Raising which may be applied. When the pragmatic Neg-Raising applies (so the negation stays in the matrix clause where it in fact is generated) the universal interpretation arises, while the syntactic Neg-Raising evokes the existential interpretation. Generally, I consider it an argument in favor of non-exclusionist analysis of Neg-Raising proposed in [Collins, Postal 2018] and [Crowley 2019] which assumes that both types of NR can simultaneously co-exist.

If it is in fact the pragmatic Neg-Raising which evokes the existential interpretation, its nature still seems mysterious and needs further detailed research. As a working hypothesis for the endorsers of the pragmatic approach I would suggest the idea that the rescuing of *nibud'* really occurs there but *nibud'*-indefinites belong to a peculiar class of PPIs, for example, they may be licensed by negation but not by other DE-contexts. Nevertheless, unlike the non-exclusionist hypothesis of NR, such an analysis still does not seem to be elaborated.

Abbreviations

NEG — negation.

References

- Baker 1970 — Baker C.L. Double negatives. *Linguistic Inquiry*. 1970. No. 1. Pp. 169–186.
- Collins, Postal 2018 — Collins C., Postal P.M. Disentangling two distinct notions of NEG raising. *Semantics and Pragmatics*. 2018. Vol. 11. No. 5.
- Bartsch 1973 — Bartsch R. “Negative transportation” gibt es nicht. *Linguistische Berichte*. 1973. Vol. 27. No. 7. Pp. 1–7.
- Crowley 2019 — Crowley P. Neg-raising and neg movement. *Natural Language Semantics*. 2019. Vol. 27. No. 1. Pp. 1–17.
- Fillmore 1963 — Fillmore C.J. The position of embedding transformations in a grammar. *Word*. 1963. Vol. 19. No. 2. Pp. 208–231.
- Fitzgibbons 2011 — Fitzgibbons N. *On licensing requirements of the Russian nibud'-series*. 2011. Online publication, [URL](#) (accessed on 17.11.2022).
- Gajewski 2007 — Gajewski J.R. Neg-raising and polarity. *Linguistics and Philosophy*. 2007. Vol. 30. No. 3. Pp. 289–328.
- Geist 2008 — Geist L. Specificity as referential anchoring: evidence from Russian. *Proceedings of Sinn und Bedeutung*. 2008. Vol. 12. Pp. 151–164.
- Ivlieva 2016 — Ivlieva N. *Epistemic disjunction and obligatory ignorance*. 2016. Manuscript.
- Jacobson 2020 — Jacobson P. Neg Raising and ellipsis (and related issues) revisited. *Natural Language Semantics*. 2020. Vol. 28. No. 2. Pp. 111–140.
- Pereltsvaig 2000 — Pereltsvaig A. Monotonicity-based vs. veridicality-based approaches to negative polarity: Evidence from Russian. *Formal approaches to Slavic linguistics*. 2000. Vol. 8. Pp. 328–346.
- Popp 2016 — Popp M.-L. *NEG-raising in cross-linguistic perspective*. Master thesis University of Leipzig, 2016.

- Prince 1976 — Prince E.F. The syntax and semantics of neg-raising, with evidence from French. *Language*. 1976. Pp. 404–426.
- Romoli 2013 — Romoli J. A scalar implicature-based approach to neg-raising. *Linguistics and philosophy*. 2013. Vol. 36. No 4. Pp. 291–353.
- Ross 1973 — Ross J.R. Slifting. *The Formal Analysis of Natural Languages*. Gross M., Halle M., Schutzenberger M.-P. (eds.). *Ianua linguarum/Series maior* 62. Mouton, The Hague. 1973. Pp. 131–169.
- Spector 2014 — Spector B. Global positive polarity items and obligatory exhaustivity. *Semantics and Pragmatics*. 2014. Vol. 7. Pp. 1–61.
- Szabolcsi 2004 — Szabolcsi A. Positive polarity–negative polarity. *Natural Language & Linguistic Theory*. 2004. Vol. 22. No. 2. Pp. 409–452.
- Yanovich 2005 — Yanovich I. Choice-functional series of indefinite pronouns and Hamblin semantics. *Semantics and linguistic theory*. 2005. Vol. 15. Pp. 309–326.

Статья поступила в редакцию 01.10.2022

The article was received on 01.10.2022

Денис Юрьевич Писаренко

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Denis Pisarenko

HSE University

denisyurievichpisarenko@gmail.com

ИДИОМЫ, КОНТРОЛЬ И ПОЗИЦИЯ АРГУМЕНТА В СВЕТЕ РУССКИХ ДАННЫХ*

П. В. Руднев, А. С. Шикунова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация: Интерпретация идиоматических выражений традиционно используется в синтаксической литературе для определения исходной позиции синтаксических выражений. В применении к материалу русского языка данный аргумент лежит в основе анализа клауз с предикатами косвеннообъектного контроля через исключительное падежное маркирование/ЕСМ [Buručina 2020]. В настоящей работе показывается, что идиоматические выражения совместимы также с предикатами субъектного контроля и прямообъектного контроля и поэтому не могут служить основанием для выделения предикатов косвеннообъектного контроля в отдельный класс с альтернативными синтаксической структурой и механизмом приписывания падежа.

Ключевые слова: субъектный контроль, объектный контроль, ЕСМ, идиомы, синтаксис, русский язык

Для цитирования: Руднев П.В., Шикунова А.С. Идиомы, контроль и позиция аргумента в свете русских данных // Типология морфосинтаксических параметров. 2022. Том 5, вып. 1. С. 91–106. (На английском.)

---

* В данной научной работе использованы результаты проекта «Языки народов России: морфосинтаксис во взаимодействии с другими модулями языка», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 году.

Мы выражаем признательность М.Ю. Князеву, А.Б. Летучему, А.В. Подобряеву и нашим коллегам в Научно-учебной лаборатории по формальным моделям в лингвистике НИУ ВШЭ за ценные замечания на разных этапах подготовки данной работы.

IDIOMS, NP POSITION, AND CONTROL: EVIDENCE FROM RUSSIAN^{*}

Pavel Rudnev, Alexandra Shikunova
HSE University

Abstract: This paper challenges the legitimacy of the idiom diagnostic, which has long been employed in syntactic argumentation to distinguish movement from base generation. In response to [Burukina 2020], who re-analyses several Russian control predicates in terms of ECM (exceptional case marking) based on the idiom test, we question the necessity of the alternative analysis. We provide data from Russian that the idiom test would make implausible predictions for, should Burukina's [2020] logic be followed through, and argue that idiomatic readings can be obtained in control environments, in line with the Constraint on Idiom Chunks [Bruening 2015].

Keywords: subject control, object control, ECM, idioms, syntax, Russian

For citation: Rudnev P., Shikunova A. Idioms, NP position, and control: Evidence from Russian. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2022. Vol. 5, iss. 1. Pp. 91–106.

---

^{*} The results of the project “Languages of Russia: Morphosyntax and its interaction with other modules”, carried out within the framework of the Basic Research Program at HSE University in 2022, are presented in this work.

We are grateful to Mikhail Knyazev, Alexander Letuchiy, Alexander Podobryaev and our colleagues at the HSE Formal Models Lab for feedback and discussion.

1. Introduction

1.1. Background

Idioms have long been used as a syntactic test meant to differentiate between movement and base generation in the realm of both A and A'-dependencies [Adger, Ramchand 2005; Bhatt 2002; Chomsky 1965; Chomsky 1995; Kwon et al. 2006; Postal 1976; Salzmann 2006; Vergnaud 1974]. As the following examples from English featuring the idiom *the shit hit the fan* indicate, idioms are grammatical in cases of raising to subject, like example (1), but not control, like example (2).

(1) *They believe the shit t to have hit the fan yesterday.* (raising to object)

(2) **They convinced the shit [PRO to have hit the fan] yesterday.* (object control)

The idiom test is supposed to work like this: if, as frequently assumed, all constitutive parts of an idiom must be adjacent at some point in the syntactic derivation, the availability of the idiomatic reading indicates the adjacency of what on the surface looks like the matrix object with the remainder of the idiom in the infinitival clause.

The idiom part *the shit* in the raising example (1) is base-generated in the embedded infinitival clause and appears in a non-thematic position in the matrix clause, so the sentence is acceptable. In example (2), however, *the shit* is base-generated as a matrix object, separately from the rest of the idiom in the embedded infinitival clause, which renders the sentence unacceptable.

As indicated above, the assumption under which idioms have been used in syntactic argumentation is that all constituent parts of an idiom must be adjacent at some point in the derivation. Thus, movement of an idiom part is possible, because it can proceed out of an idiom that was base-generated as a whole. Control or pronominal anaphora, on most approaches, do not involve movement, leading to a part of an idiom being base-generated outside of it, which prevents the idiomatic reading.

However, several works have taken issue with this assumption. [Ruwet 1991] and [Nunberg et al. 1994] have shown that idioms actually can participate in control. Examples of pronominal anaphora and control with idioms in English abound on the Internet, as shown in [Bruening 2015]. Sentences (3) and (4) below illustrate this.

- (3) *I thought I would miss the boat, and miss it I did.* [Bruening 2015: 5]
- (4) *The plug is waiting to be pulled once all the 5600 stock is gone...*
[Bruening 2015: 2]

The examples above demonstrate that idiom parts such as *the boat* in (3) can be anaphorically referred to, and, like *the plug* in (4), control the embedded PRO with the idiomatic interpretation kept intact, contrary to what would be expected under the logic that the idiom test rests upon. We now turn from the broad range of cases that are problematic for the idiom diagnostic to one specific case — Russian control predicates.

Recent work on the syntax of Russian infinitival clauses has argued that a subset of structures traditionally analysed via object control are to be reanalysed in terms of either raising or exceptional case marking (ECM). The main evidence for this claim comes from the idiom test, namely, the availability of idiomatic readings when a subpart of an idiom inside an infinitival clause appears in the matrix clause as a main-clause object, as in (5) from [Burukina 2020].

- (5) *Ya ne velel [chernoi koshke probegat' mezhdu nimi].*
I not ordered black cat.DAT run.INF between them
'I did not order them to quarrel.' (lit.: 'I didn't order the black cat to run between them.')

This paper shows that, just like in English, idiom chunks in control environments in Russian can give rise to idiomatic interpretations. If Burukina's [2020] logic were followed through, one would be forced to postulate an additional ECM-like structural source for accusative object-control verbs as well as subject control with the putative controller inside the infinitival clause. This effectively amounts to restating the original question of why idiomatic readings are compatible with some verbs under some circumstances without actually answering it. It would also require an additional mechanism of accusative case assignment and nominative case assignment.

The paper is laid out as follows. Section 2 is devoted to control and Russian control predicates in particular: Section 2.1 provides some background on the definition of control, raising and exceptional case marking (ECM); Section 2.2 discusses how control can be distinguished syntactically; semantic restrictions on arguments of control predicates are described in Section 2.3. Section 3 presents the data that is problematic for the idiom test logic, our analysis, featuring the Constraint on Idiom Chunks, is provided in Section 4 and Section 5 concludes the paper.

1.2. Aims of the paper

We are going to demonstrate that the idiom test makes absurd predictions about Russian control predicates, if employed in the same way as in [Burukina 2020]. As the Russian data indicates, idiom chunks are acceptable in object and subject control environments. Since idioms must have all their constituent parts together at some point, it must be possible for a control predicate's argument to be inside the embedded clause. Hence, one would be forced to postulate an additional ECM-like structure and a mechanism for assignment of the accusative and nominative case. The argumentative force of the idiom test is therefore lost, because any type of control-like structure can be shown to be ambiguous with respect to the nominative/accusative/dative/etc. argument's position. The question of why idioms are often unacceptable in control environments remains unanswered.

We suggest that the fault with the idiom diagnostic is that the reason for the said unacceptability is semantic rather than syntactic. Control is a syntactic phenomenon, however, the felicity of idioms with control/raising/ECM predicates does not serve as a good predictor of the structure type. The next section investigates the notion of control in Russian and provides the data that corroborate our claim.

2. Russian idioms in control environments

2.1. Background

Control, raising and ECM are different syntactic configurations of subordinate clauses, typically non-finite, with an embedded argument that is mandatorily coreferent with a matrix argument (see [Polinsky 2013] for detailed discussion of raising and control). Raising is the phenomenon of there being no theta-role to fill in the matrix clause, like in example (6). That is why the matrix subject can be an expletive, as shown in example (7).

(6) *John seems [t to be upset].*

(7) *It seems (that) [John is upset].*

John in example (6) has a single theta-role — it is the only argument of the embedded predicate *to be upset*. The matrix verb *seem* does not assign any theta-roles other than the proposition, so *John* can be located in the matrix

clause, like in example (6), as well as in the embedded clause, like in example (7), since there is only one theta-role for it to obtain.

Control results from there being two thematic positions seemingly occupied by the same event participant: one in the matrix clause and one in the embedded clause. Since it is not possible for one argument to fill two theta-roles, according to the theta-criterion (see [Chomsky 1981] for details), a silent pronoun appears in the embedded clause, whose reference is determined by an argument in the matrix clause, like in example (8).

(8) *Kim_i wants [PRO_i to buy a house].*

Kim in example (8) receives the ‘wanter’ role from the matrix verb *wants* and the ‘buyer’ role from the embedded verb *buy*. One participant cannot have two theta-roles at once, and PRO appears in the embedded subject position.

Exceptional case marking (ECM) is different from both raising and control. The subject of the embedded clause receives its case from the matrix predicate (see [Chomsky 1981] for details). It occupies the embedded subject position rather than an argument position in the matrix clause, like in example (9) below.

(9) *Kim wants [me to buy a house].*

Me is the subject of the embedded clause in example (9). However, it receives accusative case from the matrix predicate *wants*. Note that one and the same verb (*wants*) can participate in two different structures: control, like in example (8), and ECM, like in example (9).

As mentioned in the introduction, [Burukina 2020] proposes an alternative analysis for Russian mandative verbs with dative arguments. She argues that such predicates as *velet* ‘order’, *razreshit* ‘allow’, *pomogat* ‘help’, *meshat* ‘hinder’, which appear to assign a thematic role in the matrix clause, and hence to exhibit control, are structurally ambiguous. The two possible structures are shown in example (10) and (11). In particular, the dative argument can either denote the Holder of the obligation and be coreferent with the embedded PRO (i.e. traditional object control) or be located in the embedded clause itself, similarly to the ECM structures of English and other languages.

(10) [*pomoch/pomeshat*’ DP.DAT_i [PRO_i infinitive]]

(11) [*pomoch/pomeshat*’ [DP.DAT infinitive]] [Burukina 2021: 5]

The first reading of example (12) results when *Voldemort* is the Holder (see the schema in example 10), and the second is derived when *Voldemort* is the embedded subject (see the schema in example 11).

- (12) *Direktor prikazal Voldemortu ubit' mal'chika.*
 director.NOM ordered Voldemort.DAT kill.INF boy.ACC
 'The director ordered Voldemort that he should kill the boy.'
 'The director ordered that Voldemort should kill the boy.'
 [Burukina 2020: 9]

One argument [Burukina 2020] provides in support of her analysis is based on the interpretation of idiom chunks. Her reasoning is as follows: sentences with a mandative verb and an idiom, such as example (13) below, can keep the idiomatic reading. Thus, the constituent parts of the idiom must have been base-generated together. Since this is by definition impossible in a control setting, an alternative ECM structure should be available.

- (13) *Ya ne velel chernoi koshke probegat' mezhdru nimi.*
 I not ordered black cat.DAT run.INF between them
 Literally: 'I did not order the black cat to run between them.'
 Idiomatic reading available: 'I did not order them to quarrel.'
 [Burukina 2020: 8]

[Burukina 2020] contrasts Russian mandative predicates with 'proper' object control predicates such as *zastavit'* 'force' that she claims do not create such an ambiguity and also disallow idiomatic readings.

2.2. Defining control

The definition of control via the notion of theta-roles, which we have given in the previous section, makes the nature of control dependent on one's understanding of theta-roles. They can be conceptualized as handled by the semantic module, which would imply that the Theta Criterion is replaced by a compositionality requirement (in the sense of formal semantics) and control becomes a semantically driven phenomenon [Bruening 2013; Kratzer, Heim 1998, amongst others]. Theta-roles can also be argued to belong in the syntax: asymmetries between arguments receiving different roles have been analysed using argument introducing heads [Kratzer 1996; Pylkkänen 2008]. Collins [2021] has suggested a Merge-based theory of theta-roles, which places them in the syntactic module as well.

We are going to adopt the middle ground: arguments are projected in the syntax, whereas the wide variety of theta-roles, which can be highly specific, is handled by semantics.

In order to show that proper control predicates allow for idiomatic readings when combined with idioms, we need a syntactic diagnostic that would distinguish control predicates from all the other types (restructuring, raising, ECM). Recall that the only property that sets control apart is that the predicate of the clause embedded under them has to have at least one argument (PRO), or else there would be nothing to control. Thus, the presence of an embedded PRO could be witnessed by the unacceptability of the matrix predicate with argumentless ‘weather predicates’ such as *smerkat’sya* ‘get dark’ etc., as shown in (14) below.

- (14) **reshilo/khotelo/gotovo/zastavilo smerkat’sya*
 decided/wanted/ready/forced get.dark.INF
 Int.: ‘It decided/wanted/is ready/forced to get dark.’

The verb *smerkat’sya* ‘get dark’ has zero arguments, so it is not possible to build a control structure with it. Not all ‘weather verbs’ are like that, and those that do project a nominal argument are acceptable under control predicates such as the ones listed above. We illustrate this with the figuratively used ‘weather predicate’ *poiti* ‘go’ that requires a nominal argument such as *dozhd* ‘rain’, *sneg* ‘snow’ or *grad* ‘hail’, as in (15) below.

- (15) *dozhd’ reshil / byl gotov poiti*
 rain decided was ready go.INF
 ‘It decided/was ready to rain.’

Coming back to the argumentless ‘weather predicate’ *smerkat’sya* ‘get dark’, we can show that unlike control predicates, other infinitive-embedding, raising-style, predicates such as *nachat* ‘begin’, easily combine with them, as in (16) below. We argue that this is precisely because raising-type verbs do not project a syntactic argument.

- (16) *nachalo smerkat’sya*
 began get.dart.INF
 ‘It started to get dark.’

Having established that such predicates as *reshit* ‘decide’, *khotet* ‘want’, *zastavit* ‘make/force’ and the adjectival *gotov* ‘ready’ pattern with control predicates rather than raising predicates, we can show that they are also distinct from restructuring ones. Embedded clausal negation is acceptable under the predicates in question, as in (17) and (18), which is considered in the literature to be an argument against restructuring [Cable 2004; Wurmbrand 1998].

(17) *Ya reshil [ne exat' k vam].*
 I decided not come to you
 ‘I have decided to not come to you.’

(18) *Ya gotov [ne exat' k vam].*
 I ready not come to you
 ‘I am ready to not come to you.’

Another phenomenon that can be utilized to distinguish control from movement and restructuring in Russian is negative concord [Letuchiy, Viklova 2020]. The negative concord item (NCI) *nikto* ‘nobody’ can be the subject of a raising predicate but not a control predicate, with the negation being in the embedded clause.

(19) *Nikomu možno [t ne prixodit'].*
 nobody.DAT may not come
 ‘It is OK if nobody comes.’ [*may > not*]

(20) **Nikto xochet [PRO ne prixodit'].*
 nobody.NOM wants not come
 Int.: ‘Nobody wants to come.’

Nikto ‘nobody’ in (19) is raised from the embedded clause, according to some analyses of modal predicates, so at least part of the movement chain is local with respect to sentential negation, and the negative concord reading is accessible. However, with the control structure in (20) it is not possible to license negative concord, since the NCI is non-local with respect to negation. The inability of NCIs as control predicates’ arguments to be licensed by the embedded negation is reproduced for other control predicates that have been discussed so far; example (21) illustrates this for subject control and example (22) for object control.

(21) **Nikto xochet/reshil/gotov ne prixodit'*.
 nobody wants/decided/ready not come
 Int.: 'Nobody wants/decided/is ready to come.'

(22) **My zastavlyali nikogo ne prixodit'*.
 we forced nobody not come
 Int.: 'We did not force anybody to come.'

There are other diagnostics such as the substitution of the embedded clause with the demonstrative pronoun *eto* 'this' or the scope of indefinites that are used for Russian by [Letuchiy, Viklova 2020]. For the purposes of the present paper, we restrict our argumentation to the evidence above.

In the light of this evidence, we are going to treat control as a syntactic phenomenon, whose defining feature is that control predicates necessarily introduce a nominal argument. We have also shown that *khotet* 'want', *zastavit* 'force', *reshit* 'decide', and *gotov* 'ready' are genuine control predicates in this sense.

2.3. Semantic restrictions on arguments of control predicates

Our proposal states that the constraints that rule out idiomatic readings in control environments are semantic, so the semantic restrictions on arguments of control predicates beg to be investigated.

Some of the predicates discussed in the previous section impose no animacy/sentience requirements on their arguments, despite being genuine control predicates. As evidenced by the examples below, their arguments can be inanimate, non-sentient and non-agentive. Examples (23), (24) and (25) below all feature the inanimate NP *dver'* 'the door'.

(23) *Dver' vdrug reshila otkryt'sya.*
 door suddenly decided open
 'The door opened all of a sudden.'

(24) *Dver' ne khotela otkryvat'sya.*
 door not wanted open
 'The door wouldn't open.'

While requiring the presence of a nominal argument, all of *reshit* 'decide', *zastavit* 'force' and *gotov* 'ready' impose no animacy requirement on it, whereas *khotet* 'want' allows inanimate arguments in downward-entailing environments such as under sentential negation, as in (24), or in antecedents of conditionals, as in (25), just like *velet* 'order' from [Burukina 2020].

- (25) *Esli dver' vse zhe reshiti otkryt'sya ...*
 if door nevertheless decides open
 'Should the door decide to open, ...'

On the other hand, there are control verbs that do appear to require their arguments to possess some degree of sentience. For instance, *ubedit'* 'to convince' is marginally acceptable with non-sentient participants, as shown in (26). This sentence can be perceived as a joke or a metaphor, meaning that the door took some time or effort to open.

- (26) *?Nikita ubedil dver' otkryt'sya.*
 Nikita convinced door open
 'Nikita forced the door to open.'

On the basis of examples like (26), an anonymous reviewer suggests that the limits to which the standards of acceptability can be stretched to include such interpretations as metaphors and irony are hard to define. This only goes to show that control predicates are not to be probed by tests that rely on interpretations, since it is possible to imbue a sentence with a non-standard interpretation if necessary, and this is indeed possible with idiomatic readings.

The same reviewer also observes that the absence of the sentience requirement imposed on the nominal argument upon which this paper relies might lead to circular reasoning. According to the reviewer, the lack of the sentience requirement is buttressed by the felicity of (24) involving a 'non-standard and non-experiencer meaning of *khotet'*.' We disagree. Firstly, the null hypothesis is that there is only one *khotet'*, and any deviations from that hypothesis to the effect of postulating a 'non-standard and non-experiencer meaning' require additional argumentation. Now, that argumentation, from where we are standing, effectively reduces to the observation that the two purported meanings only differ with respect to their interaction with idioms, since there are no other substantial differences between the two meanings with respect to the control diagnostics, for example. It is therefore the reviewer's objection which leads to circular reasoning. Secondly, as we have just shown above, *khotet'* is not the only control predicate compatible with idioms, and, as far as we can judge, the remaining ones are immune to the reviewer's objection.

3. Idioms in control environments

We show in this section that the four predicates previously shown to exhibit control and impose no animacy or sentience requirements on their arguments are compatible with idioms, with the idiomatic reading preserved. Example (27) illustrates the availability of the idiomatic reading under *khotet'* 'want' (in a downward-entailing environment, as before), whereas examples (28), (29) and (30) do so for *reshit* 'decide', *zastavit'* 'force' and the adjectival *gotov* 'ready', respectively.

- (27) *Delo ne khotelo* [PRO *dvigat'sya s mertvoi tochki*].
 business not wanted move from dead point
 'Things wouldn't get moving.' (lit.: 'didn't want to move from the dead point')

- (28) *Vchera u menya na dushe vnezapno koshki reshili*
 yesterday at me on soul suddenly cats decided

[PRO *zaskresti*].
 scratch.INF

'Yesterday, I suddenly started feeling really sad.'

- (29) *Napryazhennoe molchanie zastavlyalo atmosferu*
 tense silence was making atmosphere

[PRO *sgushchat'sya vse sil'nee*].
 solidify all stronger

'The heavy silence was making people in the room feel more and more uneasy.'

- (30) *Ot kazhdogo shoroxa serdce bylo gotovo uiti v pyatki*.
 from every rustle heart was ready go in heels

'Every rustle was making one's heart drop.' (lit.: 'making one's heart go into one's heels.')

In all four examples above, one part of an idiom occurs inside a PRO-containing infinitival clause, whereas the idiom's 'real' subject is base-generated as an argument in the matrix clause. The acceptability of idioms with these subject and object control predicates does not distinguish them from the verbs *pomogat'* 'help' and *meshat'* 'hinder' from [Burukina 2021]. These were the cases that [Burukina 2021] uses to argue in favour of an additional ECM structure alongside the object-control one. We illustrate the compatibility of idiom chunks with the dative mandative verbs *meshat'* 'hinder' in (31) and *pomogat'* 'help' in (32).

- (31) *Nikakie utsheniya ne meshali slezam*
 no comforting not hinder tears.DAT

[PRO *lit'sya v tri ruch'ya*].
 pour in three streams

'No comforting could prevent (somebody) from crying...'

- (32) *'Izvineniya pomogli gnevu smenit'sya na milost'*.
 apologies helped anger change to mercy

'Apologies helped her stop being angry.' (lit.: 'helped anger be superseded by mercy')

There are, however, control verbs that do not preserve idiomatic readings, as can be seen in (33).

- (33) **Menedzher ubedil delo [PRO sdvinut'sya s mertvoi tochki]*.
 manager convinced business move from dead point

Int.: 'The manager convinced things to get moving.'

We conclude that the idiom test does not reliably identify the type of structure that a certain verb requires. We suggest that there is, however, another rule at play when determining whether the idiomatic reading is available.

4. Analysis: The constraint on idiom chunks

To capture the data above showing full compatibility of some control verbs with idiom chunks we adopt Bruening's [2015] Constraint on Idiom Chunks, according to which an idiom chunk appearing in position 1 and anaphorically related to position 2 must not receive an interpretation either in position 1 or position 2 that is inconsistent with its interpretation in the idiom:

[T]he only requirement on idioms is that a chunk of an idiom not receive an interpretation that is inconsistent with its idiomatic interpretation. Once this constraint is satisfied, idiom chunks can participate in pronominal anaphora and control in addition to movement [Bruening 2015: 2, ex. (5)].

The subjects of the idiomatic expressions in the examples above are all non-sentient NPs *delo* 'business', *atmosfera* 'atmosphere' and *slezy* 'tears'. They are all nonsentient both in position 1 in the matrix clause, because the control predicates *reshit* 'decide', *zastavit* 'force', *gotov* 'ready', and *khotet* 'want' (in a subset of contexts) do not impose a sentience requirement on their nominal argument, and in the corresponding idioms. Position 2 is occupied by PRO in

the infinitival clause corresponding to the rest of the idiom. The constraint on idiom chunks is not violated, and the idiomatic interpretations obtain. The same constraint rules out idiomatic interpretations with other control verbs such as *ubedit* ‘convince’ in (33), which do impose a particular interpretation on their nominal argument: *ubedit* ‘convince’ requires an NP (position 1) capable of being persuaded by arguments. Because that interpretation is inconsistent with the interpretation of the inanimate nonsentient *delo* ‘business’ in the idiom, the idiomatic reading is unavailable in (34), repeated from above.

- (34) **Menedzher ubedil delo* [PRO *sdvinut'sya s mertvoi tochki*].
 manager convinced business move from dead point
 Int.: ‘The manager convinced things to get moving.’

As regards the difference between *khotet* ‘want’, *zastavit* ‘force’, *reshit* ‘decide’ and *gotov* ‘ready’ on the one hand and *ubedit* ‘convince’ and its ilk on the other, we propose that, even though they are syntactically identical control predicates, the observed differences come from their lexical semantics/encyclopaedic knowledge. What sets control predicates apart from raising and ECM ones, then, is the requirement that they syntactically introduce a nominal argument in the sense of [Kratzer 1996] and [Pylkkänen 2008], while the particular and sometimes highly specific theta-roles are handled by the meaning component, *contra* [Collins 2021]. In syntactic terms, we implement this intuition by endowing the control predicates with a selectional feature, Sel:N, which must be satisfied by a nominal argument carrying a nominal categorial feature.¹ We locate this feature, as is standard, on the functional heads such as v/Voice responsible for introducing arguments. Raising verbs, on the other hand, do not have a v/Voice head endowed with such a feature.

The reasoning that leads [Burukina 2020] to postulating control/ECM ambiguity can thus be carried over to the absurd. Suppose the idiom test is compelling evidence for the matrix predicate’s argument residing in the embedded clause. As we have seen in previous sections, such an argument can be made for predicates with nominative and accusative arguments as well as dative. This would necessitate a structure that would exceptionally assign nominative or accusative case. Also, since the idiom test can potentially deem every control predicate to be ambiguous between control and ECM, there remains an open question of what this diagnostic actually shows.

---

¹ While we do not assume the DP-hypothesis, the observation in question readily lends itself to an implementation in terms of that approach.

We therefore reject the premise that the availability of idiomatic interpretations in control contexts necessitates the postulation of an additional structural source such as placing the controller NP in the embedded subject position. Control can handle the idiom facts and the animacy/sentience facts from [Burukina 2020] all by itself.

5. Conclusion

We have demonstrated that the idiom diagnostic is not reliable in identifying structural differences, because there are other factors at play, namely, the consistency of the combined interpretation of separated idiom chunks with the idiomatic interpretation. Control predicates differ as to how rigorously they restrict their arguments in terms of animacy, sentience, etc. Therefore, some of them are compatible with idioms and some are not, while their syntactic properties such as the mandatorily introduced argument are constant. We therefore doubt whether reanalysing of control structures based on the idiom diagnostic is reasonable.

Abbreviations

ACC — accusative; DAT — dative; INF — infinitive; NOM — nominative.

References

- Adger, Ramchand 2005 — Adger D., Ramchand G. Merge and move: Wh-dependencies revisited. *Linguistic Inquiry*. 2005. Vol. 36. No. 2. Pp. 161–193.
- Bhatt 2002 — Bhatt R. The raising analysis of relative clauses: Evidence from adjectival modification. *Natural Language Semantics*. 2002. Vol. 10. No. 1. Pp. 43–90.
- Bruening 2013 — Bruening B. By phrases in passives and nominals. *Syntax*. 2013. Vol. 16. No 1. Pp. 1–41.
- Bruening 2015 — Bruening B. *Idioms, anaphora, and movement diagnostics*, 2015. Ms. [URL](#) (accessed on 16.11.2022)
- Burukina 2020 — Burukina I. Mandative verbs and deontic modals in Russian: Between obligatory control and overt embedded subjects. *Glossa*. 2020. Vol. 5. No. 1.
- Burukina 2021 — Burukina I. *Russian verbs pomoč' 'help' and pomešat' 'prevent': Complex predicate formation vs. Embedding a proposition*, 2021. Ms. [URL](#) (accessed on 16.11.2022)
- Cable 2004 — Cable S. *Restructuring in English*, 2004. Ms. [URL](#) (accessed on 16.11.2022)
- Chomsky 1965 — Chomsky N. *Aspects of the theory of syntax*.: Cambridge, MA: MIT Press, 1965.
- Chomsky 1981 — Chomsky N. *Lectures on government and binding*. Dordrecht, The Netherlands: Foris Publications, 1981.
- Chomsky 1995 — Chomsky N. *The Minimalist Program*. Cambridge, MA: MIT Press, 1995.
- Collins 2021 — Collins C. *Principles of argument structure: A Merge-based approach*, 2021. Ms., v1 [December 2021]. [URL](#) (accessed on 16.11.2022)

- Kratzer 1996 — Kratzer A. Severing the external argument from its verb // *Phrase structure and the lexicon*. Rooryck J., Zaring L. (eds.). Springer, 1996. Pp. 109–137.
- Kratzer, Heim 1998 — Kratzer A., Heim I. *Semantics in generative grammar*. Oxford: Blackwell, 1998.
- Kwon et al. 2006 — Kwon N., Polinsky M., Kluender R. Subject preference in Korean // *Proceedings of the 25th West Coast Conference on Formal Linguistics (WCCFL 25)*. 2006. Pp. 1–14.
- Letuchiy, Viklova 2020 — Letuchiy A.B., Viklova A.V. Pod'em i smezhnye yavleniya v russkom yazyke (preimushchestvenno na materiale povedeniya mestoimenii) [Raising and similar phenomena in Russian (mainly based on the behaviour of pronouns) (In Rus.)]. *Voprosy Jazykoznanija*. 2020. Vol. 2. Pp. 31–60.
- Nunberg et al. 1994 — Nunberg G. et al. Idioms. *Language*. 1994. Vol. 70. No. 3. Pp. 491–538.
- Polinsky 2013 — Polinsky M. Raising and control. *The Cambridge Handbook of Generative Syntax*. den Dikken M. (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2013. Pp. 577–606.
- Postal 1976 — Postal P.M. On raising: One rule of English grammar and its theoretical implications. *Foundations of Language*. 1976. Vol. 14. No. 2.
- Pylkkänen 2008 — Pylkkänen L. *Introducing arguments*. Cambridge, MA: MIT press, 2008.
- Ruwet 1991 — Ruwet N. On the use and abuse of idioms in syntactic argumentation. *Syntax and human experience*. Ruwet N., Goldsmith J.A. (eds.). Chicago, IL: University of Chicago Press, 1991. Pp. 171–251.
- Salzmann 2006 — Salzmann M. *Resumptive prolepsis: A study in indirect A'-dependencies*. LOT Publications, 2006.
- Vergnaud 1974 — Vergnaud J.-R. *French relative clauses*. Ph.D. dis. Massachusetts Institute of Technology, 1974.
- Wurmbrand 1998 — Wurmbrand S. *Infinitives*. Ph.D. dis. Massachusetts Institute of Technology, 1998.

Статья поступила в редакцию 01.10.2022

The article was received on 01.10.2022

Павел Владимирович Руднев

Ph.D.; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Pavel Rudnev

Ph.D.; HSE University

pasha.rudnev@gmail.com

Александра Сергеевна Шикунова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Alexandra Shikunova

HSE University

notalexandrashikunova@gmail.com

СТРУКТУРА ИМЕННЫХ ГРУПП С СОЧИНЕННЫМИ МОДИФИКАТОРАМИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ*

К. А. Студеникина

МГУ имени М. В. Ломоносова

Аннотация: В данной работе мы рассмотрим структуру именных групп с сочиненными прилагательными единственного числа, которые имеют интерсективную интерпретацию. Для них наблюдается вариативность числа существительного: грамматично и единственное число (дистрибутивная или морфологическая стратегия), и множественное число (обобщенная или семантическая стратегия). Цель исследования состоит в том, чтобы определить параметры варьирования и построить синтаксическую модель, объясняющую вариативность. Первое экспериментальное исследование посвящено влиянию числовой морфологии существительного на выбор стратегии согласования. Второй эксперимент рассматривает атрибутивное согласование по числу при сочинении модификаторов в сравнении с предикативным. В соответствии с экспериментальными исследованиями, для русского языка постулируется наличие общей (разделяемой) структуры (*multidominant structure*) и эквиполентное устройство признака числа.

Ключевые слова: сочинение, синтаксис именных групп, вариативность, согласование, экспериментальный синтаксис, формальная русистика

Для цитирования: Студеникина К.А. Структура именных групп с сочиненными модификаторами в русском языке: экспериментальное исследование // Типология морфосинтаксических параметров. 2022. Том 5, вып. 1. С. 107–139.

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, [проект №22-18-00037](#), реализуемого в МГУ имени М.В. Ломоносова.

SYNTACTIC STRUCTURE OF NOUN PHRASES WITH COORDINATED MODIFIERS IN RUSSIAN: EXPERIMENTAL STUDY*

Kseniia Studenikina

Lomonosov Moscow State University

Abstract: The paper deals with the syntax of noun phrases with coordinated modifiers in Russian, which demonstrate agreement variation: both singular noun (distributive strategy) and plural noun (summative strategy) are grammatical. I aim to reveal the parameters of variation and to propose the formal syntactic analysis. The first experimental study considers the influence of the noun number morphology on the agreement strategy. The second experiment examines the attributive number agreement of the coordinated modifiers in comparison with the predicative one. According to experimental studies, the derivation of Russian coordinated modifiers includes the multidominant structure and the number feature is equipotent.

Keywords: coordination, syntax of noun phrases, variation, agreement, experimental syntax, formal Russian linguistics

For citation: Studenikina K. Syntactic structure of noun phrases with coordinated modifiers in Russian: Experimental study. *Typology of Morpho-syntactic Parameters*. 2022. Vol. 5, iss. 1. Pp. 107–139. (In Rus.)

---

* This research is supported by Russian Science Foundation, RSF [project #22-18-00037](#) realized at Lomonosov Moscow State University.

1. Введение

Сочиненные именные группы в зависимости от лексического наполнения могут иметь две различные интерпретации [Heusock, Zamparelli 2005]. Первая из них называется интерсективной (*intersective*) или совмещенной (*joint*). Она предполагает, что именная группа целиком обозначает один референт. Другой тип интерпретации получил название расщепленной (*split*) или собирательной (*collective*). В соответствии с ней, сочиненная именная группа отсылает к двум разным референтам. Пример (1) из русского языка содержит именную группу с существительным во множественном числе и сочинением прилагательных, которые могут иметь как интерсективную, так и расщепленную интерпретацию. В первом случае все организации, принявшие участие в конференции, являются одновременно правозащитными и общественными; во втором случае одна часть организаций являются правозащитными, другая часть — общественными.

- (1) *В конференции приняли участие **правозащитные и общественные организации**.*¹

При расщепленной интерпретации каждое из сочиненных прилагательных относится к отдельной дескрипции, согласуется с существительным и получает признак множественного числа. Логично предположить, что если при расщепленной интерпретации каждый модификатор создает единичную дескрипцию, то прилагательные будут стоять в единственном числе — и это действительно так, ср. примеры (2)–(3). Однако для существительного в этом случае наблюдается вариативность: грамматично и единственное (2), и множественное число (3). Стратегию согласования, при которой существительное стоит в единственном числе, будем называть дистрибутивной или морфологической, с существительным во множественном числе — обобщенной или семантической.

- (2) *В рамках фестиваля Российская государственная библиотека будет собирать книги для библиотек в **Тамбовской и Калужской области**.*
- (3) *На форум прибыли руководители комитетов по информатизации из **Свердловской и Курганской областей**.*

---

¹ Здесь и далее примеры на русском языке взяты из [Национального корпуса русского языка](#).

Данная вариативность представляет проблему для синтаксического анализа. Если существительное стоит в единственном числе, необходимо понять, почему оно обозначает больше одной сущности, а именно, какие синтаксические операции к этому привели. При наличии существительного во множественном числе требуется объяснить механизм согласования в данной конструкции: каким образом прилагательные, которые должны согласовываться с вершиной именной группы и копировать её признаки множественного числа, получают показатели единственного числа.

В генеративной грамматике существует три основных подхода к анализу именных групп с сочиненными модификаторами. Первый из них — сочинительное сокращение или эллипсис. Второй анализ содержит АТВ-передвижение (*across-the-board*) и предполагает привативное устройство признака числа. Третий подход постулирует общую (разделяемую) структуру (*multidominant structure*) и эквиполентное устройство признака числа. Анализ данной конструкции также был предложен в рамках лексико-функциональной грамматики. Авторы утверждают, что вариативность связана с дистрибутивностью признака CONCORD.

Помимо синтаксической структуры, важный вопрос при описании данной конструкции касается параметризации числового варьирования. Работы С.В. Кодзасова [1987] и О.Е. Пекелис [2013] на материале русского языка указывают некоторые параметры вариативности, однако ряд важных факторов остаются не затронутыми. В данной работе в рамках экспериментальных исследований мы выявили морфологические и синтаксические факторы, не описанные ранее для русского языка. Мы также представим синтаксический анализ, объясняющий вариативность согласования.

Статья имеет следующую структуру. В разделе 2 мы подробнее остановимся на предшествующих подходах к анализу именных групп с сочинением модификаторов. Раздел 3 посвящен экспериментальным исследованиям морфологических и синтаксических параметров вариативности. Раздел 4 подводит итоги.

2. Предшествующие исследования именных групп с сочиненными модификаторами

В данном разделе мы рассмотрим предшествующие исследования именных групп с сочинением модификаторов: как работы из области генеративного синтаксиса (2.1), так и анализ в рамках лексико-функциональной грамматики (2.2). Кроме того, мы проанализируем предшествующие исследования на материале русского языка (2.3).

2.1. Подходы в рамках генеративной грамматики

В формальном синтаксисе конструкции с сочинением модификаторов являются подтипом более общего класса, а именно конструкций с подъемом правого узла. Под этим термином объединяются сочиненные конструкции, в которых элемент на правой периферии ведет себя так, как если бы он был частью обоих конъюнктов. В генеративной грамматике существует три основных подхода к анализу подъема правого узла [Grosz 2015].

Первый из них предполагает наличие сочинительного сокращения или эллипсиса [Wilder 1997; Hartmann 2000]. Исходно в синтаксической структуре происходит сочинение двух более крупных конъюнктов, содержащих частично совпадающий материал, однако в фонологическом компоненте из двух совпадающих единиц озвучивается только вторая. Анализ с эллипсисом критикуется для тех языков, в которых невозможно сочинение различных по числу конъюнктов и согласование с ближайшим конъюнктом (*closest conjunct agreement*).

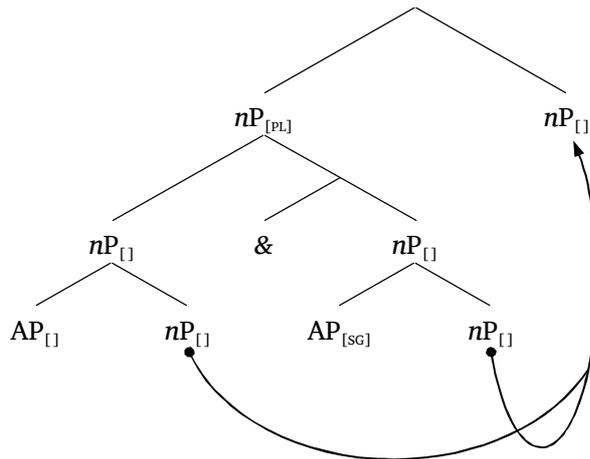
В соответствии со вторым теоретическим подходом, в конструкциях с подъемом правого узла происходит АТВ-передвижение (*across-the-board*, [Ross 1967; Sabbagh 2007]). При данном типе передвижения составляющая выдвигается из двух конъюнктов одновременно. АТВ-передвижение из обоих конъюнктов постулируется для конструкций с подъемом правого узла в именной области для болгарского языка в исследовании Б. Харизанова и В. Грибановой [2015]. В отличие от русского языка, в болгарском при сочинении модификаторов возможно только множественное число прилагательного, то есть обобщенная стратегия согласования.

Подход Харизанова и Грибановой предполагает сочинение двух именных групп, каждая из которых содержит существительное. В данном анализе используется следующее представление о структуре именной группы. Существительное N согласуется с функциональной вершиной *n*, которая содержит привативный признак числа: значение множественного числа [PL] имеет соответствующее морфологическое выражение, в то время как отсутствие признака числа морфологически нулевое. Группа прилагательного AP адьюнгируется к группе числа *nP* и получает значение числа путем согласования. В случае обсуждаемой конструкции сочиняются именные группы единственного числа, следовательно, они не имеют числового признака, в то время как сочиненная группа целиком имеет признак множественного числа.

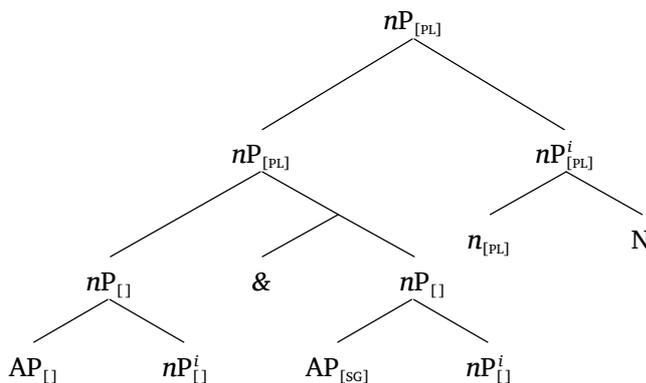
Поскольку в каждом конъюнкте группа функциональной вершины *nP* совпадет, она может быть материалом для АТВ-выдвижения из двух конъюнктов (4а). Далее признак множественного числа распространяется от

сочиненной группы nP на всю группу nP , которая содержит и исходную сочиненную группу, и выдвинувшуюся группу. Признак множественного числа распространяется на остальные элементы, а именно выдвинувшуюся группу nP^i и собственно вершину n . При этом сами конъюнкты являются непрозрачными для данного признака (4b).

(4) а.

б.

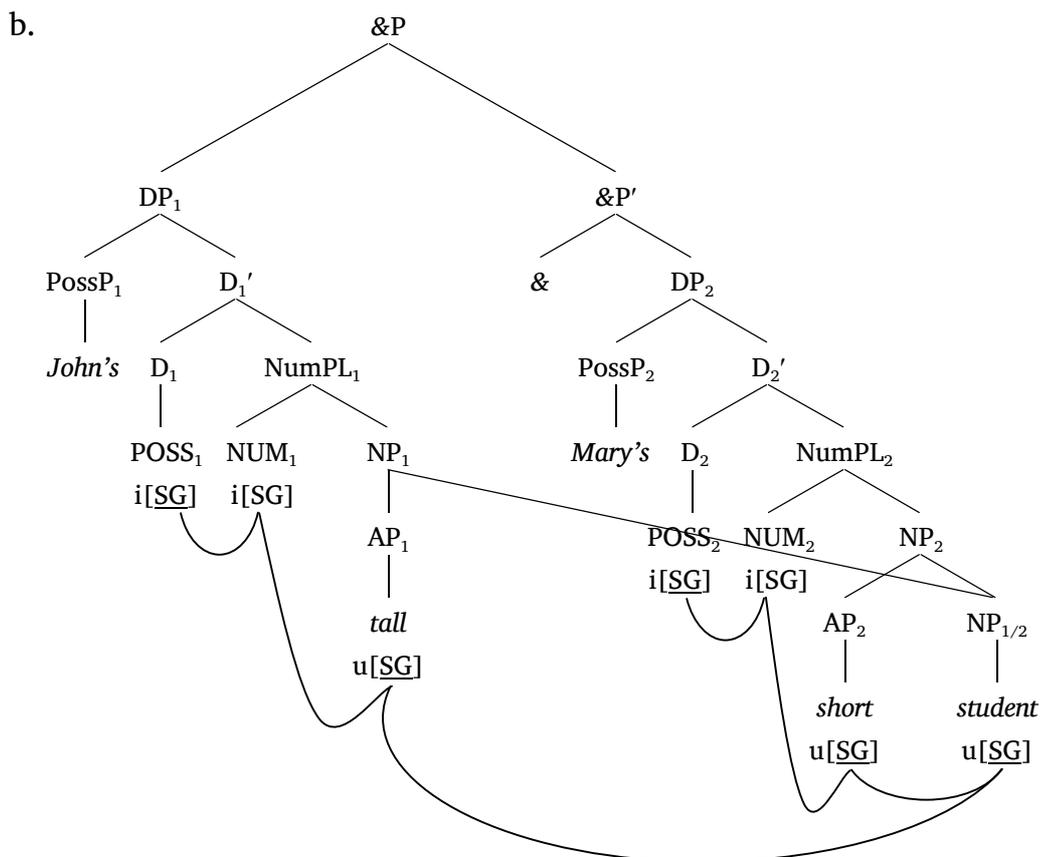
Хотя подход с АТВ-передвижением получил широкое распространение, он имеет и некоторые недостатки. В основном критика подхода связана с тем, что конструкции с подъемом правого узла не демонстрируют тех же свойств, которые характерны для конструкций с передвижением.

Последний вариант анализа конструкций с подъемом правого узла состоит в наличии в синтаксической структуре составляющих, общих для двух конъюнктов и в некотором смысле разделяемых ими (*multidominant structure*, [Abels 2004; Citko 2005]). Данная конфигурация совмещает свойства внешнего соединения (*external merge*), так как в операции участвуют две отдельные единицы, и внутреннего соединения (*internal merge*), поскольку при соединении двух объектов используется часть одного из них. Соответствующая операция получила название параллельного соединения (*parallel*

merge). Анализ с общей структурой постулируется в конструкциях с подъемом правого узла в именной области в диссертации Чж. Шэня [2018].

Рассмотрим деривацию структуры с дистрибутивным согласованием (5а). Как представлено в примере (5b), NP *student* ‘студент’ является общей для двух конъюнктов. Оба прилагательных согласуются с существительным одновременно. Значения признаков вершин NUM, которые присутствуют в структуре в обеих DP, копируются на детерминанты (POSS), прилагательные и существительное. Существительное будет иметь два значения признака единственного числа [SG], которые озвучиваются как единственное число. Утверждается, что конструкция с подъемом правого узла является примером множественного означивания признака (*multi-valuation*), когда одна цель согласуется с несколькими зондами и получает несколько значений.

- (5) a. *John’s tall and Mary’s short student are a couple.* [Shen 2018: 31]
 ‘Высокий студент Джона и низкий студент Мэри — пара.’

Источником варьирования выступает параметр вычисления признаков (*feature arithmetic*). Дистрибутивное согласование возникает в том случае, если зонд согласуется с несколькими целями и получает несколько значе-

ний признака единственного числа, и в результате остается один признак единственного числа. Два морфологических признака с одинаковым значением [x] копируются на один зонд, и зонд получает такое же значение признака [x]. Обобщенное согласование возможно тогда, когда зонд согласуется с несколькими целями и получает несколько значений признака единственного числа. Признаки «складываются», и в результате появляется признак множественного числа. Аналогично, два морфологических признака с одинаковым значением [x] копируются на один зонд, только теперь зонд получает значение признака, которое некоторым образом вычисляется [x + x].

Основным недостатком данного подхода является тот факт, что он никак не ограничивает возможность вычисления признаков и из-за этого легко распространяется на другие языки. В то же время этот подход не учитывает, что обычно стратегии согласования не являются полностью взаимозаменяемыми, а, напротив, существуют параметры, которые определяют выбор стратегии. Соответствующие параметры, определяющие стратегию согласования в именных группах с сочинением прилагательных в русском языке, будут рассмотрены в разделе 2.3. Следующий же раздел посвящен анализу именных групп с сочиненными прилагательными в рамках альтернативной формальной теории — лексико-функциональной грамматики.

2.2. Анализ в рамках лексико-функциональной грамматики

В лексико-функциональной грамматике (ЛФГ) синтаксический уровень разделяется на две параллельные структуры — это с-структура, или структура составляющих, и f-структура, или функциональная структура. С-структура описывает только линейно-иерархические отношения между словами и предложениями, а основным синтаксическим уровнем является f-структура, в ней задаются основные синтаксические отношения.

Мы рассмотрим анализ именных групп с сочиненными модификаторами, предложенный О.И. Беляевым, М. Далримпл и Дж.Дж. Лоу [2015] в рамках ЛФГ. Анализ опирается на наличие двух типов признаков: признаков CONCORD, которые регулируют атрибутивное согласование, и признаков INDEX, которые отвечают за предикативное согласование. Исследователи предлагают альтернативный подход к трактовке дистрибутивности признаков. Если признаки INDEX всегда являются недистрибутивными, то дистрибутивность признаков CONCORD может быть параметром внутри- и межъязыкового варьирования.

Обобщенная фразовая структура для сочиненных прилагательных, постулируемая авторами исследования, представлена в правиле (6). Здесь и далее обозначение *CNUM* расширяется как *CONCORD NUM*, *INUM* — как *INDEX NUM*. Данное правило создает «неполную» NP (без признака *PRED*) с прилагательным, занимающим позицию адьюнкта *ADJUNCT*. Предполагается, что сочиняются не прилагательные, а *f*-структуры без признака *PRED*, присоединяющие прилагательные как адьюнкты. Это достигается за счет использования локального имени %C, которое появляется в каждой дочерней категории правила. Сфера действия локального имени ограничена аннотациями к дочерней категории, в которой оно появляется, поэтому %C в каждой дочерней категории ссылается на отдельную *f*-структуру. Требуется, чтобы каждая дочерняя группа *AdjP* вводила элемент %C как множество, представляющее сочиненную структуру того типа, который ожидается для сочиненных существительных, где каждое множество адьюнктов (*ADJ*) содержит модификатор. Признак *PRED* является дистрибутивным, и поэтому значение существительного *PRED* распределяется внутри этого множества. Это дает *f*-структуру, представленную в примере (7). Таким образом, *f*-структура для именной группы *красный и белый флаг* будет примерно эквивалентна *f*-структуре для группы *красный флаг и белый флаг*. Распределение значения признака *PRED* не может быть достигнуто с использованием стандартного правила адьюнкции, поскольку именная группа с сочинением модификаторов вводит *f*-структуру, напоминающую структуру для сочинения существительных. Следовательно, правило адьюнкции *AdjP* должно включать опцию, при которой *AdjP* является вершиной (*co-head*, 8).

$$(6) \quad \text{AdjP} \rightarrow \text{AdjP} + \text{Cnj} \quad \text{AdjP}$$

$$\downarrow \in (\%C \text{ ADJ}) \quad \uparrow = \downarrow \quad \in (\%C \text{ ADJ})$$

$$\%C \in \uparrow \quad (\uparrow \text{ INUM}) = \text{PL} \quad \%C \in \uparrow$$

$$(7) \quad \text{CONJ} \quad \text{AND}$$

$$\left\{ \begin{array}{l} \left[\begin{array}{l} \textit{noun} \\ \text{ADJ} \end{array} \right] \{[adj1]\} \\ \left[\begin{array}{l} \textit{noun} \\ \text{ADJ} \end{array} \right] \{[adj2]\} \end{array} \right\}$$

$$(8) \quad \text{N}' \rightarrow \text{AdjP} \quad \text{N}'$$

$$\{\downarrow \in (\uparrow \text{ ADJ}) \mid \uparrow = \downarrow\} \quad \uparrow = \downarrow$$

В данном подходе остаются нерешенными некоторые вопросы, дистрибутивность признаков CONCORD требует дальнейшего изучения. Для русского языка предполагается свободная вариативность, что, однако, не совсем верно. В следующем разделе мы рассмотрим работы, где исследователи сосредоточились на анализе русских данных и выявили определённые параметры вариативности стратегии согласования.

2.3. Исследования на материале русского языка

Анализ именных групп с сочинением прилагательных в русском языке был представлен в работе С.В. Кодзасова [1987] и О.Е. Пекелис [2013]. Как было отмечено ранее, в русском языке при сочинении прилагательных единственного числа возможно как единственное, так и множественное число существительного.

Исследователи демонстрируют, что семантическая специфика формы множественного числа существительного оказывает влияние на выбор стратегии согласования. Сюда относятся существительные с собирательным множественным числом, характеризующие совокупность людей как единое множество (*люди, крестьяне*), а также существительные с взаимным множественным числом, где объекты описываются как элементы внутренней связанной совокупности (*братья, друзья*). Для данных классов существительных форма множественного числа употребляется для обозначения как маркированного, так и нейтрального множественного числа. В то же время, конструкции с сочиненными модификаторами в единственном числе предполагают разделительное понимание объектов, так как каждый объект имеет свою собственную характеристику. Следовательно, форма множественного числа избегается.

- (9) *Его старый и новый друг <?друзья> постоянно враждовали.*
[Кодзасов 1987: 207–208], [Пекелис 2013]

Отметим, что многие из перечисленных существительных имеют не только коллективную интерпретацию, но и морфологические особенности образования множественного числа: супплетивные формы *человек ~ люди*, чередование согласных в корне в формах *друг ~ друзья*, суффикс единственного числа и отсутствие суффикса во множественном числе в формах *крестьянин ~ крестьяне*. В нашей работе связь числовой морфологии и стратегии согласования будет исследована экспериментально в разделе 3.2.

Другим важным фактором является предикативное согласование. Если именная группа занимает позицию субъекта и глагол согласуется с именной группой по множественному числу, то и для существительного будет использоваться форма множественного числа (10). Для аналогичных именных групп в другой синтаксической позиции и при отсутствии предикативного согласования будет одинаково допустимо и дистрибутивное, и обобщенное согласование (11).

(10) *16-й и 17-й века были периодом наивысшего расцвета голландской живописи.*

(11) *Особого расцвета голландская живопись достигла в 16-м и 17-м веках/веке.*

Помимо глаголов, именные группы с сочинением прилагательных могут присоединять премодификаторы, которые характеризуют всю группу целиком. В нашей работе мы проанализируем, какие стратегии атрибутивного согласования премодификаторов возможны для русских именных групп с сочинением прилагательных. Экспериментальное исследование этой проблематики представлено в разделе 3.3.

Рассмотренные нами исследования С.В. Кодзасова и О.Е. Пекелис содержат ряд важных эмпирических наблюдений и указывают набор параметров, которые определяют выбор единственного и множественного числа существительного в именных группах с сочинением прилагательных. Попытка параметризации вариативности выделяет данные работы на фоне типологических исследований, где русский язык рассматривался в числе других языков и для него постулировалось свободное варьирование. В следующем разделе в рамках экспериментальных исследований мы выявим морфологические и синтаксические факторы, которые ранее не описывались для русского языка. Кроме того, будет предложен формально-синтаксический анализ, объясняющий вариативность согласования с учетом описанных факторов.

3. Экспериментальные исследования

3.1. Методика проведения экспериментов

В качестве методики для экспериментов были выбраны оценка приемлемости по шкале Ликерта от 1 до 7 и чтение с саморегуляцией скорости.

Использование этих двух методик позволяет получить не только данные о приемлемости той или иной структуры, но и предоставляет непосредственные данные о возможных задержках и сложностях при восприятии предложения. Для оценки приемлемости была выбрана именно шкала Ликерта, поскольку данная методика обладает наибольшей статистической мощностью по сравнению с оценкой величины стимула и выбором между альтернативами, как было показано в исследовании [Sprouse et al. 2013] с помощью симуляции выборов.

Кратко остановимся на подборе лексического материала для экспериментальных исследований. В работах С.В. Кодзасова [1987] и О.Е. Пекелис [2013] на материале русского языка были выявлены факторы, ограничивающие вариативность согласования: неисчисляемость, абстрактное значение, нестандартная семантика множественного числа, интенциональная интерпретация. При отсутствии этих факторов дистрибутивное и обобщенное согласование выступают как равновозможные варианты.

В наших экспериментальных исследованиях были составлены предложения, которые не содержали описанных факторов. Были использованы исчисляемые существительные с экстенциональной интерпретацией, обозначающие конкретные объекты. В качестве модификаторов выступали антонимичные качественные прилагательные или относительные прилагательные, которые позволяли однозначно понять, что речь идет о двух разных объектах. Следовательно, можно говорить именно о влиянии варьируемых в эксперименте факторов и отсутствии влияния прочих.

В качестве основного статистического метода для выявления значимости факторов использовался регрессионный анализ с помощью линейных смешанных моделей.

3.2. Влияние числовой морфологии существительного на выбор стратегии согласования

Данное экспериментальное исследование нацелено на то, чтобы установить, существует ли зависимость между регулярностью морфологии числа существительного и выбором стратегии согласования. Такая зависимость была описана в работе Б. Харизанова и В. Грибановой [2015] для болгарского языка. При регулярном образовании форм множественного числа в болгарских именных группах с сочинением модификаторов возможно только множественное число существительного (12). Однако при супpletивном/нерегулярном множественном числе становится возможным употребление только существительного в единственном числе (13).

(12) *българск-и-я* и *руск-и* *народ-и* / *народ
 болгарский-SG.M-DEF и русский-SG.M народ-PL народ
 ‘болгарский и русский народы’

(13) *най-ниск-о-то* и *най-високото* *дете* / *деце
 SUP-НИЗКИЙ-SG.N-DEF и SUP-ВЫСОКИЙ-SG.N-DEF ребенок дети
 ‘самый низкий и самый высокий ребенок’

Ожидается, что в русских именных группах с сочинением прилагательных также менее приемлемы или даже неграмматичны формы множественного числа существительных, образованные супплетивно (14), или такие формы множественного числа, при образовании которых происходят изменения в корне (15).

(14) *высокий и низкий ребенок*/*дети

(15) *школьный и университетский друг*/*друзья

Для того чтобы объяснить взаимосвязь между регулярностью морфологии и синтаксическим согласованием, рассмотрим, как анализируется деривация супплетивных форм в генеративной теории, а именно в дистрибутивной морфологии. Согласно классическому анализу, для всех морфологических единиц — и лексических (корней), и функциональных (морфем) — постулируется поздняя вставка в структуру предложения в фонологическом компоненте (*late insertion*, [Marantz 1994]). Предполагается, что вставка единиц происходит после всех синтаксических операций, поскольку конкретные корни и функциональные единицы словаря не оказывают влияния на синтаксический компонент. Однако в более поздних работах дистрибутивной морфологии на материале супплетивных глагольных форм латинского языка делается наблюдение, что выбор морфологических форм оказывается значимым для синтаксических операций [Embick 2000]. Исследователи утверждают, что корни, в отличие от морфем, вставляются на ранних этапах синтаксической деривации.

Подход Харизанова и Грибановой опирается на анализ с ранней вставкой корней и поздней вставкой морфем при объяснении, почему при супплетивных и нерегулярных формах в конструкции с подъемом правого узла невозможно множественное число существительного. Так, лексические корни слов вставляются в предложение на ранних этапах деривации и только единожды. Следовательно, супплетивная форма будет вставлена в структуру до синтаксического АТВ-передвижения и любых пост-синтак-

сических процессов. Считается, что супплетивизм является контекстной алломорфией (которая также происходит на ранней стадии деривации): супплетивный вариант будет вставлен при наличии признака множественного числа у функциональной вершины *n*. Предположим, что сначала был вставлен лексический корень, затем произошло АТВ-выдвижение, и, наконец, с помощью механизма согласования функциональная группа получила признак множественного числа. Однако лексический корень существительного уже был вставлен в структуру, которая подверглась АТВ-выдвижению. Подходящие условия для осуществления контекстной алломорфии образовались позже, после осуществления синтаксических операций, и на данном этапе она невозможна. Из-за этого супплетивные формы множественного числа неграмматичны в данной конструкции.

Важно определить, какие именно морфологические изменения при образовании множественного числа могут повлиять на выбор стратегии согласования: изменения, затрагивающие только корень слова, или также и суффиксы. В частности, в русском языке некоторые существительные в единственном и во множественном числе присоединяют различные суффиксы (16). У другой части лексем суффикс присоединяется в единственном числе, но отсутствует во множественном (17).

(16) *дворовый и породистый котенок/котята*

(17) *фракийский и македонский болгарин/болгары*

Сведения о приемлемости дистрибутивного и обобщенного согласования для существительных с чередованием суффиксов позволят сделать некоторые выводы об устройстве признака числа. Из рассмотренных в разделе 2 подходов анализ с АТВ-передвижением предполагает привативное устройство признаков, а анализ с общей структурой постулирует, что признаки устроены как «атрибут: значение». Если признак числа устроен привативно, он получает значение при множественном числе. Тогда после вставки существительного единственного числа невозможна замена на множественное (**котенюжята*, **болгарыны*) и приемлемо будет только единственное число. Если признак числа устроен как «атрибут: значение», то признаки имеются при любом значении числа. Тогда изначально происходит вставка корня (*кот-*, *болгар-*), а затем выбирается суффикс и/или окончание: для единственного числа (*кот + енок*, *болгар + ин*) и для множественного (*кот + ята*, *болгар + ы*). В этом случае не должно быть разницы в приемлемости единственного и множественного числа.

К существительным, для которых наблюдается нерегулярность в образовании числовых форм, можно также отнести лексемы *singularia tantum* (18) и *pluralia tantum* (19) с дефектной парадигмой. Для таких существительных наблюдается так называемый эффект синкретизма: поскольку они имеют морфологическую форму только одного числа (единственного или множественного), данная форма используется для обозначения и одного предмета, и нескольких.

(18) *латинское и древнегреческое наследие*

(19) *острые и тупые ножницы*

Мы предполагаем, что синкретизм форм будет оказывать значимое влияние на восприятие именных групп с сочинением прилагательных. Поскольку при употреблении подобных существительных не возникает вариативность числа, ожидается, что обработка таких форм будет легче для испытуемых, это повлечет уменьшение времени реакции и более высокие оценки приемлемости.

Помимо форм с нерегулярной морфологией, в экспериментальном исследовании также важно изучить приемлемость единственного и множественного числа для регулярных числовых форм. Это позволит сравнить оценки и время реакции, полученные для форм с особенностями числовой морфологии, с ожидаемой «нормой», а также сопоставить два разных варианта конструкции (существительное в единственном или множественном числе) друг с другом.

В эксперименте принял участие 71 человек. Из полученного массива ответов были исключены ответы трех респондентов. Один респондент использовал только две оценки: 1 и 7. Поскольку такие ответы не могут в достаточной степени отражать возможные контрасты в приемлемости, эти данные были удалены. Кроме того, для поиска участников с отклоняющимися значениями применялся метод винсоризации по сумме квадратов отклонений, описанный Дж. Спраузом². Если оценки для филлеров отличались от предполагаемых (2 для неграмматичных и 6 для грамматичных) больше, чем на два стандартных отклонения, то данные таких респондентов удалялись. После применения этой процедуры были удалены данные еще двух участников.

---

² <https://www.jonsprouse.com/courses/experimental-syntax/scripts/7.4.identify.and.remove.outliers.R>

Таким образом, при статистическом анализе использовались результаты 68 участников. Средний возраст испытуемых составил 37 лет ($sd = 10$). Среди респондентов было 32 женщины и 36 мужчин; 5 человек, чей род деятельности связан с языком (лингвист, филолог), и 63 человека, по профессии не связанных с языком.

Экспериментальное исследование включало две независимых переменных: морфологический тип (супплетивизм и чередование в корне / чередование суффиксов / дефектная форма / регулярная морфология) и число существительного (единственное/множественное). Примеры экспериментальных блоков для каждого типа существительных представлены ниже: для формы с супплетивизмом и чередованием в корне (20), для существительных с чередованием суффиксов (21), для форм с дефектной парадигмой (22) и для существительных с регулярной морфологией (23).

- (20) а. *Высокий и низкий человек перебежали через дорогу.*
б. *Высокий и низкий люди перебежали через дорогу.*
- (21) а. *Полосатый и пятнистый котенок замякали в корзинке.*
б. *Полосатый и пятнистый котята замякали в корзинке.*
- (22) а. *Морская и сухопутная пехота перешли в наступление.*
б. *Напольные и настольные весы вышли из строя.*
- (23) а. *Пожилый и молодой преподаватель вошли в аудиторию.*
б. *Пожилый и молодой преподаватели вошли в аудиторию.*

Перейдем к анализу оценок приемлемости для стимульных предложений. Результаты попарного сравнения условий на основе линейных смешанных моделей показывают, что значимым оказывается различие в приемлемости единственного и множественного числа для форм с супплетивизмом и чередованием в корне ($p < .0001$), а также для существительных с регулярной морфологией ($p = 0.009$). Оценки для синкретичных форм с дефектной парадигмой в единственном числе статистически значимо отличаются от остальных типов существительных единственного числа: супплетивных ($p < .0001$), существительных с чередованием суффиксов ($p < .0001$), форм с регулярной морфологией ($p < .0001$). Разница в приемлемости форм множественного числа оказывается статистически значимой между супплетивными и регулярными формами ($p < .001$), между супплетивными и дефектными существительными ($p < .001$), а также между формами с че-

редованием суффиксов и дефектной парадигмой ($p < .05$). На рисунке 1 представлены средние оценки для филлеров и стимульных предложений.

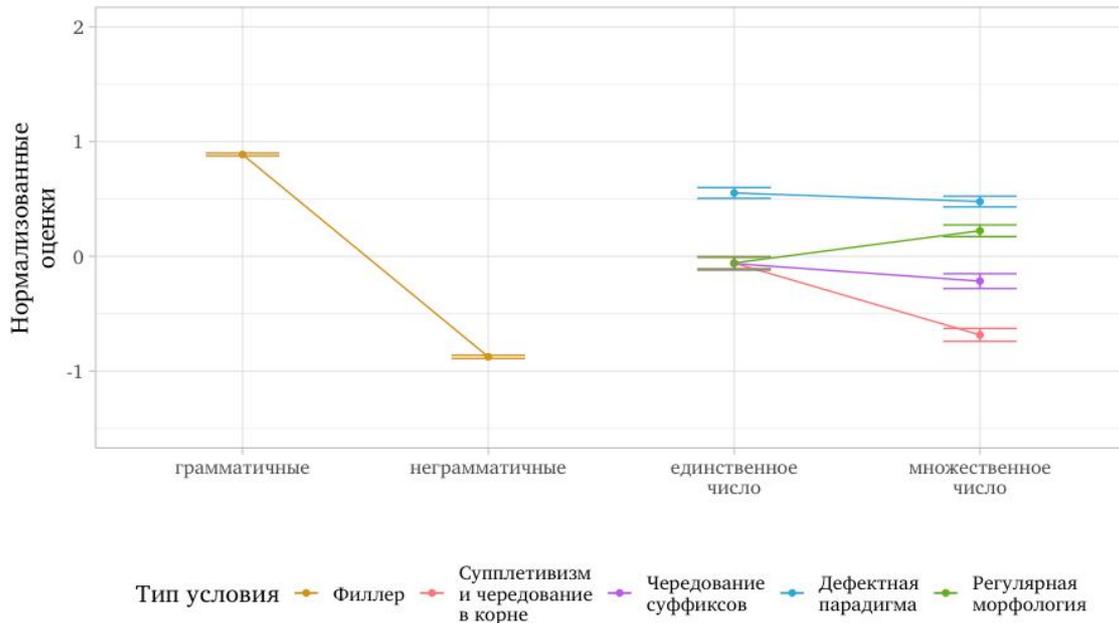

Рисунок 1. График взаимодействия для средних оценок филлеров и стимульных предложений

Перейдем к анализу результатов, полученных при чтении с саморегулирующей скоростью. В таблице 1 представлен пример деления предложения по словам для всех типов существительного.

Таблица 1. Деление по словам при чтении с саморегулирующей скоростью

	Супплетивизм и чередование в корне	Чередование суффиксов	Дефектная парадигма		Регулярная морфология
A1	<i>Высокий</i>	<i>Полосатый</i>	<i>Морская</i>	<i>Напольные</i>	<i>Пожилый</i>
& A2	<i>и низкий</i>	<i>и пятнистый</i>	<i>и сухопутная</i>	<i>и настольные</i>	<i>и молодой</i>
N	<i>человек/люди</i>	<i>котенок/котята</i>	<i>пехота</i>	<i>весы</i>	<i>преподаватель/преподаватели</i>
V	<i>перебежали</i>	<i>замякали</i>	<i>перешли</i>	<i>вышли</i>	<i>вошли</i>
PP	<i>через дорогу.</i>	<i>в корзинке.</i>	<i>в наступление.</i>	<i>в наступление.</i>	<i>в аудиторию.</i>

Попарные сравнения условий по типу существительного демонстрируют следующие различия. В единственном числе время чтения существительного для форм с чередованием суффиксов статистически значимо отличается от супплетивных форм ($p < .05$) и дефектных форм ($p < .05$). Разница во времени чтения существительных множественного числа оказывается статистически значимой только между супплетивными и дефектными

формами ($p < .05$). При попарном сравнении условий для существительных значимой оказывается разница во времени чтения существительных единственного и множественного числа для форм с супплетивизмом и чередованием в корне ($p < .01$). На рисунке 2 представлена диаграмма средних значений для времени чтения существительного. Различия при чтении внутри каждого условия наглядно демонстрирует график взаимодействия для супплетивных форм на рисунке 3.

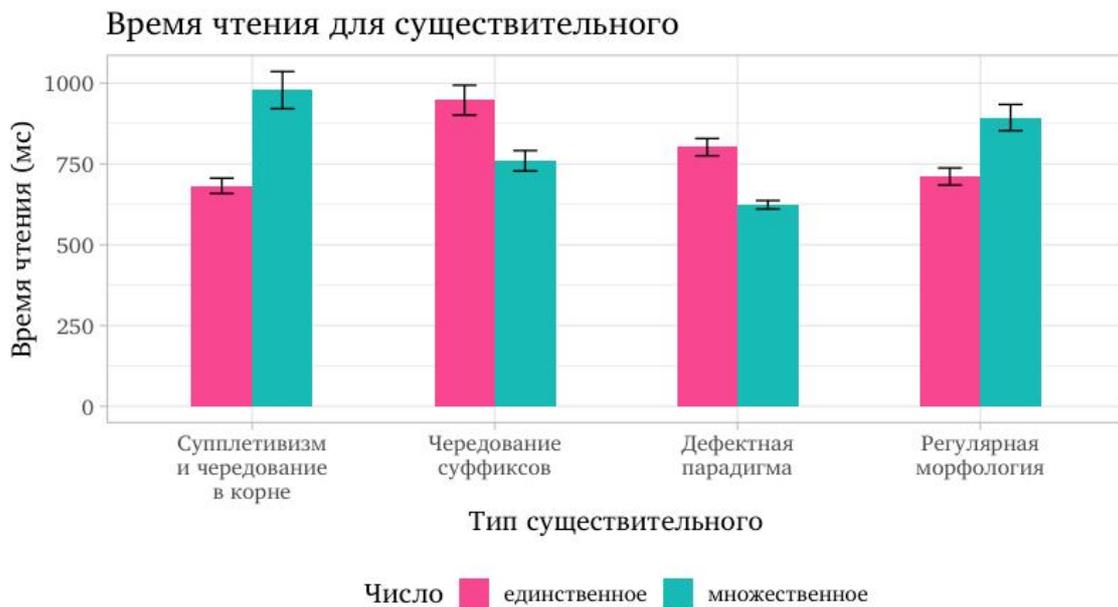

Рисунок 2. Диаграмма средних значений для времени чтения существительного

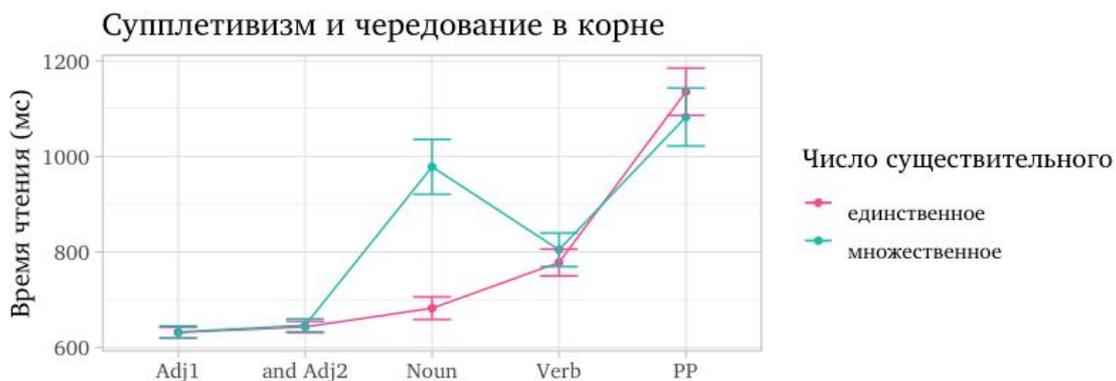

Рисунок 3. График средних значений времени чтения для супплетивных существительных и форм с чередованием в корне

Результаты эксперимента подтвердили ряд гипотез. Для существительных, которые образуют множественное число с морфологическими изменениями в корне, наблюдается значимая разница в приемлемости единственного и

множественного числа: в конструкции с сочинением модификаторов допустимыми оказываются только формы единственного числа. Это подтверждается как разницей в оценках приемлемости, так и наличием задержек при чтении для менее приемлемых структур. Недопустимость супплетивных форм множественного числа существительного в конструкции с сочинением модификаторов объясняет подход с АТВ-передвижением: лексема вставляется в структуру до её извлечения из обоих конъюнктов, а признак множественного числа появляется уже в процессе деривации. Следовательно, контекстная замена супплетивной формы невозможна после передвижения.

Для существительных с чередованием в корне предполагалось, что приемлемость и время чтения коррелируют с устройством признака числа. Если признак числа устроен привативно, приемлемо будет только единственное число (аналогично супплетивным формам). Если признак числа устроен эквиполентно — как «атрибут: значение», — то не должно быть разницы в приемлемости единственного и множественного числа. Результаты эксперимента показывают, что формы единственного и множественного числа оказываются одинаково приемлемыми, значимых отличий не наблюдается. Анализ с АТВ-передвижением, наоборот, предполагает привативное устройство признаков, тогда как признак типа «атрибут: значение» предполагается в анализе с общей структурой.

Для существительных с дефектной парадигмой (*singularia tantum* и *pluralia tantum*) удалось обнаружить ожидаемый эффект синкретизма: поскольку одна и та же форма употребляется для обозначения и одного, и нескольких предметов, не возникает выбора между единственным и множественным числом. Следовательно, обработка форм с дефектной парадигмой облегчается, что выражается в самых высоких среди всех условий оценках приемлемости и отсутствии задержек при чтении. Исследователи, постулирующие АТВ-передвижение, утверждают, что у существительных с дефектной парадигмой признак числа не появляется в процессе деривации, а является лексически заданным. Это влечет упрощение деривации, которое и демонстрируют результаты эксперимента.

Для существительных с регулярной морфологией числа считается, что формы единственного и множественного числа одинаково приемлемы. Однако оценки респондентов показали, что множественное число является более приемлемым, чем единственное. Важно отметить, что, хотя разница в приемлемости является статистически значимой, нельзя говорить о неграмматичности единственного числа. Причина бóльшей приемлемости

множественного числа может быть в том, что в стимульных предложениях именная группа, содержащая сочиненные модификаторы, занимала позицию субъекта, и за ней следовал глагол во множественном числе. Предикативное согласование по множественному числу делает более приемлемым множественное число существительного.

Таким образом, хотя анализ с АТВ-передвижением объясняет невозможность супплетивных форм множественного числа, он не может быть применен напрямую, так как предполагает привативное устройство признаков, что невозможно при сопоставимой приемлемости единственного и множественного числа для существительных с чередованием суффиксов.

Кажется возможным применить для анализа русских данных подход с общей или разделяемой структурой. При деривации разделяемой структуры происходит операция параллельного соединения, которая объединяет внутреннее соединение и внешнее соединение, иначе говоря, синтаксическое передвижение. Можно предположить, что параллельное соединение происходит уже после вставки лексических единиц. Вставка супплетивной формы множественного числа, как и другая контекстная алломорфия, возможна, наоборот, до всех передвижений. Поскольку признак множественного числа при общей структуре появляется в процессе деривации, мы можем предположить, что на этапе приписывания супплетивному существительному признака [PL] контекстная алломорфия уже невозможна, что отражается в неприемлемости супплетивных форм множественного числа и значительных задержках при чтении.

Подход с наличием общей структуры позволяет объяснить также высокую приемлемость синкретичных форм. Если они поступают в структуру уже с признаком числа, согласование с вершиной NUM не требуется. Свободная применимость вычисления признаков объясняет и относительную приемлемость единственного и множественного числа для регулярных существительных.

В данном разделе мы рассмотрели экспериментальное исследование морфологических факторов, определяющих выбор стратегии согласования существительного. Нам удалось установить, что анализ с наличием общей разделяемой структуры лучше всего объясняет полученные результаты. Для анализа синтаксических характеристик именных групп с сочиненными модификаторами важно также обратить внимание на их синтаксическую дистрибуцию. В следующем разделе мы проанализируем атрибутивную стратегию согласования именной группы с премодификатором в сравнении

с предикативной стратегией согласования с глаголом. Мы рассмотрим, какие из подходов, описанных в разделе 2, способны объяснить полученные в экспериментальном исследовании результаты, а также проанализируем, как результаты экспериментального исследования в данном разделе соотносятся с результатами исследования в следующем разделе.

3.3. Атрибутивное согласование по числу при сочинении модификаторов в сравнении с предикативным

В данном экспериментальном исследовании изучается атрибутивное согласование премодификаторов в именных группах с сочинением прилагательных в сравнении с предикативным согласованием глагола. При существительном в единственном числе для предикативного согласования оказывается возможным только множественное число глагола, что соответствует обобщенной, или семантической стратегии (24). При существительном множественного числа также возможно только множественное число глагола, однако в этом случае оно соответствует дистрибутивной, или морфологической стратегии (25).

(24) *Старый и новый стиль будут уравнены /*будет уравнен.*

(25) *Старый и новый стили будут уравнены /*будет уравнен.*

В соответствии с иерархией согласования Г. Корбетта [1979] (26), типологически наблюдается предпочтение морфологического (дистрибутивного) атрибутивного согласования и семантического (обобщенного) предикативного. Следовательно, обратный случай, а именно дистрибутивное предикативное согласование и обобщенное атрибутивное, будет маловероятен. Если для некоторой конфигурации допустимо дистрибутивное предикативное согласование, то должно быть допустимо и дистрибутивное атрибутивное согласование. При этом допустимость обобщенного предикативного согласования не предопределяет допустимость обобщенного атрибутивного согласования.

(26)

	Атрибут —	Предикат —	Относительное местоимение	—	Личное местоимение
	← Морфологическое согласование				Семантическое согласование →

Ранее в исследованиях для болгарского [Harizanov, Gribanova 2015] и итальянского [Adamson *to appear*] отмечалось, что при множественном

числе существительного в конструкциях с сочинением модификаторов обязательно множественное число прилагательного, модифицирующего всю именную группу целиком. Для русского языка мы также ожидаем допустимость морфологического согласования для существительного множественного числа, поскольку для предикативного согласования допустима дистрибутивная стратегия. Гипотетически дистрибутивное согласование премодификатора возможно не только по множественному числу с существительным (27), но и по единственному числу с функциональной вершиной NUM, от которой получают признак единственного числа прилагательные (28).

(27) *наши старьй и новьй стили*

(28) *?наш старьй и новьй стили*

Согласование премодификаторов с существительным в единственном числе не рассматривалось в предшествующих исследованиях других языков. Мы ожидаем, что будет возможно морфологическое согласование по единственному числу (29). Однако семантическое согласование по множественному числу мало ожидаемо (30).

(29) *наш старьй и новьй стиль*

(30) **наши старьй и новьй стиль*

Чтобы определить приемлемость различных стратегий атрибутивного согласования, мы провели экспериментальное исследование. Мы рассмотрим именные группы с сочинением прилагательных в прямом и косвенном падеже, чтобы проверить влияние признака падежа на выбор стратегии согласования. Для русского языка отмечалось, что многие морфосинтаксические структуры допустимы только в контексте прямого падежа. Так, при числительных в прямом падеже прилагательные и существительные получают показатель генитива (31a), тогда как при числительных в косвенных падежах прилагательные и существительные копируют падеж числительного (31b) [Babby 1985].

(31) а. *пять больших бутылок вина / *большие бутылки вина*

б. *пятью большими бутылками вина / *больших бутылок вина*

[Babby 1985: 2]

Следовательно, анализ стратегии атрибутивного согласования при сочинении модификаторов отдельно для прямого и косвенного падежей

представляет особый интерес. Мы ожидаем, что в прямом падеже будет допустимо больше стратегий согласования, чем в косвенном.

В эксперименте приняло участие 74 человека. Из полученного массива ответов был исключен ответ 1 респондента. Для поиска выбросов применялся метод винсоризации, описанный в разделе 3.2.

Таким образом, при статистическом анализе использовались результаты 73 участников. Средний возраст испытуемых составил 36 лет ($sd = 13$). Среди респондентов было 25 женщин и 48 мужчин; 20 человек, чей род деятельности связан с языком (лингвист, филолог), и 53 человека, по профессии не связанных с языком; 4 человека со средним образованием, 6 человек со средним специальным образованием, 10 человек с неоконченным высшим образованием, 53 человека с высшим образованием.

Экспериментальное исследование включало три независимых переменных: число преמודификатора (единственное/множественное), число существительного (единственное/множественное) и падеж именной группы (прямой (аккузатив) / косвенный (инструменталис)). Чтобы обеспечить расщепленную интерпретацию (каждое прилагательное характеризует свой объект), стимульному предложению предшествовал контекст (32). Пример экспериментального блока представлен ниже (33).

(32) {В нашем дачном сарае было два шланга.}

- (33) а. Вася использовал **наш** длинный и короткий **шланг** для полива собственного сада.
- б. Вася использовал **наш** длинный и короткий **шланги** для полива собственного сада.
- в. Вася использовал **наши** длинный и короткий **шланг** для полива собственного сада.
- г. Вася использовал **наши** длинный и короткий **шланги** для полива собственного сада.
- е. Вася воспользовался **нашим** длинным и коротким **шлангом** для полива собственного сада.
- ф. Вася воспользовался **нашим** длинным и коротким **шлангами** для полива собственного сада.
- г. Вася воспользовался **нашими** длинным и коротким **шлангом** для полива собственного сада.
- д. Вася воспользовался **нашими** длинным и коротким **шлангами** для полива собственного сада.

Результаты попарного сравнения условий показывают, что значимым оказывается различие в приемлемости единственного и множественного числа преомодификатора для существительных в единственном числе ($p < .0001$) и существительных во множественном числе ($p < .0001$). Разница в приемлемости единственного и множественного числа существительного также оказывается значимой для преомодификаторов в единственном числе ($p < .001$) и преомодификаторов во множественном ($p < .0001$). На рисунке 4 представлены средние оценки для филлеров и стимульных предложений.

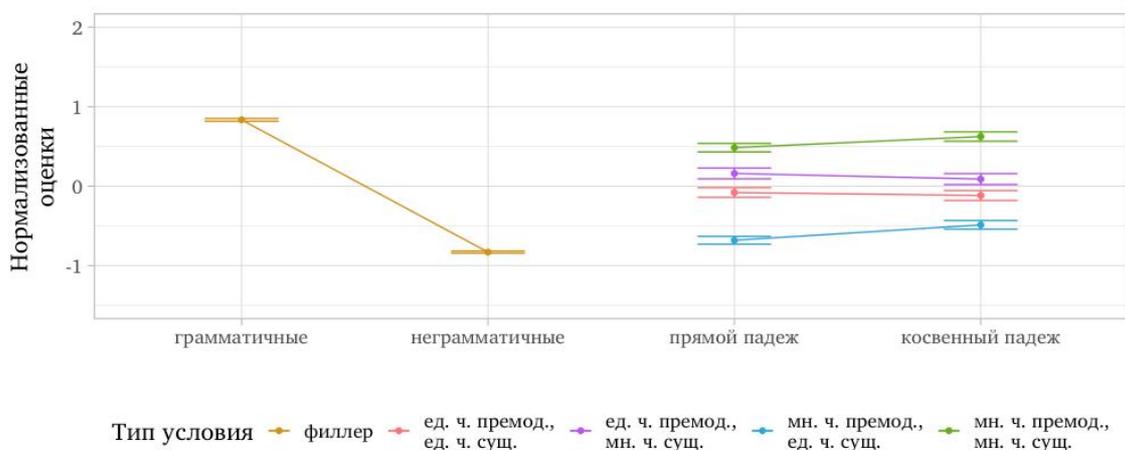

Рисунок 4. График взаимодействия для средних оценок филлеров и стимульных предложений

Таким образом, обнаруживаются значимые различия между всеми возможными стратегиями согласования, однако падеж именной группы при этом не имеет значения. Наиболее высокие оценки получают конструкции с множественным числом преомодификатора и существительного. Также приемлемыми оказываются конструкции с единственным числом преомодификатора вне зависимости от числа существительного. Наименьшие оценки получили структуры с множественным числом преомодификатора и единственным числом существительного.

Перейдем к анализу результатов, полученных при чтении с саморегулирующей скоростью. В таблице 2 представлен пример деления предложения по словам. Ожидается, что для первых трех слов время чтения не должно различаться. Мы предполагаем, что замедление будет возникать в четырех точках. Во-первых, при переходе от преомодификатора к первому прилагательному: если преомодификатор стоял во множественном числе (*эти/этими*), а прилагательное — в единственном (*длинный/длинным*), нарушаются ожидания относительно структуры. Во-вторых, при переходе от первого

прилагательного ко второму: если преомодификатор стоял в единственном числе (*этот/этим*), возникновение двух антонимичных прилагательных (*длинный и короткий / длинным и коротким*) является неожиданным. В третьих, при переходе от прилагательных к существительному. В зависимости от числа преомодификатора, единственное и множественное число существительного будут демонстрировать разную приемлемость. Мы ожидаем задержку при чтении для менее приемлемых конфигураций и не ожидаем замедления для более допустимых. Наконец, ожидается задержка на предложной группе, поскольку необходимость реанализа структуры на существительном может вызвать замедление и на последующем слове.

Таблица 2. Соответствие слова и номера слова в предложении

	ед.ч. мод., ед.ч. сущ.	ед.ч. мод., мн.ч. сущ.	мн.ч. мод., ед.ч. сущ.	мн.ч. мод., мн.ч. сущ.
1	<i>Вася</i>			
2	<i>использовал/воспользовался</i>			
3	<i>наш/нашим</i>		<i>наши/нашими</i>	
4	<i>длинный/длинным</i>			
5	<i>и короткий/коротким</i>			
6	<i>шланг/шлангом</i>	<i>шланги/шлангами</i>	<i>шланг/шлангом</i>	<i>шланги/шлангами</i>
7	<i>для полива</i>			
8	<i>собственного</i>			
9	<i>сада.</i>			

На рисунках 5 и 6 изображено распределение средних оценок для именных групп в прямом и косвенном падеже соответственно. Как и ожидалось, для первых трех слов не наблюдается значимых различий во времени чтения. Увеличение времени чтения происходит на четвертом слове (первом конъюнкте) при преомодификаторе во множественном числе. Мы предполагаем, что из-за несовпадения числа преомодификатора и конъюнкта возникает переосмысление предложения. Это наблюдается и в прямом, и в косвенном падеже.

Далее в прямом падеже происходит резкое увеличение времени чтения на пятом слове (втором конъюнкте) при преомодификаторе в единственном числе. Задержка связана с тем, что респондент снова перестраивает структуру предложения, так как понимает, что речь идет больше, чем об одном предмете. При этом в предложениях с преомодификатором во множественном числе время чтения наоборот уменьшается по сравнению с предыдущим словом. В косвенном падеже увеличение времени на пятом слове хоть и происходит, но не резко, пропорционально скачку на преды-

дущем слова. Задержка происходит на шестом слове (существительном) во всех конфигурациях, но особенно большая — при сочетании преомодификатора в единственном числе и существительного во множественном числе, а наоборот, меньше всего — при сочетании преомодификатора и существительного во множественном числе. Большая задержка на седьмом слове (предложной группе) также наблюдается после преомодификатора в единственном числе и существительного во множественном числе в прямом и косвенном падеже. На предпоследнем, восьмом слове время чтения резко уменьшается, а на последнем, девятом слове наблюдается эффект конца предложения и резкое увеличение времени чтения.

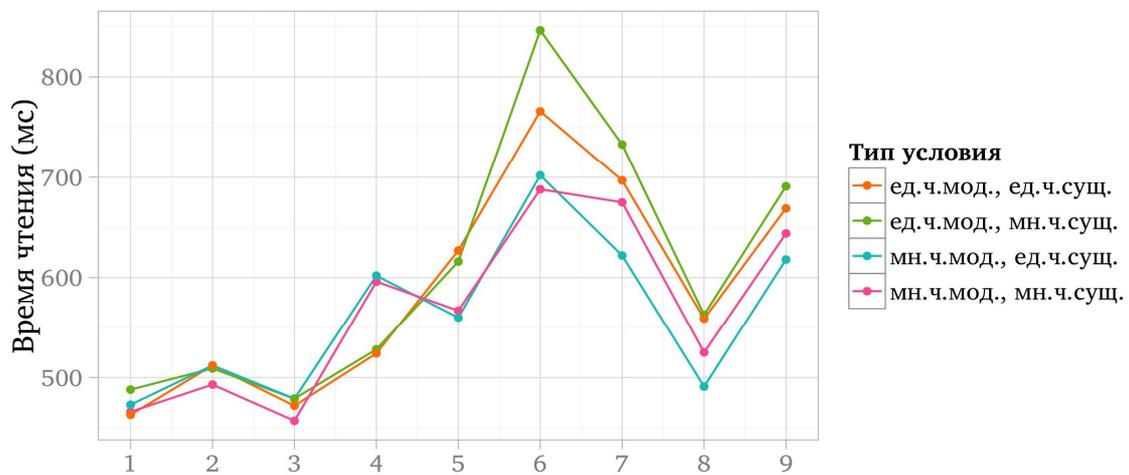

Рисунок 5. График средних значений по словам для именных групп в прямом падеже

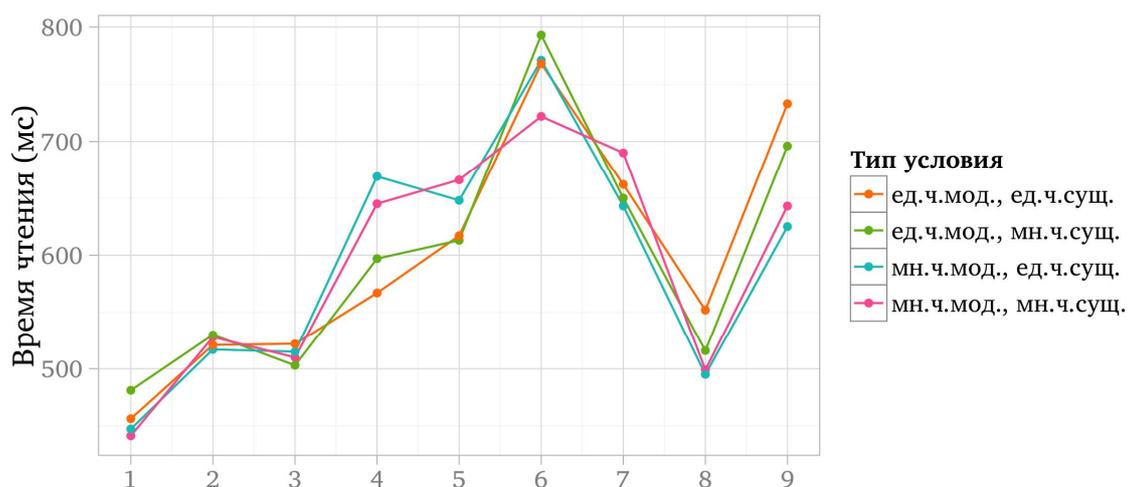

Рисунок 6. График средних значений по словам для именных групп в косвенном падеже

Результаты эксперимента подтвердили наши ожидания относительно возможных стратегий атрибутивного согласования преомодификаторов.

Для существительных во множественном числе оказывается приемлемым как множественное, так и единственное число преמודификатора, что соответствует иерархии согласования. Можно предположить, что в случае множественного числа преמודификатора происходит согласование с существительным, а в случае единственного числа — с функциональной вершиной NUM, от которой получают число прилагательные. Для существительных в единственном числе допустима только морфологическая стратегия (преמודификатор в единственном числе), но не семантическая (преמודификатор во множественном числе), что также объясняется иерархией согласования.

Вариативность числа существительного при сочинении прилагательных можно объяснить двумя способами. Можно считать, что конструкциям с единственным и множественным числом соответствуют разные синтаксические структуры. При единственном числе существительного происходит эллипсис. Множественное число существительное получает в ходе АТВ-передвижения или при наличии общей разделяемой структуры. Также можно предположить, что и при единственном, и при множественном числе существительного синтаксическая структура остается одинаковой, а именно, постулируется наличие общей структуры и параллельного соединения. При таком анализе различие в числе объясняется механизмом согласования: при единственном числе существительное копирует признак [SG] вершин NUM в обоих конъюнктах, а при множественном числе существительного признаки [SG] двух вершин NUM складываются и в результате дают признак [PL].

Допустимость множественного числа преמודификатора при множественном числе существительного могут объяснить и АТВ-передвижение, и анализ с общей структурой. Однако объяснить допустимость единственного числа преמודификатора уже сложнее. Будет неверно предположить, что преמודификатор присоединяет отдельно два конъюнкта *nP/NumP*, получает число так же, как и прилагательные, и затем во втором конъюнкте элидируется. В исследовании К.И. Казенина [2007] утверждается, что в русском языке существует запрет на сокращение левосторонней вершины (34). В данном примере двойные союзы показывают границу конъюнктов, и при их расположении перед вершиной *поездку* предложение оказывается неграмматичным. Однако если предположить сочинение малых конъюнктов и отсутствие эллипсиса, предложение становится грамматичным (35). Аналогичный эффект наблюдается для именных

групп с сочинением прилагательных. Если предположить эллипсис премодификатора и поставить двойные союзы на границу предполагаемых конъюнктов, конструкция окажется неграмматичной (36), чего не происходит, если двойные союзы обрамляют малые конъюнкты (37). Следовательно, эллипсиса вершины D, где расположен премодификатор, не происходит.

(34) *Я отложил и поездку в Лондон, и ~~поездки~~ в Париж. [Казенин 2007: 105]

(35) Я отложил поездку и в Лондон, и в Париж.

(36) *и этот длинный, и ~~этот~~ короткий шланг/шланги

(37) этот и длинный, и короткий шланг/шланги

Анализ с АТВ-передвижением не способен объяснить единственное число премодификатора при множественном числе существительного. В соответствии с этим подходом функциональная вершина D присоединяет группу *nP* с признаком множественного числа, и единственное число не может быть приписано премодификатору. Данная стратегия согласования может быть объяснена при анализе с общей структурой. При этом подходе существительное получает множественное число в ходе вычисления признаков двух вершин NUM единственного числа. Когда же премодификатор присоединяет сочиненную группу, содержащую те же две вершины NUM, для определения числа премодификатора снова запускается вычисление признаков. В результате при множественном числе существительного премодификатор может как скопировать признак одной из вершин и получить единственное число, так и применить вычисление признаков и получить множественное число.

Данный подход также объясняет стратегии согласования при единственном числе существительного. В этом случае вычисление признаков для существительного уже не происходит: существительное скопировало признак единственного числа одной из вершин NUM. Следовательно, операция вычисления признаков блокируется и для премодификатора, и он тоже может только скопировать признак единственного числа. Отметим, что допустимость единственного числа премодификатора и существительного может быть объяснена и при анализе с эллипсисом существительного. Однако сочинительное сокращение в данной конструкции требует дальнейшего изучения.

Подведем итоги данного раздела. Мы рассмотрели два экспериментальных исследования факторов, определяющих выбор стратегии согласования существительного в именных группах с сочиненными модификаторами. В разделе 3.1 мы представили общие сведения о проведении экспериментов. Раздел 3.2 содержит описание экспериментального исследования, в котором изучалась взаимосвязь регулярности числовой морфологии и стратегии согласования существительного. Нам удалось выяснить, что для существительных с супплетивным множественным числом оказывается значительно более приемлемо единственное число существительного, а для форм с регулярной морфологией — наоборот, множественное число существительного. Для форм с чередованием суффиксов и дефектных форм приемлемость единственного и множественного числа значимо не различается. Экспериментальное исследование в разделе 3.3 рассматривало стратегию атрибутивного согласования премодификаторов при подъеме правого узла в сравнении с предикативным согласованием глагола. Результаты показали, что при множественном числе существительного допустимо и единственное, и множественное число премодификаторов, а при единственном числе существительного возможно только единственное число премодификатора. Учесть влияние выявленных факторов возможно при анализе с общей разделяемой структурой. Постулируя параллельное соединение и вычисление признаков, мы можем объяснить все полученные результаты. В следующем разделе мы подведем итоги данной работы.

4. Заключение

Данное исследование посвящено изучению синтаксических свойств именных групп с сочинением прилагательных. В центре нашего внимания находились именные группы с расщепленной (*split*) или собирательной (*collective*) интерпретацией, когда каждое прилагательное входит в отдельные дескрипции, соответствующие разным референтам. Особенность подобных конструкций в русском языке состоит в том, что для них постулируется вариативность числа существительного. С одной стороны, необходимо понять, какая синтаксическая структура стоит за конструкциями с единственным числом существительного, поскольку при этом сложная дескрипция обозначает множественные сущности. С другой стороны, требуется объяснить, в ходе каких синтаксических операций существительное полу-

чает множественное число, а прилагательные — единственное, тогда как при стандартном механизме согласования они должны иметь одинаковый признак числа.

Существует несколько подходов к анализу синтаксических свойств именных групп с сочинением прилагательных. Основные из них мы рассмотрели в разделе 2. Часть 2.1 содержит описание подходов в рамках генеративного синтаксиса. Можно выделить три основных формальных подхода к анализу данной конструкции: (i) эллипсис, или сочинительное сокращение, (ii) АТВ-передвижение, (iii) общая, или разделяемая структура (*multidominant structure*). В 2.2 был представлен анализ в рамках альтернативной формальной модели — лексико-функциональной грамматики. Наконец, в 2.3 мы обратились к работам, посвященным изучаемому явлению в русском языке.

Тем не менее, предшествующие исследования для русского языка учитывают не все возможные факторы, которые могут определять приемлемость стратегии согласования для существительного. В разделе 3 мы рассмотрели морфологические и синтаксические факторы, которые тем или иным образом ограничивают вариативность. Чтобы точнее установить влияние определенных морфологических и синтаксических условий, мы провели экспериментальные исследования.

Исследование, описанное в разделе 3.2, нацелено на то, чтобы изучить, как регулярность числовой морфологии существительного влияет на выбор стратегии согласования. Нам удалось установить, что для супплетивных форм оказывается приемлемым только единственное число существительных. Неприемлемость множественного числа сопровождается задержками при чтении с саморегуляцией скорости. Для форм с чередованием суффиксов и дефектной парадигмой приемлемость единственного и множественного числа одинакова. Для форм с регулярной морфологией более приемлемым оказывается множественное число существительного.

Исследование, представленное в разделе 3.3, посвящено взаимодействию стратегий атрибутивного и предикативного согласования для именных групп с сочинением прилагательных. В ходе него удалось выяснить, что для существительных множественного числа допустима морфологическая стратегия предикативного согласования (глагол во множественном числе) и морфологическая стратегия атрибутивного согласования (премодификатор в единственном или множественном числе). Для существительных единственного числа допустимо семантическое предикативное согласование

(глагол во множественном числе) и морфологическое атрибутивное (премодификатор в единственном числе). Полученные результаты являются типологически ожидаемыми и соотносятся с иерархией согласования.

Результаты экспериментов подтверждают корректность анализа с общей разделяемой структурой. Данный подход предполагает, что признаки имеют устройство «атрибут: значение» и благодаря этому может объяснить одинаковую приемлемость единственного и множественного числа для существительных с чередованием суффиксов. Разделяемая структура образуется в ходе параллельного соединения, которое, как и внешнее соединение (синтаксическое передвижение), происходит после вставки лексических единиц. Признак множественного числа вырабатывается при вычислении признаков, и замена супплетивной формы единственного числа на форму множественного числа, то есть контекстная алломорфия, уже невозможна на этом этапе деривации. Кроме того, данный подход объясняет допустимость единственного и множественного числа премодификатора при множественном числе существительного. Мы предполагаем, что для премодификатора также запускается вычисление признаков. Однако при единственном числе существительного, когда вычисления признаков для существительного не происходит, для премодификатора оно также невозможно, что объясняет допустимость только единственного числа премодификатора. Отметим, что анализ с эллипсисом также способен объяснить единственное число премодификатора при единственном числе существительного, однако сама допустимость эллипсиса существительного в таких конструкциях требует дальнейшего изучения.

Список условных сокращений

ACC — аккузатив; DEF — определенность; M — мужской род; N — средний род; PL — множественное число; SG — единственное число; SUP — суперлатив.

Список источников / References

- Казенин 2007 — Казенин К.И. О некоторых ограничениях на эллипсис в русском языке. // Вопросы языкознания. 2007. No 2. С. 92–107. [Kazenin K.I. O nekotorykh ogranicheniyakh na ellipsis v russkom yazyke. [On some restrictions on ellipsis in Russian]. Voprosy jazykoznanija. 2007. No. 2. Pp. 92–107.]
- Кодзасов 1987 — Кодзасов С.В. Число в сочинительных конструкциях // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах / А.Е. Кибрик, А.С. Нариньяни (ред.). М: Наука, 1987. С. 204–219. [Kodzasov S.V. Chislo v sochnitel'nykh konstruktsiyakh. [Number in coordinated constructions]. Modelirovanie yazykovoi deyatel'nosti v

- intellektual'nykh sistemakh Kibrik A.E, Narin'yani A.S. (eds.). Moscow: Nauka, 1987. Pp. 204–219.]
- Пекелис 2013 — Пекелис О.Е. Сочинение. [Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики](#). На правах рукописи. 2013. [Pekelis O.E. Sochinenie. [Coordination]. [Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki](#). Manuscript copyright. 2013.]
- Abels 2004 — Abels K. Right node raising: Ellipsis or across the board movement? *Proceedings of NELS 34*. Moulton K., Wolf M. (eds.). Amherst, MA: GLSA Publications, 2004. Pp. 45–60.
- Adamson to appear — Adamson L.J. Split coordination with adjectives in Italian: An approach with multidominance and semantic agreement. To appear.
- Babby 1985 — Babby L.H. Noun phrase internal case agreement in Russian. *Russian linguistics*. 1985. Vol. 9. Pp. 1–15.
- Belyaev et al. 2015 — Belyaev O., Dalrymple M., Lowe J. Number mismatches in coordination: an LFG analysis. *Proceedings of the LFG15 Conference*. Butt M., King, T. (eds.). CSLI Publications, 2015. Pp. 26–46.
- Citko 2005 — Citko B. On the nature of merge: External merge, internal merge, and parallel merge. *Linguistic Inquiry*. 2005. Vol. 36. No. 4. Pp. 475–496.
- Corbett 1979 — Corbett G.G. The agreement hierarchy. *Journal of linguistics*. 1979. Vol. 15. No. 2. Pp. 203–224.
- Embick 2000 — Embick D. Features, syntax, and categories in the Latin perfect. *Linguistic inquiry*. 2000. Vol. 31. No. 2. Pp. 185–230.
- Grosz 2015 — Grosz P.G. Movement and agreement in right-node-raising constructions. *Syntax*. 2015. Vol. 18. No. 1. Pp. 1–38.
- Harizanov, Gribanova 2015 — Harizanov B., Gribanova V. How across-the-board movement interacts with nominal concord in Bulgarian. *Proceedings from the Annual Meeting of the Chicago Linguistics Society 49*. University of Chicago, IL: Chicago Linguistics Society, 2015. Pp. 115–129.
- Hartmann 2000 — Hartmann K. *Right node raising and gapping: Interface conditions on prosodic deletion*. Amsterdam: John Benjamins, 2000.
- Heycock, Zamparelli 2005 — Heycock C., Zamparelli R. Friends and colleagues: Plurality, coordination, and the structure of DP. *Natural language semantics*. 2005. Vol. 13. No. 3. Pp. 201–270.
- Marantz 1994 — Marantz A. A late note on Late Insertion. *Explorations in Generative Grammar: A Festschrift for Dong-Whee Yang*. Y-S Kim et al. (eds.). Seoul: Hankuk Publishing, 1994. Pp. 396–413.
- Ross 1967 — Ross J. *Constraints on variables in syntax*. Ph.D. dis. MIT, Cambridge, MA, 1967.
- Sabbagh 2007 — Sabbagh J. Ordering and linearizing rightward movement. *Natural Language & Linguistic Theory*. 2007. Vol. 25. Pp. 349–401.
- Shen 2018 — Shen Z. *Feature arithmetic in the nominal domain*. Ph.D. dis. University of Connecticut, Storrs, CT, 2018.
- Sprouse et al. 2013 — Sprouse J., Schütze C.T., Almeida D. A comparison of informal and formal acceptability judgments using a random sample from Linguistic Inquiry 2001–2010. *Lingua*. 2013. Vol. 134. Pp. 219–248.
- Wilder 1997 — Wilder C. Some properties of ellipsis in coordination. *Studies in universal grammar and typological variation*. Alexiadou A., Hall T.A. (eds.). Amsterdam, 1997. Pp. 59–108.

Статья поступила в редакцию 30.09.2022

The article was received on 30.09.2022

Ксения Андреевна Студеникина

МГУ имени М. В. Ломоносова

Kseniia A. Studenikina

Lomonosov Moscow State University

xeanst@gmail.com

Типология морфосинтаксических параметров
том 5, выпуск 1

Сайт журнала:

<https://tmp.sc/>

Оригинал-макет: Кс. П. Семёнова

Подписано в печать 18.11.2022.

Формат 21*29.7 см. Гарнитура Charis SIL.

Электронное издание. Объём 140 стр.